

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

№ 1

Екатеринбург
1994

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1

К 380-летию восстановления российской
государственности (1613 — 1993)

Екатеринбург

1994

Уральский исторический вестник, (№1).
Екатеринбург: УрО РАН, Институт истории и археологии, 1994. ISBN 5-7691-0480-5, ISBN 5-85865-035-X

Предлагаемый читателю выпуск посвящен различным аспектам государственного строительства, взаимоотношений государства и общества. Особое внимание уделено личной роли монархов — представителей династии Романовых — в историческом развитии России, а также их судьбам. Вводятся в научный оборот новые документы по истории народной политической культуры; публикуется статья известного английского географа Х.Дж.Маккиндера, излагающая концепцию геополитического положения России.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей вузов и школ, а также всех, интересующихся историей.

Главный редактор : член-корр. РАН В.В.Алексеев

Редакционная коллегия: к.и.н. Е.Т.Артемов, д.и.н. А.В.Бакунин, к.и.н. И.Б.Васильев, д.и.н. К.И.Куликов, д.и.н. Н.А.Миненко (зам. главного редактора) , к.и.н. А.Д.Напалков, к.и.н. Б.Б.Овчинникова, к.и.н. И.В.Побережников (ответственный секретарь), д.и.н. В.В.Рабцевич, к.и.н. Е.Ю. Рукусуев, к.и.н. Г.Н.Чагин.

ISBN 5-7691-0480-5
ISBN 5-85865-035-X

У $\frac{10604-117-(94)}{8 \text{ П}6(03)-1993}$ БО, 1994

© УрО РАН, Институт истории
и археологии, 1994.

К читателю

В условиях радикальных преобразований современной России началась кардинальная перестройка исторической науки, но этот процесс идет медленно и противоречиво. Между тем народ желает скорее знать свою подлинную историю, а не фальсифицированную в угоду старым и новым политическим стереотипам. Общество ждет правдивый ответ на вопрос о причинах нынешних трудностей, их глубинных корнях. Проще всего все списать на ошибки тоталитарного режима, а разве раньше и позже их не было. Пора глубоко и беспристрастно задуматься над вопросом: чему учит русская история?

Уже попытку ответить на этот вопрос наряду с другими учеными страны активно включают уральские историки. Ими выполнен ряд крупных и оригинальных исследовательских проектов, опубликовано немало книг и статей. Назрела необходимость и подготовлены условия для обмена оперативной информацией в области исторических исследований. С этой целью организуется издание "Уральского исторического вестника", который призван объединить и стимулировать усилия ученых, изучающих свой край, содействовать упрочению связей научных сотрудников гуманитарных подразделений Уральского отделения РАН и преподавателей общественных кафедр вузов Урала, более активному участию тех и других в перестройке исторического образования. Такой подход нашел отражение в составе редколлегии вестника, которая включает как научных сотрудников академии, так и вузовских преподавателей. Задачи издания обусловили особенности его структуры. Каждый выпуск будет открываться разделом "Статья и сообщения", в котором помещаются как методологические, так и конкретно-исторические исследования. Естественно наше стремление уделять больше внимания сюжетам уральской истории. Однако мы не считаем правомерным замыкаться лишь на конкретных проблемах истории региона. Предполагается также изучение прошлого Урала в контексте российской и всеобщей истории; определение места региона в геополитической и цивилизационной динамике. Редколлегией будет приветствоваться работы, выполненные по перспективным направлениям исторической науки: индустриальной археологии, взаимоотношений человека и среды в исторической ретроспективе, истории Урала в геополитической динамике, истории административно-государственных учреждений и управленческих стратегий, историко-культурным и этнокультурным аспектам прошлого Урала.

Редколлегией намерена отказаться от прежней практики разграничения материала по хронологическим эпохам: "дооктябрьский период", "советский период" и т.д. Представляется, что пролетарская революция при всей ее взрывной силе все же не осуществила полного разрыва между прошлым и настоящим. Изучение исторической преемственности, исторических корней современности, этнокультурных и прочих непрерывностей, для которых 1917 г. не является непреодолимым барьером, является одним из наиболее перспективных направлений исторических исследований.

Исследование решающих и критических моментов в истории, кардинальных поворотов в политике, смены технологических спо-

собов производства, культурных типов, ценностных и этических иерархий, исторических периодов, когда возникали возможности альтернативного развития, — таких работ ожидает редакционная коллегия. Несомненно, что понять прошлое вне противоборства людей и идей, столкновения политических и нравственных позиций невозможно. Поэтому в вестнике особое внимание будет уделяться историческим персонажам: власть имущим и простым труженикам, самодержцам и революционерам, администраторам и ученым, заводовладельцам, купцам, рабочим, крестьянам, казакам и т.д.

Худший враг науки — категоричность суждений, безапелляционность выводов, укоренившиеся в отечественной историографии за годы советского развития. Плюралистическое мышление прививается в современной науке постепенно, не без труда. Наше издание призвано содействовать отходу от однозначных решений, от "монотеистической" историографии. Мы хотели бы видеть на страницах вестника статьи ученых разных взглядов и убеждений, различных подходов к решению конкретных исторических проблем. В особенности редколлегия "Уральского исторического вестника" приветствовала бы материалы дискуссий, сопоставление разных подходов к истории.

Историческая наука не может развиваться без ввода в научный оборот новых источников. В разделе "Публикации" мы намерены помещать документы, дающие новое видение истории, раскрывающие ее "белые" пятна. С большой заинтересованностью отнесется редколлегия к публикации массовых источников, их математической обработке, созданию банка данных, основанного на электронных носителях, по ключевым и наиболее сложным проблемам уральской истории.

С определенными трудностями идет сегодня процесс перестройки исторического образования в вузе и школе: новые подходы, концепции исторического обучения находятся в стадии разработки; не хватает учебных программ, учебных и учебно-методических пособий. Надеемся, что публикации в разделе "В помощь преподавателю вуза и школы" в какой-то степени помогут решить указанные проблемы. Редколлегия намерена публиковать учебно-методические указания к лекциям, семинарам, школьным занятиям. Думается, что кооперация усилий историков-исследователей и педагогов-преподавателей истории будет особенно ценной в современных условиях в связи с тенденциями регионализации и гуманизации исторического образования, ростом удельного веса краеведческого образования, изучения местных культурных обычаев и традиций в системе исторического обучения.

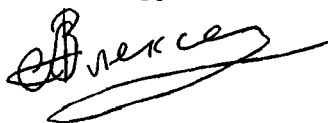
Важным структурообразующим элементом научного сообщества является хорошо отлаженная система обмена информацией. К сожалению, сегодня историки Урала таковой не имеют. Зачастую они узнают постфактум о тех или иных научных форумах: конференциях, семинарах, научно-практических совещаниях, проводимых в регионе; о коллективных монографиях и сборниках статей. Этот пробел призван ликвидировать четвертый раздел вестника "Научная жизнь", информирующий историков Урала о важнейших изданиях по истории региона; о конференциях — прошедших и готовящихся.

"Уральский исторический вестник" для начала предполагается выпускать два раза в год. Каждый выпуск будет посвящаться

определенной теме. Предлагаемый читателю первый выпуск содержит преимущественно расширенные варианты докладов, прочитанных учеными на Международной научной конференции "Династия Романовых в истории России", которая была проведена Институтом истории и археологии УрО РАН в Екатеринбурге 14—15 июля 1993 г., посвящалась 380-летию восстановления российской государственности и 75-летию трагической кончины последнего российского монарха. Следующий выпуск вестника 1994 г. предполагается посвятить проблемам истории культуры и общественного сознания. В 1995 г. планируется подготовить выпуски по темам: "История управления и самоуправления на Урале"; "Уральский регион в контексте отечественной и мировой истории".

Редколлегия рассчитывает на поддержку и активное участие в "Уральском историческом вестнике" всех гуманитариев, заинтересованных в обсуждении актуальных проблем исторического прошлого Урала. Хотелось бы надеяться, что наш вестник, вместе с другими изданиями по истории, будет способствовать активизации исторических исследований, совершенствованию исторического образования и возвращению нашей исторической науке того престижа, которым гордилась российская историография.

Главный редактор
Член-корреспондент РАН

Handwritten signature of the main editor, A. A. Alexeev, in black ink.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Д.Н.Альшиц

ЛЮДИ И НРАВЫ ЭПОХИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ XVI — XVII вв.

От внимания современных историков и экономистов и тем более публицистов обычно ускользает тот факт, что нынешнее первоначальное накопление капитала и создание класса капиталистов в нашей стране является отнюдь не первоначальным, а очередным. Присмотревшись к собственному историческому опыту в этой области, мы найдем, на мой взгляд, немало интересного и поучительного.

Тема данного вестника — 380-летие восстановления российской государственности — весьма точно отражает суть одного из важнейших моментов истории России. Она выражена в слове — восстановление. Для меня несомненно, что российская государственность, конкретно — царское самодержавие, была в основном создана в XVI веке, при Иване Грозном¹, и восстановлена в результате преодоления разрушившей ее “смуты”.

Поскольку речь пойдет о восстановлении прерванного исторического процесса, рассмотрение темы, обозначенной в заглавии статьи, естественно будет начать с краткого обзора важных для нас событий XVI века.

Первое в России царское правительство, возникшее в 1547 году после народного восстания в Москве, провело, как известно, весьма радикальные реформы государственного управления. Одним из важнейших слагаемых этих реформ было внесение выборного начала в местное управление и в судебную систему. Фактически государство отдало местную власть на откуп “лучшим людям” волостей и городов. Местная администрация стала выборной. Без выборных судей, то есть без присяжных, не мог вершиться ни один суд. Фактически возглавлявшие правительство Адашев и Сильвестр приложили немало усилий, чтобы создать условия для свободного развития ремесел, торговли, промыслового предпринимательства. Особенно заметные результаты эта политика дала на севере, в землях, свободных от поместного землевладения. Вес и влияние богатеев в этих краях достаточно ярко характеризуются тем фактом, что первые дипломатические отношения с Англией от имени Московского государства вели не именитые бояре и дворяне, а двинские “торговые мужики” — богатеи Фофан Макаров и Михаил Косицын. Именно они вместе с вологжанином Осипом Непеем первыми из русских людей отправились в Лондон с миссией установления торговых отношений между Англией и Россией². Этот факт говорит о многом. И прежде всего о том, какую важную роль в государственных делах должны были по замыслам реформаторов играть “лучшие люди” — промысловые и торговые богачи. Политику Алексея Адашева, энергично защищавшего интересы торгово-промыслового населения, поддерживал Сильвестр — выходец из среды зажиточных посадских людей Новгорода³. В проведении столь демократических (без всяких кавычек!) реформ до поры до времени участвовал и молодой царь Иван IV⁴. Известно, что Грозный недолго оставался либеральным реформатором и предпочел

другой вариант властвования. До конца дней он сохранил ненависть к своим бывшим соратникам — Адашеву и Сильвестру. Он не простил им попытку создать государство, где власть царя была бы ограничена представительными учреждениями, а власть и суд на местах осуществляло бы выборное самоуправление. Такой характер государственного управления был несовместим с тем государственным порядком, который позднее установил Грозный, с крепостничеством в основе социальных отношений, с деспотической опричной диктатурой в основе политического и административного управления.

Ставшее традиционным в исторической науке мнение, будто главным политическим противником Грозного было боярство, приверженное старой удельной самостоятельности, — по меньшей мере недостаточно. Грозный действительно расправлялся с мятежными боярами, олицетворявшими, по его убеждению, опасность возвращения к вчерашнему удельному своеволию. Однако в еще большей степени его заботило будущее — то, по какому пути пойдет новое, единое Московское государство. И в этой связи необходимо обратить внимание на то, что царя неотступно преследовал призрак парламентаризма (в его тогдашних формах). Впрочем, только ли призрак? Стоило обратить взоры на Запад, и перед глазами вставали те самые системы государственного устройства, которых он во что бы то ни стало хотел избежать в своей стране. "Тамо особь каждо о своем печеся...", — утверждал царь, верно подмечая, что представительные учреждения Западной Европы — парламенты, ассамблеи, генеральные штаты и сеймы призваны прикрыть личиной "всенародства" эгоистические интересы эксплуататоров-феодалов и безудержное стремление нарождающейся буржуазии к наживе.

Грозный сделал все, чтобы привести к полной покорности и безгласности какие бы то ни было представительные учреждения — боярскую думу и земские соборы, чтобы лишить церковь всякого самостоятельного влияния на дела государства. В этом же ряду следует искать причину жестоких расправ Грозного с купечеством, с представителями торгового капитала как с политической силой. Его кровавый поход на Новгород рассматривается обычно лишь как эпизод в истории опричного террора, и едва ли не как пример мало объяснимого сумасбродства царя. Между тем какие бы дикие формы ни приняли новгородский поход и последовавшие за ним события, нельзя не видеть тех побудительных причин, которыми эти кровавые акции были вызваны.

Буквально накануне карательного похода на Новгород Грозный обвинил новгородских купцов в "изменных" сношениях с купцами английскими. Примерно в то же время в гневном письме английской королеве Елизавете он обозвал ее "пошлой девкой" за то, что королева позволила себе обсудить вопрос, с которым к ней обращался Грозный, в парламенте, или, как он выразился, "с торговыми мужиками".

Вполне ясно, какими глазами смотрел Грозный на новгородское купечество, привыкшее испокон веков решать вопросы жизни своего города, в том числе и вопросы торговли с другими странами и взаимоотношений с Москвой, на своем вече. Терпеть подобные вольности как в самом Новгороде, так и на огромных пространствах новгородских земель царь не желал.

Еще до прибытия Грозного в Новгород с карательной экспедицией его дворяне "повелением государевым, во граде гостей (купцов.— Д.А.)... и торговых людей переимаша и передаваша их по приставам и повелеша их приставам держати крепко в оковах железных, а дома их и имения запечаташа, а жен их и детей повелеша стражем стрещи". Прибыв в Новгород, царь самолично нагрянул на Торговую сторону и повелел лавки новгородских купцов "разсекати и до основания разоряти".

Купцы новгородские и купцы московские имели, естественно, постоянные связи. Среди жителей столицы, схваченных по новгородскому делу, было немало московских купцов и посадских людей. Московские казни 1570—1574 годов были прямым продолжением новгородской карательной экспедиции Грозного. Немалое число новгородцев — главным образом купцов — было привлечено к следствию и затем наказано по делу новгородского епископа Леонида, казненного в 1573 году.

Глубину и масштаб конфликта между российским купечеством, возглавлявшим городской посад, и царской властью с ее служилыми людьми, псарями и опричниками, конфликта, заслоненного в источниках и в литературе более шумной войной между царем и боярами, раньше многих историков, интуицией гениального художника уловил М.Ю.Лермонтов. Он создал образ смелого, прямого, во всех отношениях достойного человека из народа — купца Калашникова, который не склонил голову ни перед царским слугой, ни перед самим царем. Только теперь мы в состоянии оценить глубину проникновения Лермонтова в суть событий XVI века.

Автору этих строк удалось обнаружить неизвестную ранее повесть XVI века про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина⁶. Содержание повести восходит к казням 1570—1574 годов "на Москве".

Из источников, современных событиям, известно, что во время массовой казни в июле 1570 года большая часть из выведенных на казнь трехсот человек была помилована царем и с места казни отпущена по домам.

Автор древнерусской повести изображает это событие следующим образом.

После того, как было казнено 7 человек, царскими палачами был подведен к плахе Харитон Белоулин "из гостиной сотни". "И не могоша на плаху склонити, бе бо велик возрастом и силен вельми". Обратившись к царю, Харитон Белоулин "вскрича": "Почто царю великий неповинную нашу кровь проливаешь?" Многие палачи с трудом склонили Харитона Белоулина к плахе. Когда его голова была отрублена, то, скатившись на землю, она продолжала произносить обличительные слова. Труп купца вскочил на ноги и затрясся, заливая кровью стоявших окрест него. Палачи так и не смогли сбить труп с ног. "Сие же виде царь усумневся и бысть страхом одержим и отида в палаты своя... И вестник прииде от царя повеле всех пойманных отпустить."

Купец Харитон Белоулин многим отличается от купца Степана Калашникова в поэме М.Ю.Лермонтова. Но есть между ними и общее — оба они могучие богатыри из народа, с которыми не справится царским слугам, оба они погибли после того, как говорили в глаза царю прямые речи, оба они подняли голос против насилия и произвола. В обоих случаях этот голос раздался

не из среды боярско-княжеской оппозиции, а снизу, из посадской среды.

Крестьянская война начала XVII в., династический кризис, интервенция явились сильнейшими ударами по системе самодержавной власти. Тем не менее социально-политические изменения, внесенные в общественную структуру Московского государства в царствование Ивана Грозного, оказались необратимыми.

Речь идет о таких важнейших социально-политических моментах, как введение крепостничества; превращение поместного землевладения в социально-экономическую базу господствующего класса; государственная организация воинской службы; подчинение церкви царскому государству; установление административной регламентации и налогового обложения торговли; создание единой государственной налоговой системы.

Укрепление царского государства в середине XVII в., отразившееся в Уложении 1649 года, было по существу реставрацией пошатнувшихся в годы названных выше кризисов основ самодержавной власти, заложенных в правление Грозного, их дальнейшим развитием. И не случайно середина XVII века отмечена исключительным интересом и вниманием к времени Ивана IV.

Достаточно, не вдаваясь в подробности, указать на то, что большая часть письменных источников его эпохи дошла до нас только благодаря тому, что они сохранились в многочисленных списках середины XVII века, когда их широко переписывали и распространяли. Назовем памятники законодательные — например, Судебник 1550 года, и публицистические и литературные, например, сочинения Грозного, Пересветова, Курбского. И, конечно же, "Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина".

Вместе с тем укрепление в XVII в. государственных начал, создание во всех отношениях "регулярного государства" привело, помимо прочих самых разнообразных последствий, еще к одному. Утих прежний накал борьбы за создание единого и единодержавного государства, притихли и люди. "Тишайшим" стал сам царь, законопослушным стало и большинство подданных. Время от времени появлялись, как выражался Н.С.Лесков, "потрясатели основ", такие как протопоп Аввакум, Степан Разин... Но торгово-промысловая среда в ходе развития торговли и промыслов вширь, по мере создания всероссийского рынка, как социально-политическая сила притихла. Торговля, ремесла, промыслы оказались в XVII в. прочно зажатыми в тисках царской администрации. И, естественно, по мере укрепления самодержавной власти и усиления государственной регламентации стали уходить в прошлое как из реальной жизни, так и из литературы окруженные ореолом романтики представители "купецкого звания" вроде реального Афанасия Никитина или легендарных Садко и Харитона Белоулина. И, надо полагать, не случайно то, что именно в момент временного ослабления и разрушения единодержавной власти, в "смутное время", как бы завершая напоследок целую эпоху, поднялась на историческом горизонте России могучая фигура "купецкого человека" Козьмы Минина.

Вместе с укреплением и расширением государства создавался и всероссийский рынок, развивалась международная торговля, всячески поощряемая государством.

Уложение 1649 года, вполне точно охарактеризованное его исследователем А.Г.Маньковым как кодекс феодального права, отразило как бы "общественный договор" между торгово-промышленными верхами и феодальным государством. Естественно, что этот "общественный договор" носил ярко выраженный феодальный характер. Были четко регламентированы "сословные права высшей категории городского населения — гостей и торговых людей Гостиной и Суконной сотни. Эти привилегированные торговые корпорации пополнялись преимущественно из посадских людей, разбогатевших на торгах и промыслах"...⁶ На наиболее богатую часть купечества были распространены всевозможные феодальные привилегии — жалованные грамоты, право судиться судом царя, государственные должности советников по финансам и торговле, право свободного выезда за границу и даже "право всегда топить избы и бани, варить и держать питье" и т.д. и т.п.⁷

Этот момент, таким образом, можно считать началом многовекового пути развития пригосударственной и, соответственно, прогосударственной российской буржуазии. Стоит в этой связи напомнить, что русская буржуазия, даже после своего бурного и скоростного развития, начавшегося реформой 1861 года, так и не стала самостоятельной политической и экономической силой. Она продолжала целиком зависеть от царского государства, жила и развивалась под его патронажем и под его защитой. Не случайно и то, что после кратковременного демократического головокружения в феврале 1917 года все без исключения партии нашли свое место в гражданской войне в одном лагере с царскими генералами. Иначе и быть не могло. На то, чтобы возглавить "свою" буржуазную революцию, наподобие того, как это сделала буржуазия французская в 1789 году, у русской буржуазии не хватило ни социальной, ни политической силы. А с большевиками ей было, естественно, не по пути. Оптимальным для нее оказалась борьба за сохранение дореволюционного статус-кво — давнего, прочного, выгодного. Но случилось иначе. Процесс буржуазного развития, начатый в России первоначальным накоплением капитала в XVII веке, в 1917 году был прерван. Восстановление этого процесса происходит в наши дни.

Именно поэтому так важно сегодня представить себе этот процесс с самого начала. Твердая регламентация торгово-промышленной деятельности, с одной стороны, и сильная протекционистская ее поддержка государством, с другой, существенно изменили условия жизни торгового человека и самый его тип. То, что в прошлом было подвигом, теперь становилось бытом. Ни Садко, ни Афанасий Никитин в XVII веке не стали бы столь заметными фигурами, как в свое время⁸. Так, например, Арсений Суханов, совершивший в середине XVII века путешествие в Египет, сопровождавшееся многочисленными приключениями и явившееся открытием Египта для России, популярным героем не стал. Хотя и описал свое путешествие весьма красочно и интересно⁹.

В свете всего изложенного проникновение в подлинные реалии исторической жизни героев эпохи первоначального накопления капитала в России XVII века — задача весьма важная и актуальная. Сделать это долго не удавалось ни с помощью исторических источников, ни с помощью литературных произведений.

Историки и экономисты тщательно изучили процесс складывания "всероссийского рынка". Исследована фактическая сторона процесса, его движущие силы, собран богатый статистический материал... Но это все — материалы обобщений. Сегодня у нас есть возможность более явственно и конкретно разглядеть "хозяев процесса" складывания "всероссийского рынка", разглядеть, какими они были, эти люди, русские "купцы капиталисты" того далекого времени. Как они выглядели, как говорили, каковы были их быт, нравы, как складывались их отношения с окружающими людьми, как вживались они в систему дворянско-помещичьей государственности.

У нас есть возможность разглядеть в глубине веков не просто силуэты определенных социальных типов, но и реальных, живых людей, таких, какими их видели современники, какими они видели себя сами, услышать их подлинные голоса... Таится она в материале, который до сих пор привлекался обычно для работ чисто экономических, статистических, для тех или иных общих социологических характеристик. Речь идет об официальных грамотах, идущих "сверху", о прошениях и жалобах, подаваемых "снизу", о всевозможных частных актах — купчих, заемных, закладных, меновных и тому подобных.

"Скучная материя эти акты и грамоты" — такое убеждение было широко распространено даже среди историков. Что же касается писателей и учителей, — то есть тех, кто в живой, образной форме должен рассказывать о прошлом нашей Родины, то они обычно совсем не прикасаются к актовому материалу. Между тем на деловые документы можно посмотреть и как на документы человеческие, как на застывшие слитки чьих-то давних дел, столкновений, судеб...

На материале актов XVII — начала XVIII веков автор сделал попытку проникнуть в самую ткань тогдашней исторической жизни. Акты эти хранятся в Отделе рукописей Российской национальной (б. Публичной) библиотеки¹⁰. Следует подчеркнуть, что ни в обрисовке внешности людей, ни в передаче тех или иных событий, какой бы подчас невероятный характер они не имели, не выдуманно ничего. Ни одной детали, ни одного слова. Все взято из документов. Вплоть до того, если, например, говорится, что глаза человека были серыми, а рост такой-то, — значит, есть документ — "покормёжная грамота", в которой такие сведения отмечены.

Надеюсь, что публикуемые здесь очерки представят интерес не только как документальные свидетельства быта и нравов героев первоначального накопления капитала, происходившего в России XVII—XVIII вв., но еще и потому, что ярко обрисовывают картину взаимоотношений этих людей и государственной власти.

ДЕЛО О "НЕПРИСТОЙНЫХ СЛОВАХ"

Много лет сидел в городке Яренске на площади "пищик" Мишка Попов. По происхождению он был из зырян, русской грамоте выучился рано, писал красиво и правильно. Писанины было много, а грамотных мало.

Кто только не обращался к пищику. Один просит написать расписку за рубль, одолженный "на перехватку", другой пишет на имя царя челобитную. Третий продал землю и вместе с покупателем оформляет купчую. В этом случае пищика окружает целая толпа свидетелей обеих сторон — "послухов", которых надо

поименовать в документе и которые к нему должны приложить руку. Когда богатый человек заблаговременно или при смерти составляет духовную грамоту, опять зовут пищика.

От одних свадеб куча работы. На выданную замуж "крестьянскую девку" пишется отпускная для перехода в другую деревню, где подтверждается, что за вывод ее из родной деревни, как полагается, уплачен рубль. На отданное за ней приданое отец должен выписать "отступную" в пользу зятя.

Ежегодно многие жители города уходят на заработки — "покормиться" в другие уезды и волости. Каждому надо заготовить "покормежную" бумагу, где за подписью выборного или сотского удостоверяется, что покормежник не украл, не сбежал, а отпущен, что взять его на работу можно без опаски, ибо он "человек доброй, тихой..."

Деньги накапливались медленно. Много столбцов надо исписать мелкой скорописью, чтобы получить одну деньгу. А в рубле — 200 денег! Рубль — это целое богатство.

Михаил Попов не пропивал денег. Он копил их год за годом, мечтая о дне, когда он сам наймет площадного пищика, чтобы написал купчую. В ней Мишка будет назван Михайлом Евпсихеевым Поповым, купившим в полное владение дом с усадьбой.

Завел Михаил Евпсихеевич торговлю, сначала небольшую, завел и свое хозяйство — купил полудеревню Прокушевскую со всевозможными угодьями.

Слава Михаила Попова как хорошего грамотея, набожного и надежного для властей человека росла с годами и достигла такой высоты, что однажды сам яренский воевода — Дмитрий Ермолаевич Нефедьев поручил ему главное участие в серьезнейшем государевом деле.

17 марта 1684 года прибыла в Яренск к воеводе царская грамота за подписью дьяка Прокопия Возницына. И в той государственной грамоте велено было провести строгий розыск и аресты по неслыханному в тех местах делу. Незадолго до этого житель Усть-Сысольской волости Мишка Исаков подал земскому судейке Фильке Муравьеву извет, в котором доносил, что однажды в доме у Василия Кудина, в присутствии многих людей, устьсысолец Левка Суханов произносил непристойные слова. Выражение "непристойные слова" означало тогда не только площадную брань, но главным образом оскорбление власти, распространение, как говорили уже в наше время, "заведомых измышлений", порочащих государственный строй. Судейка, получив извет о таком серьезном преступлении, не мешкая, через голову местных властей, отписал в Москву. Оттуда и распорядились "не теряя ни часу, нарядить из Яренска приставов, которым ехать в Сысольские волости, схватить главного злодея — Левку Суханова, хозяина дома, где он произносил непристойные слова, — Ваську Кудина, одобрительно слушавших хулителя — Ивашку Алешина с товарищами, а также всех людей, которые "у Васьки Кудина были в дому, в то время, как Левка Суханов непристойные слова говорил... и по росписи, — тех людей, какову даст роспись изветчик Мишка Исаков, и тех, которые непристойные слова слушали, а не допрашиваны, и иных, которых судейка Филька Муравьев в том деле к розыску сыщет...", да и самого доносчика заодно, — "всех взять в крепость".

Воевода Нефедьев, хорошо понимая всю ответственность расследования случившегося в его уезде дела, направил вместе с приставом Яренской приказной избы Гилевым яренского посадского человека Михаила Попова, дабы все допросы и ход расследования обстоятельно и толково записать.

То обстоятельство, что Михаилу Евпсихеевичу Попову поручили главное участие в расследовании этого дела, означает, что он стал к этому времени "большим человеком" в уезде. Впрочем, у нас есть об этом и другие данные...

Соответственно богатству росли и налоги. Особенно сильно прижал всевозможными поборами молодой царь Петр. Каких только сборов ни уплачивал Михаил Евпсихеевич: и "стрелецкие деньги", и на строение крепости на Малой Двине, и на починку кораблей, и на подводы, и "для свейской службы" (на шведскую войну), и запросный хлеб к Архангельску посылал, платил данные деньги, подъемные с двора и промыслов, давал рубль "на дачу работным людям в подмогу на хлебный запас...", на ямскую гоньбу...

В 1703 году уплатил он 25 рублей налогу — по 7 алтын с "пирога". "Пирогом" называлась каждая хозяйственная единица, подлежащая обложению. У Михаила Евпсихеевича Попова было уже 118 "пирогов".

Старший сын Михаила Евпсихеевича Григорий с 1708 года путешествовал с товарами по Сибири.

Письмо Григория Михайлова сына Попова из Сибири отцу своему Михаилу Евпсихеевичу — любопытный образец переписки того времени.

"Государю ко мне милостивому, батюшке

Михаилу Евпсихеевичу.

Государыне ко мне милостивой, матушке

Меланье Клементьевне.

О госпде радоватись и многолетно здравствовати со всем праведным вашим домом. Сего желая, сынишко ваш Гришка благословения вашего прося, - челом бьет: Сестрице моей Дарье Михайловне... Жене моей Ирине Петровне... Детям моим - сыну Дмитрию, дочери Ульяне... Дядюшке Борису Григорьевичу... Тетушке Ксении Клементьевне... Теще моей Анне Леонтьевне и шурину Савве Петровичу... Тетушке моей Евдокии Евпсихеевне. О госпде радоватися желая, брат, муж, отец, племянник, зять... - Григорий Попов челом бьет, здравствуйте!

А про меня, изволите ведать и я божиею милостию, и пречистия богородицы помощью и заступлением и святых отец и Ваших молитвами... на Березове... живым обретаюсь. А сего числа с Березова пошли в Малороское. А я иду на судне у Акинфа Маркелова... до Малороского. А ныне, государь батюшко Михайло Евпсихеевич, молю и хвалю в троице славимого бога, дабы бог сподобил в радости видеть образ лица твоего. Пожалуй, государь батюшко, не покинь женишку мою и детишек. По сем Бог мира да будет с вами. Днесь и на веки и з добротворящими к Вам человеки здравствуйте.

Отдать ся грамотке в Яренском городке, посадскому человеку Михаилу Евпсихеевичу, сыну Попову. 708, августа во 2-й день".

Со временем Григорий Михайлович Попов, продолживший торговлю своего отца, стал крупнейшим богачом и виднейшим чело-

веком в своем городе. В 1732 году Яренское воеводское управление посылает его в Москву с собранной в Яренске денежной казной подушного сбора.

В 1736 году, с той самой площади города Яренска, где полвека назад зарабатывал первые копейки трудом пищика его отец — тогда просто — Мишка Попов, Григорий Михайлович Попов отправился на Сенатскую площадь в Петербург. Он ехал, чтобы выступить в Правительственном Сенате Российской империи по вопросу о государственных ассигнованиях на нужды Яренского уезда.

"ДЕНДИ" ОШЛЯПЕЦКОЙ ВОЛОСТИ — КУЗЬМА ЩЕЛКАНОВ

Жил в Цилимской волости Яренского уезда бедный крестьянин — Сила Щелканов. Он рано умер. Сын покойного — Кузьма — остался сиротой трех лет от роду. Мы не знаем ничего о том, кем была Кузькина мать и как она его воспитывала, но знаем, что он очень рано вступил в самостоятельную жизнь. Тринадцатилетний Кузьма, сероглазый мальчуган с русыми волосами, в котором росту было всего еще только два аршина и пять вершков, явился на Яренский полковой двор просить "покормёжную" грамоту, разрешающую ему покинуть родной уезд и пойти кормиться "черною работою" в сибирские города. Покормёжную Кузьке Щелканову выдали, взяв в уплату за нее одну копейку. Ходил Кузьма работать по многим городам. Был в Верхотурье, в Тобольске, в Иркутске. Во время этих странствий Кузьма познакомился с сольвычегодским купецким человеком Иваном Федоровым Мезенцевым и вошел к нему в большое доверие. По поручению Мезенцева Кузьма отвозит его товар — сукна — с китайской границы в Якутск, затем в Нерчинск.

Кузьма Щелканов постепенно нажился на торговле товарами купца Ивана Мезенцева, которые возил по сибирским городам и к Москве. Он покупал на вырученные деньги и перепродавал бобровые шкуры и купорос, зеркала и порох, крупу и слюду, ножницы и писчую бумагу, сковороды и стаканы, ладан, винные ягоды и синие нитки, табак и мед, церковное вино и игральные карты, орехи и хмель, ленты, кружева, ботинки — словом, что угодно для души.

По возвращении в Яренск Кузьма вскоре женился на девице Марье Аврамовой и на славу обзавелся к свадьбе. Прежде всего оделся сам. Устьысыльцы и яренчане с завистью смотрели, как прогуливался по улице Кузьма в дорогом камзоле, в 80-копеечных штанах, то в одной, то в другой шляпе. Шляп он накопил себе три штуки по 20 копеек. К тому же он ходил с рублевой тростью, носил зрительную трубку, а шею повязывал шейными платками — немецкими хальстухами, тоже все время разными, так как было у него целых пять этих хальстухов по 12 копеек каждый! Глядя на Кузьму с его тростью и шляпами, можно было подумать, что это не житель Ошляпецкой волости Яренского уезда Кузьма Силыч Щелканов, а заморский гость из "свейской столицы Стекольного" (Стокгольма. — Д.А.) или "аглицкого" Лондона.

Марию Аврамовну Кузьма тоже принарядил в китайские кружева, в дорогие платки, пара которых стоила столько же, сколько мужнины штаны, — 80 копеек. Надел на нее "женский кораблик" — брошку

за три рубля, украшенную драгоценностями. Зимой Щелканиха носила дорогую "мухту".

В доме Кузьмы Силыча тоже была сплошная лепота — бухарские занавесы, персидские ковры... В трех больших зеркалах по вечерам отражались огни восковых свечей. Супружеская кровать была отделена от мира красивым пологом. В поставце стояли вино, мед, пряники и сахар. На столе хозяина лежали четыре пачки бумаги на 40 копеек, счета и книги: Царское уложение — свод законов — ценой в 2 рубля 10 копеек, а также Новый Завет, святцы и часослов. За эти три книги уплачено было 2 рубля 80 копеек.

Скапливавшиеся капиталы не лежали у Кузьмы мертвым грузом. Он давал деньги под заклад. Принимал в залог ценные вещи, главным образом серебро. Он скупил несколько деревень.росло число должников — закабаленных и разоренных им людей. Соответственно росли вражда и ненависть вокруг Кузьмы Силыча Щелканова, которые стали прорываться в самых неожиданных формах.

Однажды темной зимней ночью "неизвестные люди" подожгли дом Кузьмы Щелканова в деревне Микулинской. Дом сгорел дотла со всеми пристройками. Однако поджигателей не нашли, несмотря на то, что Щелканов давал изрядные подачки подьячим и другим должностным лицам. У него была даже специальная роспись, кому из них сколько надо сунуть в руку "на вино".

Как-то раз осенней ночью случилось новое происшествие. Вечером Кузьма ушел играть в карты к приятелю — Петру Самойлову, поздно у него засиделся и остался ночевать. В доме остались жена и взрослая дочь. Вдруг посреди ночи женщины проснулись от шороха и возни в соседней горнице. В доме хозяйничали какие-то люди. Вскоре все стихло. Когда утром явился Кузьма, он увидел печальные следы ночного происшествия: из его дома был украден обитый железом ящик с деньгами и серебром. Причем серебро там было не только свое, но и чужое, отданное в заклад. Самое ужасное было то, что вместе с деньгами и серебром были украдены важнейшие документы — долговые расписки и всякие "крепости", на основании которых Кузьма держал в кабале тех, кто их подписал. Кроме этого, воры унесли 13 "мотушек" шелка разных цветов и другие товары. Не сразу стало ясно, как они проникли в дом, — замки на дверях и окнах были целы. Потом нашли подкоп, сделанный под домом Щелкановых. Через него воры проникли в дом и вынесли украденное серебро.

Кузьма кинулся к сотскому Ошляпецкой волости Конону Кобычеву — к ближайшей местной власти. Правда, с сотским у Кузьмы были личные счеты. Еще летом этого же года, в воскресный день, на площади "при собрании народа" сотский, завидев Кузьму в шляпе, с тросточкой и при подозрительной трубе, громко честил его самыми непотребными словами. Кузьма, естественно, отвечал. Тогда сотский стал кидаться на него с дубиной. Его удерживали, но он все порывался достать Кузьму колом. Еле удалось его успокоить. Неприятно было идти теперь к такому недругу за помощью, но и обойти его нельзя. Кузьма рассчитывал, что при исполнении служебных обязанностей сотский поведет себя не так, как на

базарной площади. Однако ненависть Конона Кобычева к Кузьме Силычу Щелканову была очень сильна. Скорее всего, сотский выражал общее нерасположение к скопидому-ростовщику. Выслушав извет Кузьмы, он заявил ему, что "ты сам учинил" все это дело. Кобычев обвинил Щелканова в симуляции кражи, якобы выгодной для Кузьмы. При этом он опять бранил Кузьму непотребными словами, снова бросался на него с батоном. Хорошо, что "добрые люди" удержали его и отняли палку. Однако разбушевавшийся сотник не мог успокоиться. В ярости он схватил скамью, поднял ее над головой и хотел пришибить Щелканова... Опять помешали "добрые люди".

Щелканов написал извет в Яренск. В волости Яренского уезда была направлена воинская команда во главе с "сыщиком" Василием Меркусовым для поимки воров и разбойников. По существующим правилам такой команде придавался "комиссар" из уважаемых местных жителей. Нет ничего удивительного в том, что комиссаром от Яренского уезда был выделен Кузьма Силыч Щелканов. Вместе с командой отправился он по волостям, надеясь, видимо, в числе других разбойников изловить и тех, кто подкапался под его дом. Разбойники, однако, старались не попадаться на глаза команде и се энергичному комиссару.

В чем же состояли главные обязанности Кузьмы Щелканова в качестве выборного комиссара при команде "сыщика" поручика Меркусова? Команда должна была ловить воров и разбойников. А в задачу комиссара входило следить, чтобы во время поимки разбойников команда сама не разбойничала. О поведении ее комиссар должен был дать вышестоящим властям справку. Для того, чтобы ее написать, Кузьма собрал справки о поведении команды с мест. И вот перед нами "сказки" 22 волостных сотских, которые удостоверяют, что ни сам "сыщик" Меркусов, ни его команда "непорядков" никаких не чинили, "хлеба и харчей безденежно не брали", налогов никаких не имали и "ко взяткам никаким не касались".

ЗИГЗАГИ "ЖАЛОБНОЙ" ДЕМОКРАТИИ

В 90-х годах XVII века Усть-Сысольский уезд потрясла жестокая склока, заварившаяся на верхах местной власти. Не поделили барыши от сбора налогов и всякой другой дани с населения.

Одна сторона — это власти монастырские, во главе с архимандритом Спасо-Прилуцкого монастыря Варлаамом, и примкнувшие к ним "лучшие люди" посада и уезда. Другая — разбогатевшие на казнокрадстве выборные подьячие — Максим и его брат (имя последнего мы не знаем). Их поддерживают "лучшие люди" уезда, а также многочисленные "свойственники" — братья, племянники и прочие.

Особого накала борьба достигла в 1693 году. Архимандрит Варлаам "с товарищи" послали жалобу наверх, в Москву, царям Петру и Ивану. В ней были описаны бесчисленные злоупотребления зарвавшихся казнокрадов.

Для разбора жалобы на месте из Москвы прибыло ответственное лицо — подьячий Иван Ипатьев. Проведя расследование, он распорядился: братьям-жуликам "от подьячества...

отказать", а на их место "выбрать миром двух человек людей добрых".

В Усть-Сысольском уезде был выбран новый земский староста Дмитрий Ильиных и два новых подьячих.

Архимандрит Варлаам "с товарищи" торжествовал победу. Но Максим, его брат и их "товарищи" ни за что не хотели лишиться благ и привилегий, которые давались сидением на должностных табуретах. В доме у Максима состоялось тайное совещание. Собравшиеся "лучшие люди" решили послать в Москву свою жалобу на царское имя от "всех мирских людей", в которой объявить челобитье архимандрита Варлаама "затейным и ложным". Но тут возникала, казалось бы, непреодолимая трудность. Для того, чтобы послать в Москву челобитную от имени всего Усть-Сысольского "мира", полагалось заверить ее у выборного старосты. Но Дмитрий Ильиных — ставленник противной партии, само собой, откажется поставить свою подпись на челобитной, направленной фактически против него. И ловкачи решили действовать обходным путем — сначала написать жалобу в низовую инстанцию — усть-сысольскому воеводе Племянникову.

Конечно, воевода не сможет сам восстановить бывших подьячих. Их повелела убрать Москва! Но если умело оклеветать нового старосту Дмитрия Ильиных — воевода его снимет. Тогда можно будет протащить на его место кого-нибудь из "своих", а тот уж непременно заверит жалобу на царское имя.

Сказано — сделано. Дмитрий Ильиных был оклеветан со знанием дела и с поста старосты, хотя пост этот назывался выборным, воеводой Племянниковым "переменен". На его месте оказался послушный слуга казнокрадов — Степка Пустынников.

Теперь с его помощью можно было послать жалобу царям Ивану и Петру, в которой написать, что прежние подьячие — Максим и его брат — сняты безвинно, а новые — как раз и есть "ведомые" воры.

Начался сбор подписей у "всего мира". Проводился он предельно просто. В доме у Максима его приятели несколько дней занимались рукоприкладством в прямом смысле этого слова, то есть "вместо иных многих, которые в грамоте не умеют... за крестьян руки прикладывали без ведома и без повеления, заочно...".

В московских приказах работа шла слаженно: пришла новая жалоба — принималось новое решение. Теперь велено было снять нынешних подьячих и выбрать других.

Только это и было нужно Максиму с братом. К новым выборам они хорошо подготовились. В подьячие провели своего племянника Алешку Водолеева и вполне "своего" человека — Данилку Монастырева...

Теперь с новой силой закрипели перья в монастыре.

Архимандрит Варлаам и его братья не пожелали простить своим "ближним" врагам ни их грехов, ни их козней. И в Москву и к воеводе Племянникову были посланы новые, тщательно обоснованные жалобы.

Москва опять отменила предыдущее решение и дала новые указания: Дмитрию Ильиных "велено быть попрежнему в старостах".

Тогда Максим прибег к значительно более действенному средству, чем "всенародная" челобитная.

В Москву посылается тайный донос на Дмитрия Ильиных.

Тайные наветы всегда тем и сильны, что не подлежат гласной проверке. Решение было принято без всякой волокиты. "Дмитрий Ильиных переменен вдругоряд безвинно ж".

Получив очередной удар, в монастыре окончательно осатанели. Создавалось впечатление, что никакими силами не удастся справиться с ловкими лихоимцами, так искусно пускавшими в ход лживые доносы, фальсификацию выборов, подложные подписи... Становилось очевидным: наворованные деньги делали свое дело, деньги стали великой силой...

И тут архимандрита буквально осенило свыше: если деньги — сила, то еще большие деньги — еще большая сила.

В затянувшуюся игру вступает новая козырная фигура — "имянитой человек" — владелец соляных варниц, железных заводов, медных рудников, обширных лесных деленок...

Монахи снова написали жалобу. Снова подписались под ней многие "лучшие люди", а также крестьяне — для множества. Но легла под ней еще одна, на вид скромная подпись, — "имянитой человек — Григорей Дмитриев, сын Строганов".

Над Максимом с братом нависла грозная туча. Добра ждать не приходилось. В запасе, правда, еще один шанс — местный аппарат власти. Старостами и подьячими пока еще сидят "свой" — друзья и свойственники. И "свойственный" аппарат опять заработал в свойственном ему духе.

Подьячий Алешка Водолеев — родной племянник Максима — приволок на допрос крестьянина Ивашку Варёного, приложившего руку к челобитной Строганова. Теперь подьячий приложил руку (и видно, не раз) к физиономии несчастного "подписчика".

Избив и застращав мужика, он заставил его показать, будто жалоба Строганова — сплошная клевета и будто его, Варёного, силой заставили ее подписать. Таким же способом, "из-за пристрастия, в неволю ж, из-за палки", были получены показания многих других крестьян.

Проведав об этой новой атаке, направленной уже лично против него, Строганов взялся за перо сам...

Наконец, в Усть-Сысольск приехал человек, которого местным аферистам не удалось ни опутать, ни обмануть, ни подкупить. "Для подлинного розыска" прибыл стольник Иван Петров Строев.

Стольник Строев повел действительно беспощадный розыск. Он вскрыл казнокрадство бывших подьячих на 40 тысяч рублей — сумма по тем временам грандиозная! Злодеи наконец сдались, признали все свои вины и стали умолять Москву остановить розыск на достигнутом, не вести его дальше.

"Пожалуйте нас, холопей своих, для своего многолетнего здоровья... — жалобно запели они в своей покаянной, — и не велите ему, стольнику Ивану Петровичу Строеву достальным розыском розыскивать, потому что во всем вины наши явны. ...А в ваших, великих государей, денежных доходах, с сиденья нашего по приходным и расходным книгам велите нас, холопей ваших, честь. А по насчету, что будет объявица, велите, государи, на нас взять в свою казну..."

Что ж, казалось бы, казнокрадам, присвоившим 40 тысяч рублей, мошенникам и клеветникам один путь — на дыбу, на

плаху... Самое малое — в тюрьму... Но они надеются на лучшее. Они ведь никогда не произносили "непристойных слов", не ругали царей и власти, а, наоборот, всегда были верноподданными, "холопами"... Они хоть и провинились, но были "своими" для власти людьми и знали, что "своя своих" не выдаст. О чем же просят они в конце грамоты, в которой подробно описали свои преступления? Об оставлении в живых? О смягчении наказания? Ничуть не бывало! Единственное, о чем они хлопочут:

"И велите, государи, чтоб нам, холопам Вашим, з братьями и з детишками и с племянники ныне и впредь ваших государских податей и всякого тягла и служб не отбывать и в конец не разорица. Великие государи, смилуйте, пожалуйте".

Все логично: вернуть в казну краденое ведь тяжелее, чем украсть, и поэтому нас, воров, надо и сейчас и впредь освободить от всех налогов, которые платят честные люди.

Такова небольшая картинка из жизни местной администрации допетровской Руси. Картина своеобразной "жалобной" демократии, причудливо сплетающей сомнительную в самодержавном государстве силу выборов с могучей силой жалобы.

* * *

Как видим, первоначальное накопление капитала в нашей стране в XVII веке во многом схоже с тем же процессом, происходящим в наше время. В этом нет ничего удивительного, поскольку речь идет о явлениях одного и того же порядка.

Как тогда, так и сейчас (равно как во все времена и во всех странах) первоначальное накопление капитала осуществляется в условиях жесткой бюрократической государственной системы. Как тогда, так и сейчас происходит сращение интересов имущих и власть имущих. Администрация всячески поддерживает денежных людей — разбогатевших выходцев из простых. У последних появляется возможность даже для "вхождения во власть". Деньги становятся серьезной политической силой. Они играют решающую роль при всякого рода выборах, приобретениях привилегий и даже чинов. Взятки и подкуп администрации приобретают массовый, буквально естественный характер. Деньги работают также на подкуп избирателей и свидетелей. Вместе с тем местная власть из числа выборных идет на всевозможные ухищрения для обмана казны. Прежде всего, она озабочена утаиванием от Москвы собранных на местах налогов и всякого рода других государственных пошлин.

Одновременно с накоплением богатств растет общественная ненависть к богачам — "нуворишам". Их дома поджигают, долговые документы крадут с тем, чтобы уничтожить. Злоупотребления новых, выборных властей вызывают потоки жалоб "в центр", в Москву. Иногда эти жалобы имеют последствия. Исполнительной власти ничего не стоит "переменить" любое выбранное лицо. Однако почти всегда государственная власть принимает сторону "лучших людей" — их либо обеляют, либо сравнительно мягко наказывают. Зато энергично, как в случае с жалобой Кузьмы Щелканова, защищают их имущество.

Уже тогда, в XVII веке, были в ходу весьма современные термины вроде — "товарищи", "комиссар", "команда". Имели они в то время иное, чем привычное нам сейчас, значение. Тем не менее они дополнительно способствуют впечатлению близости тогдашних и нынешних социальных процессов.

Словом, ошибаются те, кто утверждает, что, создавая класс капиталистов и капиталистические отношения, мы копируем чуждый нашей стране опыт, идем неведомой для нас дорогой и потому, мол, имеем на этом пути всякого рода издержки. Вернее заключить, что на этом пути неизбежны определенного рода явления. Где бы и когда бы по нему не идти — в Европе XIII—XV века, в Московском государстве XVII-го или в России XX-го.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историография вопроса и мои собственные взгляды по данной теме см.: Альшиц Д.Н. Начальный этап истории самодержавия // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 45-62; Его же. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. - Л.: Наука, 1988. С. 242; Его же. Публицистические выступления Сильвестра // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 42. Л.: Наука, 1990. С. 92-106; Его же. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России. (Реформы Адашева и Сильвестра. XVI в.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1990. С. 243-252.

² Ср.: Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. С. 356-357; Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 57-58.

³ Альшиц Д.Н. Публицистические выступления Сильвестра... С. 105-106.

⁴ Альшиц Д.Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России... С. 45-85.

⁵ Альшиц Д.Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина // ТОДРЛ. Т. 17. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1969. С. 252-271.

⁶ Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. С. 151.

⁷ Там же. С. 151.

⁸ Ср.: "Герой снижается не только в произведениях демократической литературы. Всюду в литературе устанавливается связь с бытом". (Лихачев Д.С. Семнадцатый век в русской литературе. // Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Книга первая. М., 1988. С. 8).

⁹ Альшиц Д.Н. Египет глазами русского путешественника XVII века // Звезда. 1958. № 8. С. 183-185.

¹⁰ Полный перечень использованных актовых документов (в порядке использования): Собрание Усть-Сысольских актов Гос. Публ. библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Шчурина (ныне - Российская национальная библиотека): №№ 111, 45, 32, 89, 71, 55, 74, 87, 46, 35, 55, 65, 58, 87, 70, 73, 74, 75, 76, 85, 105, 89, 96, 100, 106, 108; Собрание Яренских актов: №№ 23, 26, 36, 41, 42, 43, 44, 45, 92, 90, 49, 50, 55, 59, 56, 57, 69, 53, 58, 63, 73, 61.

PEOPLE AND MORALS IN THE TIMES OF RUSSIAN STATE SYSTEM FORMATION (THE 16th—17th CENTURY)

The author analyzes the impact of the policy of autocracy being formed in the 16th—17th century (fixed regulation of trade and business; its strong protectionist support on the part of the state) on the living conditions of a trader and on the peculiarities of Russian proto-bourgeoisie mentality. On the basis of written sources and documents of the 17th century (mainly referred to pomor uyezds: Yarensky and Ust'-Sysol'sky) the author portrays vividly the portraits of "heroes" of primary accumulation of capital: their life, customs, relations with people around them and, of course, with the state.

D.N.Alshits

НАРОДНАЯ МОНАРХИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НА УРАЛЕ (XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Общественно-политическое сознание народа формировалось под воздействием его экономического положения, образа жизни, социально-политического статуса, политики государства в отношении народных масс. Естественно, народное мировоззрение испытывало сильнейшее влияние со стороны господствовавшей в обществе официальной идеологии, однако оно не являлось простой репликацией с последней, но, напротив, обладало существенной "народной" спецификой. Необходимо указать и на то, что мировоззрение активно влияло на позиции самих народных масс, их образ действий, их отношения с государством и администрацией. Важнейшим компонентом общественно-политического сознания являлись представления об институте царской власти и о взаимоотношениях между государем и обществом, народный вариант которых можно определить как народную монархическую концепцию.

Народный монархизм в XVIII — первой половине XIX в. несет на себе оттенок патернализма. Государь в фольклоре — высший покровитель и благодетель, отец всех подданных, всех православных. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие эпитеты: "батюшка", "наш отец", "отец общий", "наш батюшка восударь", "батюшка православный царь, всей Россиюшки самодержец", "белый царь"¹. Идеальный государь — непременно самодержец. В связи с этим показательно осуждение политического режима Швеции периода Северной войны, недостаточное абсолютистское с точки зрения казаков, высказанное в одном из преданий уральцев, кстати, наиболее вольнолюбивых представителей уральского казачества. Казаки рассказывали, что положение шведов под Полтавой в 1709 г. было более выгодным в сравнении с положением русских. Тем не менее шведский король пожелал решить судьбу сражения схваткой богатырей ("поединчиков"). Казаки объясняли это следующим образом: "Король шведский, изволишь ли знать, изверился у своих енаралов (генералов — И.П.) и думчих сенаторов. Когда он собирался под Полтаву, они не хотели давать ему ни армии, ни пушек, ни казны. Такой, вишь, обычай в неверных землях: там, говорят, цари то служат зауряд (т.е. исполняют обязанности — И.П.), словно офицеры в башкирском войске. Поди, да и пойми их там: народ дикий, несуразный...". Королю — повествовало далее предание — все же удалось убедить сенаторов выделить ему армию, но с условием не вступать в сражение с Петром I, а решать его исход поединком силачей. Таким образом, шведский государь, по мысли казаков, был существенно ограничен в своих действиях, не был самодержцем, что расценивалось уральцами как нонсенс².

Народное сознание подчеркивало благочестие царя, его вероисповедный идентитет: "православный царь", "благочестивый", "благочерный царь". Более того, народное сознание сакрализовало монарха: "Ты, батюшка, земной Бог"³. Политические и культурно-семиотические предпосылки сакрализации монарха в России рассмотрены в исследовании В.М. Живова и Б.А. Успенского, которые выделили ряд тенденций. Во-первых, это перенесение на московского царя функций византийского василевса с последующей

византинизацией русской государственной и церковной жизни. Во-вторых, это усвоение царем функций главы церкви, начиная с царствования Петра I. В-третьих, это прочтение новых (барочных) текстов носителями традиционного (народного) культурного языка⁴.

Показательно, что бог и царь постоянно сопрягались в фольклорных текстах, а качества, которыми народ наделял того и другого, зачастую были синонимичными: "Богу воля, царю власть", "Есть воля божья и твоя царева", "Бог не без милости, а царь не без жалости", "Велик бог милостью, а государь жалостью", "Воля Божья, а суд царев", "Все во власти Божией да государевой", "Все Божье да государево. У Бога да у царя всего много", "Милует Бог, а жалует царь". Бог милостив, но монарху тоже присуща эта характеристика: "Милосердный государь" или "милосердная государыня".

Государю присущи качества, которые не свойственны обычным людям. В фигуре монарха концентрированно выражается мощь всего государства, поэтому он обладает "великой силой". Именно благодаря этой "восударевой великой силе", а также "божьей милости", утверждали рассказчики "Сказки о Наполеоне", записанной в 1848 г. в Верхотурском уезде, народ живет спокойно⁵.

Слово, сказанное царем, — закон и подлежит обязательному и немедленному исполнению ("царское слово — закон", "воля царя — закон"). Поэтому "у государя... не так, как у нашего брата (крестьян — И.П.), — о чём скажет, то и готово"⁶. Царская воля легко вершит волшебные метаморфозы: рядовой превращается в генерала, крестьянский сын женится на царской дочери.

Государь стоит выше закона, потому что он сам творит законы; царю никто не смеет указывать. Об этом характерном царском свойстве рассказывала известному собирателю казачьего фольклора И.И.Железнову 100-летняя уральская казачка Анисья Васильевна Невзорова (старица Августа): "Теперича возьмите в толк вот еще что: ведь цари-то не как простые люди, цари не связаны никаким законом, цари сами закон... Кто им смеет указывать?" В силу этого царь может поступать волюнтаристски ("может проявить и свою моду"). Петр I, по мнению уральских казаков, "проявил моду", женившись на "иностранной": "до него цари наши брали себе в супруги из расейских боярышень". "Моду проявил" и "Петр III" — Пугачев, женившийся на простой казачке У.П.Кузнецовой — "потому волен был"⁷.

Царская воля ограничена лишь словом, данным самим царем. Старый уральский казак И.М.Бакиров сообщал об этой особенности царской власти И.И.Железнову: "Сам знаешь наши уставы: коль скоро кто из владык земных откажется от царства и даст в том на себя запись, тот век-повеки должен оставаться без царства, по той самой причине, что царское слово свято, во веки веков нерушимо, не нами узаконено"⁸.

Крестьянство, горнозаводские рабочие, казачество полагались на справедливость государя, связывали с его именем осуществление своих сокровенных надежд: "Ах ты свет наш, надежда", "Наша надежда православный царь", "милостивейший", "милосердный государь", "государыня всемилостивейшая". Описывая крестьянство Шадринского уезда, священник Т.Успенский отмечал: "С полной уверенностью полагаются они на его (царя — И.П.) защиту и отеческую любовь к ним. Грозит ли мужику даже наказание за

какой-нибудь проступок пред Законом, он утешает себя словами: "Батюшка наш Царь простит нас слепых людей и помилует". Замирает ли у него сердце от страха, при каком-нибудь грозном явлении природы, вместе с глубоким вздохом, вы, наверное, услышите: "Что-то теперь у нашего царя-Батюшки дается?"⁹. Представления о защитнике народных интересов распространялись не только на царя, но и на других представителей династического дома. Так, в 1837 г. Уральское казачье войско обращалось к наследнику престола великому князю Александру Николаевичу со следующими словами: "Вашему Императорскому Высочеству Александру Николаевичу Всещедрому и благому защитителю... Можем ли мы, несчастные и вернейшие рабы Вашего Высочества, прибегнуть под Высочайший прокров Ваш и просить от Вас защиты и милости..."¹⁰. Фольклорные отношения государя и казаков — это патриархальные отношения "батюшки" и его "детей". Монарх печется о своих "детушках". Последние ценят "отеческую" заботу: "Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил, // Ты поил-кормил нас, батюшка, берег-жаловал"; "Царь нас кормит, одевает, // Честь и лесть ему служить, // Он за храбрость награждает // Крестом славным на груди"; "И прислал он всем спасибо // И медаль дал всем войскам, // На край света мы итти готовы // За такую милость к нам"¹¹.

Народному монархизму была присуща черта, которая существенно отличала его от официальной идеологии. Это отделение царя от сановников, бюрократии, помещиков, заводовладельцев ("бояр и чиновников"), даже противопоставление их, и своеобразная идеализация монарха (полное отождествление собственных интересов с его интересами). Традиционно указанная особенность народного монархизма в советской литературе именовалась наивным монархизмом, хотя в действительности наивность подобного монархизма относительная; он имеет вполне реальные основания в определенной автономности самодержавия, способного и порой вынужденного действовать в интересах всего общества, а не только его верхних слоев. По народным представлениям между монархом и социальными низами имелось средостение — "злые бояре и воеводы", которые блокировали благие царские намерения, разрушали прямые и обратные связи между государем и народом. (Поэтому — "До бога высоко, до царя далеко"; "Жалует царь, да не жалует псарь"; "До неба высоко, до царя далеко"; "До неба умом не сгнешь, до царя рукою"; "Царю из-за тына не видать"; "Царю застят, народ напастят"; "Не ведает царь, что делает псарь"; "Царь гладит, а бояре скребут"; "Царские милости в боярское решето сеются"). Фольклорный государь нередко сетует по поводу своего "ближнего круга", недалекого и коррумпированного ("глупые воеводы"; "Ах глупые вы бояре, неразумные!"). Монарх живет в перманентной ситуации "боярских" заговоров, измен ("Все графы-генералы измену сделали, // Царски знамена врагу приклонились, // Российску армешку во полон взяли").

На неправосудные — не по царским указам — действия властных структур постоянно жаловались приписные крестьяне, горнозаводские люди Урала. Так, вскоре после приписки к Авзяно-Петровским заводам (1750-е годы) среди крестьян приписанных селений Казанского уезда стали распространяться слухи, что их "приписали не по указу царского правительства, а по воле заводской

администрации". Слухи стали предметом обсуждения на совете крестьянских выборных, которые решили на завод не идти, а послать челобитную заводовладельцу графу П.И.Шувалову¹². В 1811 г. приписные крестьяне Нижне-Тагильских заводов жаловались в Пермское горное правление на незаконное употребление их в заводские работы: "В Нижне-Тагильском заводе все подобные нам приписные крестьяне употребляются не на тех самых правилах, какие изложены законами о приписных к заводам крестьянах, как простирается желание приказчиков, ибо мы мнительно полагали, что они нас употребляют на правах непременных работников, однако ж сего нимало не касается, поелику сии предварительно получают из казны лошадей, упряжь, домообзаводство и даже фураж. Нам не только сего, даже и настоящей платы за работу не получаем и тем паче отягощены работами. Мы б не производили ропоту и жалоб, если б за работу была производима должная плата, с помощью которой не подвергалось бы и невинное наше семейство страданиям"¹³. Яркие обличения царящего в "присутственных местах" неправосудия сохранило прошение крестьян заводов Яковлева генерал-фельдмаршалу М.Б.Барклаю-де-Толли: "...О таковом положении нашего гибельного и несносного состояния в забытом всеми краю света несчастной Сибири, где уже ни одного не могли упросить законной защиты на земле, и где еще будем искать, не упредя сим вашу светлость, о правосудии, коль скоро истина затмевается во всех присутственных местах здешней губернии, где бы кто осмелился прибегнуть, и со стороны нашей бедственной и печальной, оставленной без всякого обозрения, высших лиц части гражданской отданы в руки самой злой и ненавистой рода человеческого фортуны; кровавые реки текут от немилосердного терзания и наказания приказчиков; источники слез безвинности нашей увеличиваются от бича управляемого всеми заводами приказчика Григорья Зотова и подобных от него приставов"¹⁴.

Та же тема выступает лейтмотивом известного прошения мастерового Березовского завода Е.Т.Дюрягина императрице Марии Федоровне (1820 г.), составленного в стихотворной форме: "...в производстве Екатеринбургских промыслов, как в Березовском золотосодержащем заводе, так и по всем к оному принадлежащим заводам, правда из пределов оных изгната и обладает тронном справедливости — ненависть, мздоимство и лихоимство; и размножила свои завистные семена, так что по всем оным заводам началась война. Воскресных и срединедельных праздников не знаем, чрез то всевышнего творца и бога забываем; всемилостивейшая государыня матушка, нет законов государя нашего батюшки; потому что судии ведут дела не по указам, а поступают с нами от вышних чинов по приказам; ...мы присягою и символом служим для государя и бога, а ныне у нас размножилось светских судей власть многа; каждый принуждает себя хвалить и почитать, да не знаем, бедные, от кого милости ожидать; мы всякому хвалу поем и величаем, а какая от отца нашего бывает милость — никогда не получаем; к сокращению нас у нынешних судей избран закон, но не знаем, прежде был ли такой он; от их честолюбия зависит наше странство, отчего страждем и теряем свое посто-янство"¹⁵.

Крестьяне полагали, что "злые" царские приближенные и местная администрация создают информационный барьер между монархом и народом: "Притеснители наши награбят, царя обманут, мир обернут и продадут, а солдатскими спинами оберегаются"; "Не подумают, оканные, что мир и без того стоном-стонет от них и слезы лопатами сгребает, а царь-батюшка ничего не знает. Правду говорят, что до бога высоко, а до царя далеко!"; "Знаем и видим мы, батюшка, как вы нас ошипываете и разоряете до последней рубашки, а живете ведь тоже под царем и законом. Да знает ли только это царь-то. Так и в теперешнем деле царь обманут и законом обойден, а попы с писарями да господами хомутаются и над миром потешаются"; "Может, это делается тайно и без воли государя"; "Как это могло случиться без всякого предварительного царского повеления" (Из обвинений, брошенных участниками волнений 1842—1843 гг. в государственной деревне Урала представителям местной администрации и духовенства, которых считали виновными в передаче крестьян в удельное ведомство или помещику)¹⁶.

Казачество также считало, что царящее в повседневной жизни зло распространялось помимо высочайшей воли. Участники Яицкого восстания 1772 г. считали виновными во всем "господ генералитет, штаб- и обер-офицеров", а также атамана Тамбовцева и старшин, которые "несносным разорением" довели казаков до такой нищеты, что те уже оказались не в состоянии исполнять императорскую службу¹⁷.

В казачьем фольклоре монарх нередко окружен бездарными, невежественными, корыстолюбивыми "боярами", "сенаторами", "генералами", которые действуют "не по государственному", вопреки воле царя — и государь об этом не всегда ведает. Иван Грозный в конфиденциальной беседе с Ермаком жалуется на своих "глупых воевод", которые растеряли всю царскую рать. Вразрез с волей государя действует на Дону "разыщик" (следователь — И.П.) князь Долгоруков — виновник, по мнению казаков, восстания К.А.Булавина ("Как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики, // Во рассыльщиках были два боярина, // Без указа-то они государева нас разоряют. // Оттого-то наш славный тихий Дон возмутился"; "Ты разыщика прислал к нам Долгорукова. // Без указа государева он нас разорять нас стал..."; государевым указам противопоставляются незаконные указы князя Долгорукова — "скорописные все фальшивые", в указах тех написаны "слова облыжные"). В одной из песен уральских казаков "генералушки" отнимают у казаков волю неудачным приказом: "А генералушки приказ отдали, // От казаченек волю отняли: // "Вы не смейте-де за Урал ходить, // басурман громить". В результате "генеральского" приказа казаки оказались беззащитными перед степным натиском. Причем казаки были уверены, что "надежда православный царь" о том не ведает. Среди оренбургских казаков была распространена песня о том, как князь Илювайский (Каменцев) "во бильярд катал" и "пропил-прогулял весь наш славный тихий Дон". "Пропивши, промотавши", неверный царский слуга садится писать "фальшивые" указы: "Старых стариков во Кубань-реку бросать; // А девушек на фабричный двор брать, // А молодых ребят во солдаты брить".

В песнях о волнениях уральских казаков 1804 г. "батюшке, православному царю" противопоставляется злой "воеводушка", "допросчик" "Волконский- князь", действительно подавлявший казачий протест. Казак — "разудаленький добрый молодец" — не желает отвечать на вопросы "допросчика": "Не тебе, собаке, меня, молодца, спрашивать, // А не мне-то было тебе ответ держать!" Казак готов держать ответ лишь перед "белым царем". "Добрый молодец" предельно ясно формулирует обвинения "допросчику": "Разорил ты прежде войско Донское, // А другое войско Оренбургское, // Приехал ты к нам разорять в город, // Потревожил наших стариков старых".

Уральские предания о Хивинской экспедиции 1839—1840 гг. обвиняли ее организатора оренбургского генерал-губернатора "царского слугу" В.А.Перовского в неимоверном тщеславии и злоупотреблении своим служебным положением, за что пришлось расплачиваться уральцам. Казаки были уверены, что одной из причин похода на Хиву было желание Перовского прославиться, заслужить двойную фамилию (как Суворов-Рымникский, Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский) и звание генералиссимуса ("генералмуса"). Уральцы понимали, что заслужить двойную фамилию — дело не простое: "с позволения сказать, не мутовку облизать: для этого нужно сделать такую отлику, которую не всякий сделает, которая бы всем кидалась в глаза". В качестве второй причины организации похода казаки называли стремление генерал-губернатора пристроить в дело свободный казачий полк. Дело в том, что после волнений 1837 г. казакам в наказание было велено сформировать вне очереди 4 полка для внешней службы. Уральцы выполнили требование, хотя и не считали его справедливым (согласно преданиям, в волнениях участвовала лишь небольшая группа казаков; Перовский, наложив на Уральское войско столь строгое наказание, превысил свои полномочия). Трем полкам удалось найти место службы, а 4-й оставался на Урале и беспокоил В.А.Перовского. Казаки по этому поводу говорили: "Меж нами будь сказано, если б в Питере до тонкости знали в ту пору об наших обстоятельствах, то-бы Перовскому никоим манером нельзя было отвертеться от строгого выговора за то..., что требовать — требовал с нас четыре полка, а работы им всем нет, — вот за что: Как бы там Василий Алексеевич ни был возвеличен и превознесен, однако, за такие порядки царь не стал бы гладить его по голове, а непременно сделал-бы ему строгий выговор, да не один-на-один, а при собрание всего енеральства и сенаторства". Итак, знакомая ситуация — царский администратор самоуправствует, а государь ничего об этом не знает¹⁸.

Естественным следствием веры в царскую справедливость и отсутствие такого же доверия со стороны народа к царским администраторам становилась квалификация неблагоприятных для социальных низов указов как "фальшивых", "немилостивых", "непрямых", сфабрикованных самой администрацией. "Фальшивыми" в народном представлении могли быть указы о приписке селений к заводам, об увеличении объема налогов и повинностей, о передаче государственных крестьян в частное владение и т.д.¹⁹

Опыт народных контактов с институтом официального правосудия воплотился в фольклоре: "Где суд, там и неправда"; "Шемякин суд, да на вощёных ногах"; "Закон, что дышло: куда повернешь,

туда и вышло"; "Законы святы, да исполнители супостаты"; "Закон — дышло: куда хочешь, туда и воротишь"; "Закон похож на паутину: маленькие мухи попадают, а большие пролетают"; "Что нам законы, коли судьи знакомы"; "Законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы"; "Судья суди, а за судьей гляди, куда дело поведешь"; "Судья, что голодное брюхо, — молча просит"²⁰. В перечисленных пословицах и поговорках отразилось народное недоверие к хранителям и исполнителям законов, своеобразное прагматическое отношение к официальному праву.

Атмосфера административно-правового произвола порождала надежду на идеализированное вмешательство монарха — "эксцесс, приносящий торжество добру"²¹, — которое могло осуществляться в разнообразных формах: "милостивого указа" за личной подписью царя; вмешательства личного царского посланника ("ревизора", "следственника", "чиновника особых поручений"); непосредственного участия самого монарха или представителя царствующего дома в решении конфликта на месте.

"Милостивые царские указы" занимали особое место в народной монархической концепции, нередко использовались для оправдания протеста его участниками. При этом в качестве "милостивых указов" могли выступать реальные указы, подвергнутые утонченной интерпретации; подложные указы; пожелания социальных низов, приписанные ими царской воле (подобная приписка могла осуществляться вполне искренне, настолько велика была в народе вера в царя, в его неподдельную заботу о народном благе).

Слухи о "милостивых указах" и сами эти "милостивые указы" активно циркулировали в приписной деревне в ходе волнений 1750 — 1760-х гг. Крестьяне отказывались подчиняться властям и выходить на заводские работы, "докудова ис правительствующего сената за собственной Ея Императорского Величества рукою указа не будет". "Мы взять себя не дадимся без имянного Ея Величества указа", — заявлял усмирителям от имени крестьян Авзяно-Петровского завода выборный Краснов. На одном из "советов" крестьяне Барневской слободы приняли твердое решение: "до изследования в обидах демидовских прикащиков ево (совета — И.П.) дела, хотя и высылать кто их станет и всех до смерти побьют, в заводские работы нейти, покуда за собственной Ея Императорского Величества рукою указа не будет". Уверенные в своей правоте крестьянские челобитчики писали из Петербурга в с. Котловку (приписана к Авзяно-Петровским заводам) землякам: "Что нас от заводу отрешили по приказу Его императорского величества, и вы об оном молитесь всещедрому Богу, а нас ожидайте быть вскоре со всяким благополучием, понеже наше дело решено; токмо ожидаем милостивого указа". Наконец, в ходе неповиновения появлялись сами "милостивые указы" — зачастую официальные, но подвергнутые своеобразной крестьянской интерпретации. Большой популярностью как среди приписных, так и среди крестьян духовных вотчин пользовался сенатский указ от 12 октября 1760 г. об увеличении оброчного сбора на 60 коп. В нём имелась частная фраза: "...что более никаких без указу доходов, подвод и работ с них не должно требовать и собирать", — которая возводилась крестьянами в принцип, оправдывавший протест и нежелание вообще выполнять повинности.

В обстановке протеста распространялись фантастические слухи о вообще несуществующих указах, появлялись подложные указы. Так, крестьяне Масленского острога заявляли: "Дал нам ныне Бог указ, чтоб в заводские работы не идти; теперь пускай идут хоть три полка, — не испугаемся". На какой-то указ ссылались в ноябре 1764 г. приписные крестьяне Казанского уезда, считавшие, что они не должны работать на заводах более 36 дней. Жители Гороблагодатских заводов были уверены, что в соответствии с "милостивым указом" "казенные заводы будут постановлены на пять лет, а на партикулярных заводах крестьянам работать не велено, а компанейщикам работы производит велено волными людьми". В ходе волнений на Камских заводах появился и собственно подложный манифест от 7 июля 1762 г. Сочинителем документа оказался дьячок с. Красная Горка Свияжского Богородского монастыря Иван Козьмин. В "манифесте" после слов о восшествии на престол императрицы говорилось: "Которые в прежних годах отданы были во владение собственные Е.И.В. крестьяне архиереям и по разным монастырям, и которые подписаны под заводы к разным компанейщикам для заводских работ, таковым отнюдь в оных заводах не работать, и от тех заводов отменить, как Осокина, так Демидова и Петра Шувалова, и быть по прежнему ясачными". "Манифест", распространяясь по селениям приписных крестьян, поднимал их на борьбу²². В начале 1776 г. среди крестьян, приписанных к демидовским заводам (Авзяно-Петровский, Каслинский), распространялись слухи о "милостивом указе", который освобождал крестьян от заводской повинности и определял их на линию в казаки. Заводовладелец Е. Демидов, якобы в соответствии с тем же указом, уже взят под караул, закован в кандалы и отправлен к графу П.И. Панину в Казань под следствие²³.

Серьезным фактором в волнениях приписных крестьян Камышловского, Екатеринбургского, Шадринского уездов против выхода на заводские работы в 1812 г. выступали слухи о "милостивом указе", избавлявшем якобы крестьян от заводской повинности. Так, говорили, что прислан "в Шадринске высочайший указ с золотой строкою, которым все приписные крестьяне от заводских работ освобождены, а если кто из них будет работать, те вечно останутся при заводах"²⁴.

Мятежные настроения крестьян Камышловского уезда в период массовых волнений 1842 г. подогревал слух о получении от государя указа — "убивать писарей и священников за продажу народа, что за это никакого ответа не будет"²⁵.

Отношение казаков к "милостивому указу" сродни крестьянскому. Целая легенда о царской "владенной грамоте" на р. Яик сформировалась среди яицких казаков. В записанном И.И. Железновым предании "Три Ивана" легендарный царь жалует казаков за их героические подвиги р. Яик, "с вершин до устьев, с рыбными ловлями, санными покосами и лесными порубами". Ко времени Петра I, сообщает другое уральское предание "Рыжечка", "владена" утерялась. Поэтому очередной герой-казак просит царя подтвердить прежние права и привилегии. Петр I жалует казаков "владеной", в которой не только подтверждает прежние права, но и дополняет их важным для казаков правом свободно исповедовать старую веру и носить бороду ("Для кого нет, а для

яицких казаков есть! Секлетарь, пиши во владеной, что я жалую яицких казаков крестом и бороною на веки вечные, чтоб им насчет креста и бороды быть невредимыми"). Когда в 1874 г. в Уральском войске было введено новое Положение, существенно изменившее порядок службы, среди казаков начались массовые волнения. Протест подогревался толками о "владеной" грамоте на р. Яик, которая якобы не сгорела, "а что она была спасена во время пожара дьяконом Архангело-Михайловского собора, где будто она хранилась; что этот дьякон, умирая, передал ее другому, обязав под клятвою не казать никому, кроме самого государя, и притом непосредственно; что "владенная" эта хранится в особом чугунном футляре, зарытом в землю и т.п.". Казаки надеялись, что если "владенная" попадет государю, то все новации — незаконные, по их мнению, — будут отменены. Мечты казаков, однако, не сбылись; волнения были подавлены, а виновные — более 2 тыс. казаков с семьями — отправлены на поселение в Туркестанский край²⁶.

В 1719 г. яицкие челобитчики — Ф.Рукавишников, Т.Новиков, М.Коловертинцев — волновали казачество заявлением о том, что царь из своих уст приказал им опять принимать людей "всяких чинов, кто чей и откуда бы ни был". Разглашение это в действительности противоречило правительственному курсу на ужесточение сыска беглых в пределах всего государства²⁷. В 1771 г. яицкие казаки отказались выполнять предписание Военной коллегии о выступлении в поход против калмыков, бежавших с Волги в Китай. При этом казаки оправдывались ссылками на копию с именного указа 7 декабря 1770 г. В оригинале указа содержалось прощение казаков за прежние их "дерзновения" и освобождение от обязанности служить в "Потемкинском легионе" ("увольняем их вовсе от легионной команды, куда их и впредь не наряжать"). В копии с указа оригинальный текст подвергся фальсификации ("увольняем их" вовсе от легионной команды, никуда их и впредь не наряжать"), дававшей казакам "моральный" повод вообще отказаться от несения службы государству²⁸.

Восставшие в 1772 г. яицкие казаки оправдывали свой протест ссылками на якобы существовавший старинный царский указ, который обеспечивал право казаков на самоуправление и повелевал, "чтоб никогда в их Яицком городке не только генералов, но и шляпы салдатской не было". Кроме того, среди уральцев ходили слухи о мифическом указе императрицы, "якобы уже третий год вооруженною рукою поступать им велено"²⁹. Таким образом, сами участники восстания 1772 г. склонны были рассматривать свой протест как выполнение высочайшей воли.

В 1820 г. казаки упраздненной Красноуфимской станицы в составе 300 домохозяев были переведены в Ново-Илецкий район. Переселение на неосвоенные земли вызвало большое недовольство среди казаков, которые начали волноваться. Протесту способствовало распространение "милостивого указа" — копии с несуществовавшего отношения начальника главного штаба генерал-адъютанта Дибича об оставлении казаков Красноуфимской станицы на прежнем месте жительства. Только после наказания 4 распространителей подложной бумаги неповиновение было прекращено³⁰.

В 1859 г. в Оренбургском и Уральском казачьих войсках распространялась молва о "милостивом" царском указе на имя

управлявшего Астраханской губернией, в котором декларировалась отмена преследований староверов, освобождение осужденных старообрядцев, свобода в исполнении обрядов. Слухи способствовали брожению среди казаков, стимулировали переход приверженцев официального православия и единоверцев в староверие³¹.

Определенные надежды народ возлагал на верных царских слуг. Так, в 1721 г. Яицкое войско, жалуясь на взяточничество и произвол царских следователей, просило государя "послать для подлинного розыску к ним на Яик от своего пресветлая державы из правоверных и праводушных рабов своих, кроме Казанских офицеров, розыскать"³². В челобитной Яицкого войска от 15 января 1772 г. содержалась просьба вывести войско из ведения Военной коллегии, которая напрасно притесняет казаков, и отдать их "под дирекцию одной персоны, их сиятельству графам Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичу Орловым и во всем оставить на прежнем основании так, как и напредь сего предки наши состояли, в силу имянного блаженныя и вечныя славы достойные памяти государя императора Петра Великого указа, под дирекцию господина генерал-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не от Военной коллегии"³³. Казачьи станицы, посещавшие Петербург, знали братьев Орловых, относились к ним с симпатией и связывали с их именами надежды на справедливое решение наболевших вопросов.

Критические социальные ситуации культивировали в народе надежды на прибытие справедливых царских агентов. Так, в 1840-е годы имели место волнения, вызванные переводом в соответствие с Положением 12 декабря 1840 г. в состав Оренбургского казачьего войска крестьян Челябинского, Троицкого, Оренбургского уездов. Новообращенные "казаки" не пожелали мириться с изменением своего образа жизни и даже решились на открытый протест. Расширению конфликта способствовали слухи, "что господин сенатор Пещуров и Его Императорского Величества флигель-адъютант прибыли в Оренбург будто бы с указом объявить им, что они не поступают в казаки"³⁴.

В 1765 г. в качестве самозванного "сенатского фурыера М.Ресцова" выступил исетский казак Ф.И.Каменщиков-Слудников, который использовал народные ожидания прибытия царского ревизора для организации волнений среди приписных крестьян Масленского острога и Барневской слободы³⁵.

В феврале 1851 г. полиция задержала в с. Табынском Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии уволенного от службы коллежского секретаря Петровского (из дворян), принимавшего ранее участие в составлении ревизских сказок в юртах 8 башкирского кантона. В течение января-февраля 1851 г. Петровский в сопровождении бывшего сельского писаря Е.Кроткова разъезжал по государственным селениям Стерлитамакского уезда, чаще всего останавливаясь в с. Табынском, и называл себя "чиновником особых поручений по двум губерниям", "членом", присланным для обревизования волостных и сельских расправ. Стараясь облечь себя "какою то таинственностью", Петровский рассказывал крестьянам разные небылицы о себе: что он "без ног, перьев и крыльев"; "что он, чиновник, был в Сибири и в Петербурге и хотя находится в одной избе с телятами и овцами, но если захочет, то наденет на себя другую одежду и потребует казенную квартиру"; "что

хотя он, чиновник, прислан из Петербурга для обревизования волостных и сельских расправ, но все поступающие к нему просьбы удовлетворяет без малейшего задержания". Также крестьянам демонстрировались черновые ревизские сказки, которые Петровский хранил в специальном ящичке. Крестьяне с полным доверием отнеслись к миссии Петровского и начали обращаться к "ходатаю за крестьян" с просьбами. Даже сельский старшина Васильев (с. Табынское) подозревал в Петровском "фискала" и поил его у себя дома вином. Петровский же за небольшую мзду принимал от крестьян ходатайства по земельным спорам, по вопросам о причислении в сельские общества, по налогам и повинностям и немедленно — без соблюдения инстанций — писал прошения прямо на имя министра государственных имуществ. Даже после задержания Петровского крестьяне — "по простоте своей", как писал стерлитамакский земский исправник, — продолжали верить в то, что Петровский действительно "чиновник особых поручений" и старались скрывать его действия от полиции³⁶.

В ходе т.н. "трезвенного движения" 1859 г. в Белебеевском уезде Оренбургской губернии появился какой-то человек, который называл себя чиновником, "командированным от Высшего правительства для изничтожения существующих в Российской империи питейных домов"³⁷.

Однако дело не ограничивалось только самозванчеством "ревизоров". Народная монархическая концепция не исключала возможность непосредственного участия монарха в разрешении конфликта на месте, высочайшей ревизии любого уголка империи. Встречи с царем-"избавителем" в качестве отдельных мотивов включались в сюжетную схему социально-утопической легенды о возвращающихся "избавителях", проанализированной в классическом исследовании К.В.Чистова³⁸.

В 1765 г. среди исетских казаков распространялись слухи о тайных ночных приездах с ревизорскими целями в Троицкую крепость императора "Петра III" совместно с бывшим оренбургским губернатором Д.В.Волковым³⁹. Не единичны слухи о прибытии монарха для наказания нечестных, коррумпированных администраторов. Во время волнений государственных крестьян Кунгурского уезда в 1835 г., возникших в связи с распространением слуха о передаче казенных хлебопашцев в удел, участники протеста говорили, что "государь император скоро сюда будет для казни чиновников, волостных голов, писарей и тех, кои исполняют волю правительства, за то, что принудили их чрез посредство военной команды выбрать пятисотенных старост для сбора податей", что "ожидают прибытия государя императора или великого князя", что "для встречи государя императора велено народу собираться на гору за городом Кунгуром, а если народ не встретит царя, то будет худо"⁴⁰.

После подавления волнений государственных крестьян Челябинского уезда (1843 г.) среди крестьян стали распространяться толки о скором приезде в Оренбургскую губернию кого-либо из членов императорской фамилии. Бывшие участники протеста решили подать царственной персоне жалобу на действия губернской администрации во время усмирения протеста и описание убытков, понесенных крестьянами от экзекуционных команд. В течение 1844 — весны 1845 гг. в селениях собирались сходки, участники

которых составляли приговоры по указанным вопросам. В апреле 1845 г. крестьян еще более взбудоражил слух о том, что "царевич Константин Павлович находится в живых, что он стоит с войском за линией, скоро придет к ним решить дело и истребить волостных начальников, а равно и крестьян, не участвовавших в возмущении 1843 г." Проведенное следствие определило виновных: в сборе слухов по поводу составления приговоров о понесенных в ходе волнений 1843 г. убытках (крестьяне Ф.И.Варлаков, В.Маторин); в составлении приговоров и других бумаг (крестьяне Ф.Г.Кайгородов, И.Мезенцев, О.Томилов, И.Усыпин, Г.Усыпин); в хранении приговоров и бумаг (А.Варлаков, К.Варлаков, В.Кувандин); в сборе приговоров по деревням (Л.Дерибин)⁴¹.

Примерно через десятилетие среди крестьян того же Челябинского уезда вновь стали ходить слухи о прибытии представителя царской фамилии. Распространителем их стал бывший участник волнений 1843—1845 гг. крестьянин с. Щучьего Воскресенской волости Козьма Иванов сын Варлаков, который утверждал, что у него в доме находился "сын какого-то царя, обещавший приехать к нему во второй раз в первый день праздника Святой Пасхи с двумя товарищами, и что они уже послали пригласить к себе к первому числу наступающего мая сосланного за бывшие между челябинскими крестьянами в 1843 году беспорядки в каторжную работу бывшего государственного крестьянина того же уезда Воскресенской волости деревни Березомызской Ивана Федорова Фадюшина, прозванного Люсым, по прибытии которого народ узнает, чему должно быть". В дополнение К.Варлаков сообщал, что государственные крестьяне избавлены по высочайшему повелению от платежа податей, поскольку последние внесены за них каким-то московским купцом за три года вперед; поэтому произведенный за первую половину 1856 г. сбор податей незаконный — и деньги поступили не в казну, а в пользу начальников. Разглашения К.Варлакова произвели впечатление лишь на его брата Афанасия и на крестьянина В.Госькова, которые отказались вносить государственные подати, оказывали неповиновение сельскому старшине и пытались пропагандировать заявления К.Варлакова среди однообщественников. Проводившие следствие по данному делу адъютант при оренбургском жандармском штаб-офицере и чиновник особых поручений при оренбургском гражданском губернаторе добились от К.Варлакова более детальных показаний. Крестьянин — "в продолжительной беседе" — рассказал, что "нынешней зимой приезжал к нему на 13 часов на одной лошади, а к отъезду добыл откуда-то другую, сын первого царя, наружность которого описать он не хотел" и отзывался, что имени его не знает, но догадывается, что это Соломон. Про самого "первого царя" Варлаков однажды выразился, что он — "от света свет, другого имя ему нет". Царевич же, — продолжал свой рассказ крестьянин, — которого он может видеть "от света разума", обещался посетить Варлакова с двумя неизвестными спутниками "1-го числа, что по предложению его значит в 1-й день пасхи; но за заключением его незадолго до пасхи под стражу сии путешественники во второй раз не застали уже его дома". По мнению К.Варлакова, целью поездки "царского сына" было "освободить и водворить на прежнее место жительства сосланного в каторжную работу за бывшие между крестьянами в 1843 году беспорядки Ивана Федорова Фадюшина в уважение

поданной им обще с Варлаковым просьбы первому Царю". Царевич, как утверждал Варлаков, обещал "что в скором времени все будут жить в полном согласии и благополучии и, во исполнение пророчества, 3-й гильдии купец, по имени неизвестный, оставив у себя в наличности только 11 руб. сер., внес за весь уезд подушныя за 3-и преходящая года, а значит ли это время прошедшее или будущее, того не пояснил, но прибавил, что теперь требовать с крестьян деньги воспрещено, а предоставлены им добровольныя пожертвования на возобновление Иерусалима". Что же касается уже собранных незаконно податей за первое полугодие, то "царский сын", по уверению Варлакова, обещал "разыскать" сам по возвращении его из с. Воскресенского, где он должен чинить "всякой суд".

Чиновники решили, что К.Варлаков сумасшедший, а его показания лишены "не только логического здравого смысла, но нередко даже грамматической связи" и исполнены мистики. Распространитель "нелепых толков" был отправлен в Уфу для освидетельствования его умственных способностей, а дело прекращено⁴². Тем не менее, даже если допустить психическую ненормальность К.Варлакова, его история представляет интерес как попытка самостоятельного осмысления и развития народной монархической версии.

Циркуляция социально-утопической легенды о возвращающихся "избавителях" в народной среде создавала благоприятную почву для появления царственных самозванцев. Случай "Петра III"—Пугачева наиболее показателен. Восстание, им возглавленное, вовлекло в свой оборот около 3 млн. человек на территории примерно 600 тыс. кв. км. Активное участие в нем приняли яицкие казаки, горнозаводские рабочие и приписные крестьяне, нерусское население Урала. Поражение восстания и казнь Е.И.Пугачева не сразу прекратили распространение слухов о "Петре III", в том числе и на Урале.

В конце 1775 г. тобольский купец Дмитрий Посников, возвращаясь из Верхне-Уральской крепости домой, разговорился с проводником челябинским казаком Герасимом Филипповым сыном Завьяловым. Последний спрашивал купца о том, как он крестится. Посников крестился двумя перстами, по-старообрядчески. Обрадованный казак сказал, что "он, Посников, их христианин", и после этого рассказал следующее: "что бывшей самозванец злодей Пугачев был посланником от государя Петра Третьяго, а сам государь Петр Третий находился у Теплага моря, да и ныне при нем войска двенатцать тысяч донских казаков, да двенатцать тысяч ис калмыков и других людей, с которым пошел ныне к Петербургу, а вскоре и ко Оренбургу будет или пришет от себя кого другаго". Г.Завьялов уверял купца, что известие о "Петре III" недавно привез какой-то "курьер". Как заметил Посников, казак вел разговоры о "Петре III" на ночлегах и с другими людьми. Купца же Г.Завьялов однажды спросил о количестве воинских сил, размещенных в Тобольске и в крепостях по линии. Вернувшись в Тобольск, испуганный Посников рассказал все сибирскому губернатору Д.И.Чичерину. Началось следствие. Г.Завьялов на допросе признался в сделанных разглашениях и сообщил, что слышал о "Петре III" еще летом 1775 г. в Челябинске от стоявшего у него на квартире капрала из команды генерал-майора А.Скалона — И.С.Павловского. Причем, как рассказывал казак, Павловский

разглашал при солдатах, не скрываясь. Завьялов упомянул и то, что, по уверению И.Павловского, капрал "самого Государя Петра Третьяго действительно знает и ставал многократно у него во дворце в карауле, и что тот Государь Петр Третий действительно жив". Допрошенный в Омской крепости И.С.Павловский, однако, отрицал все предъявленные ему обвинения. Казака Г.Завьялова наказали "нещадно" плетью за сделанные разглашения и отослали снова для прохождения казачьей службы⁴³.

Весной 1776 г. рядовой пограничного Озерного батальона Анисим Колесников, командированный по служебной надобности из Зелаирской крепости в Екатеринбург, заехал по пути в родное селение — Щелкунскую слободу Екатеринбургского ведомства — повидать жену и детей. На вопросы крестьян о Е.И.Пугачеве — "подлинно ли он сказнен и не будет ли им льготы в податях, наипаче ж избавления от заводов?" — выпивший солдат отвечал, что Пугачев действительно казнен в Москве, но он, Колесников, слышал разговоры в "подлом народе" о том, что "на место Пугачева есть другой — Максим Железо или Железников, стоит у Чорнова моря с немалым числом партии, а, дождавшись травы, намеряются итти на Российское государство, называя себя также, как и Пугачев". Кроме того, А.Колесников сообщал крестьянам и то, что "Железо" якобы "писал к Государыне все свои на теле знаки и еще к генералу, а к кому — и сам не знает и не слышал, с устрашиванием напоминая, что прежде табакирой лоб ему прошиб, почему он, Железо, и признан подлинным Государем". Полк, отправленный против "Железа", рассказывал Колесников, последний "утопил под лдом, да и еще два или три полка послано — неизвестно, што с ними сделал". Свою речь А.Колесников торжественно завершал тем, что когда "тот Железо вступит в Россию, то, конечно, разоренные их крестьянские дома в прошедшее замешательство воинскою командою (ибо жители той слободы бунтовали) велит построить новые"⁴⁴. Версия, рассказанная А.Колесниковым, также непосредственно связана с социально-утопической легендой о "избавителе" "Петра III", хотя в ней в качестве главного героя выступает заместитель "Петра" — "Железо" (прототипом которому, как известно, послужил руководитель гайдамацкого движения "Колиивщины" на Украине Максим Железняк).

В 1776 же году слухи о "Петре III" получили распространение на Преображенском медеплавильном заводе Я.Твердышева среди посессионных крестьян. Федор Кривенков и Юда Калбанов рассказывали, что "по поимке де известного злодея Пугачева привезен тот злодей в Синбирск к генерал аншефу Панину, которой де ево, Пугачева, признав за государя, отпустил; а по приезде из Синбирска в Москву помянутого генерал аншефа Панина за то, что он привезенного под именем злодея отпустил, изрубили" господа Нарышкин, Салтыков и Шереметев; "Его высочество Государь великий князь Павел Петрович немалое время пропадал, но после де в Петербурге явился; а в Москву де привезен и казнен Пугачев и ныне де в Москву проезду нет; и господина де их жена выехала из Оренбурга, да и сам де господин немедленно бежит и намерены спастся в городе Казане". Правда, на допросах крестьяне не подтвердили факта указанных разглашений. Ю.Калбанов признался лишь в том, что во время транспортировки заводских припасов из Оренбурга на Преображенский завод возле

Сакмарского городка встретились с попутчиками-казаками, которые говорили, что "прежде при государыне были первыми и в славе Чернышев и Орловы генералы, а ныне де уже Панины, Нарышкин и двое Шереметевы". А.Ф.Кривенков на допросе сообщил, что Ю.Калбанов по приезду из Оренбургу говорил ему: "что прежде господа их Шереметевы, от коих де они Твердышеву проданы, служили блаженные и вечной славы достойная памяти великому государю императору Петру Алексеевичу, а ныне де из их же рода двоя служат государю и великому князю Павлу Петровичу, и еще де с ними ж Нарышкин и Панин, а генералов де Орловых не слышать"⁴⁵.

Летом того же года на Преображенском заводе вновь был зафиксирован случай распространения слухов о "Петре III" — Пугачеве крестьянином П.И.Юриным, который рассказывал, "что якобы Емелка Пугачев жив и с яицкими казаками и киргизцами идет от Яицкого городка к Оренбургу, о чем де услышав, господин наш Яков Борисович (Я.Твердышев — И.П.) и забрав з заводов серебряные денги уехал в Синбирск". На допросе Юрин утверждал, что слышал о самозванце от крестьян (Г.М.Гусев, И.Ф.Мыногин) и проходивших через завод солдат⁴⁶.

Примерно через три года — весной 1779-го — высшая администрация Оренбургской и Тобольской губерний была обеспокоена известием о крупномасштабном разглашении о "Петре III". Источником информации на сей раз явился мещанин г. Тюмени с. Каменского дер. Размазиной Иван Павлов сын Соколов, который переполошил чиновников сообщением об активной циркуляции слухов о царях-"избавителях" в селениях и заводах Урала и Зауралья. Как рассказывал на допросе И.П.Соколов, в начале декабря 1778 г. он отлучился без письменного разрешения из своего жительства для сбора долгов с крестьян Екатеринбургского ведомства (Красномыльская и Крутихинская слободы). Посетив должников, кредитор в начале 1779 г. отправился на Златоустовский (Костурский) завод, где в течение месяца работал по вольному найму "у возки кирпича и руды", а затем решил вернуться домой. По словам И.Соколова, его желание уволиться вызвало недовольство заводского приказчика И.Ф.Костылева, который якобы приказал сечь вольнонаемного работника плетью, а затем на неделю посадил Соколова "на цепь". Достоверно неизвестно, свобода ли отношений капиталистического найма или нечто более серьезное вызвали столь суровую реакцию приказчика И.Ф.Костылева (кстати, впоследствии Исетская провинциальная канцелярия не обнаружила на теле Соколова следов экзекуции) — только в это время на тюменского мещанина стали поступать доносы по поводу сделанных им "политических" разглашений (крестьянин Егошихинского завода Яков; крепостные заводладельца Лугинина заводские служители К.Кошкин и С.Оверин). 24 марта 1779 г. Соколов был допрошен в заводской конторе. Ведшие допрос приказчики И.Костылев и И.Костромин и сержант В.Табуев стали свидетелями ошеломительного рассказа. Оказалось, что И.П.Соколов пришел на Златоустовский завод "от собранных ево единомышленников разколников одного города Тюмени из деревни Зырянской, а имянно: Алексея Прохорова, Потапа Крутикова, Тимофея и Алексея Черных, Максима Чуглина с сыном Захаром и протчих для следующего разглашения по всем жителям, где кто принять согласитца,

объявляя и уверяя скрытным образом, что покойной государь Петр Федорович жив и находитца с собранным своим войском за большим Доном подле Черного моря, и с ним во обществе сосланной до сего на белыя воды "4-х" летней всылку первого императора сын Петр Петрович, да из воинов Слудников и прозываемой Метла; и стараютца взотти в Россию и, усилясь по толкованию их шайки, дать престол Петру Петровичу; и уже баталия с регулярным войском у него была, и он де до сорока тысяч оного войска побил; да много де крымских татар отложилось к Петру Федоровичу; и, конечно де, сего году, по толкованию их шайки, Петр Федорович свое желаемое получит и Петра Петровича на царство определит, а Павлу Петровичу не быть в управлении России". Далее, Соколов сообщил, что "из оной же их шайки окол сенокоса, или прежде, посыланы были в войско Петра Федоровича шартажские жители два человека под видом купцов, а о имени знать не имеет, потому что он при отправлении тех посланных тогда не был, да с ними ж из вышеписанных Алексей Прохоров Бологов; и в армии были — и, возвратясь, объявили, что точно там Петр Федорович и Петр Петрович, токмо де до лиц их не допущены". "И идя... по жителствам, — продолжал рассказывать на допросе тюменский мещанин, — тихим и келейным образом многим людям и здесь при заводе жителям человекам трем о сем доказывал и уверял с тем, что молитесь богу — будет во всем свобода; и на то ответствовали з желанием: "Дай Бог радость!" И.П.Соколов, очевидно, сам искренне верил в свой рассказ и надеялся на скорое наступление "свободы", потому что даже допрашивавшему его приказчику Ивану Костромину заявил: "хотя де и меня не будет, а увидите, что сего году все сие точно збудетца"⁴⁷. 31 марта на допросе в Исетской провинциальной канцелярии И.Соколов дезавуировал часть своих предшествовавших показаний: о выполнении секретного задания раскольников из дер. Зырянской по подготовке общественного мнения к прибытию царей "избавителей"; о поездке 2-х шартажских жителей в "армию" Петра Федоровича и Петра Петровича, — объяснив это пристрастием следователей в Златоустовской заводской конторе ("показал, не стерпя истязания от прикащика Костылева напрасно"). Однако разглашение слуха "одному ягошихинскому крестьянину" о пребывании армии "избавителей" у Черного моря было Соколовым признано и повторено почти дословно. В связи с этим вряд ли есть основание обвинять канцеляристов, записывавших показания обвиняемого в служебной неаккуратности, которая могла бы стать причиной сумбурной передачи рассказа Соколова. Единственное серьезное противоречие (возможно, следствие оговорки самого И.Соколова, а не невнимательности чиновников) между показаниями 24 и 31 марта — это перемена местами "Петра Федоровича" и "Петра Петровича": в допросе 31 марта "Петр Петрович" одержит победу и отдаст престол "Петру Федоровичу" ("конечно де, сего году Петр Петрович желаемое получит и Петра Федоровича на царство определит, а Павлу Петровичу не быть на престоле, а будет де при Петре Федоровиче великим князем")⁴⁸. Однако во время того же допроса (31 марта) Соколов сообщил и то, что в феврале 1779 г., находясь в рабочей избе на речке Кувашихах, он, Соколов, говорил заводскому служителю Кошкину, "что сменит Государыню Нашу Петр Петрович"⁴⁹.

Дальнейшие показания тюменского мещанина (31 же марта) во многом объясняют противоречивость и сумбурность толков, которые он распространял. "Картина" борьбы "избавителей", нарисованная И.Соколовым, очевидно, формировалась на протяжении нескольких лет на основании различных источников, которые он механически соединял (пожалуй, будет верно сказать, что И.Соколов механически соединял различные версии социально-утопической легенды, поэтому в его многофигурной композиции оказались объединенными и "Петр Петрович", и "Петр Федорович", и "Павел Петрович"). Перечислим теперь источники, упомянутые И.Соколовым:

1) "Отставной солдат" из Троицкой крепости, который привозил в "домовой отпуск" в Крутихинскую слободу уроженца этой слободы "солдата Вахова". "Отставной солдат", по словам Соколова, рассказывал следующее: "что Петр Федорович жив и находитца с собранным своим войском за болшим Доном подле Чермного моря, да и прозываемой из воинов Метла — уже баталия с регулярным войском у него была, и он де множество войска побил, да и много де крымских татар отложилось к Петру Федоровичу, и с ним сообщился Павел Петрович". Как видим, в данном фрагменте отсутствует вообще "Петр Петрович"; а версия прекрасно согласуется с вариантами легенды о "Петре III" постпугачевского периода. "Отставной же солдат", объяснил Соколов, получает известия через письма от своего сына, "находящагося в далных местах в службе": "Ты, батюшка, не тужи, хотя бы ты был в нещастии, толко молись богу". "Отставного солдата", а также "солдата Вахова", по уверению Соколова, должен был знать "солдат Пахов", отбывавший отпуск в Крутихинской слободе в то же самое время. Сразу же заметим, что, как сообщила позже Троицкая дистанционная комендантская канцелярия, ни "Вахов", ни "Пахов" службу на дистанции не проходили. А солдат И.Казанцов (Троицкий батальон) и драгун Арзамасцов, отпущенные в ноябре 1778 г. из Троицка в Крутихинскую слободу для покупки хлеба, отрицали знакомство с И.Соколовым.

2) Г. Тюмени с. Каменского мещанин Петр Лушников, по словам И.Соколова, неоднократно "в разные времена" ("да и с тем, что де то в каких то их книгах значитца") рассказывал Соколову следующий, вероятно, контаминированный из различных легендарных версий сюжет: "А во обществе с Петром Федоровичем сосланной на белые воды четырех летней в сылку перваго Императора сын Петр Петрович; и будет де престол ему, Петру Петровичу; и, конечно, сего года Петр Петрович желаемое получит и Петра Федоровича на царство определит; а Павлу Петровичу не быть на престоле и будет де при Петре Федоровиче великим князем". П.Лушникову, по словам Соколова, растолковал это сын священника из с. Каменского — Ивана Архимандритова.

3) Г.Тюмени дер. Дубровиной крестьянин Никон Сердцов — "назат тому другой год" — в лесу около дер. Макуй (Каменского села г. Туринска) при сидении дегтя пересказывал Соколову версию Лушникова же. Сердцов же усвоил историю Лушникова во время рыбного промысла на Каранинском озере в "промышленной рыболовной избе", где Лушников обратился первоначально к собравшимся (Сердцов, а также ямщики дер. Дубровиной Гаврило, Андрей и Василий Мелких) с вопросом: "что есть ли де у нас в Тюмене

о Петре Петровиче присяга", — после чего последовал лушниковский рассказ о "Петре Петровиче" и его компаньонах.

4) Тюменского ведомства с. Каменского дер. Кулиги крестьянин Дмитрий Уткин — "назат тому года с два" — рассказывал Соколову, что "будто б точно Петр Федорович жив". Сам же Уткин, отмечал Соколов, слышал о том от крестьянина дер. Зырянской Тюменского ведомства Потапа Крутикова, который прежде того вызывался за разглашение непристойностей в Тобольск.

5) Житель Златоустовского завода Степан Оверин (или Аверин) в конце февраля 1779 г. якобы внушал Соколову, что "хотя де и сказывают, что известной злодей Пугачев истреблен, то в самом деле Пугачев извержен, а Петр Федорович точно в сей шайке, а он Пугачев под ыменем ево был, а Петр Федорович ушел на Черное море за большой Дон и обещался он согласить к поражению России разных владельцев". Оверину, по словам Соколова, все это рассказал плывший вместе с ним из Астрахани человек, который называл себя "якоб афицером, бывшим с Петром Федоровичем в прошедшем замешательстве, а потому уверял, что точно при том замешательстве предводителем был не Пугачев, а Петр Федорович".

6) Крестьянин дер. Поперечной Беляковской слободы — "ростом средней", "борода русая, средняя продолговатая" — (следствие установило вскоре, что это Ф.Н.Ласкин, крестьянин дер. Комаровой Краснослободского ведомства Беляковской слободы, записной раскольник) по дороге на ярмарку в Усть-Ницинскую слободу (к празднику чудотворца Николая — 9 мая 1778 г.) останавливался на ночлег в дер. Старицы Краснослободского ведомства, где вместе с И.Соколовым принимал участие в помочах у местного крестьянина. Как уверял Соколов, крестьянин Беляковской слободы рассказал, "что де точно в нынешнем году окончится и Петр Федорович на царство будет; оное с своими товарищами разтолковали из своих книг".

7) Крестьянин Теченской слободы Исетской провинции, у которого Соколов останавливался на ночлег неделю спустя Крещения (следствие установило имя крестьянина — М.Ф.Томин из государственной Кошкульской деревни), рассказывал тюменскому мещанину, что "якоб покойной Государь Петр Федорович подлинно жив, а ему де сказывал и уверял стоящей у него на квартире здешней провинции иноверческого народа ахун, ехавши в ярмонку Долматовскую к Васильеву дни"⁶⁰.

Мартемьян Томин — единственный из оговоренных Соколовым, кто подтвердил его показания. На допросе в Исетской провинциальной канцелярии он признался, что на вопрос И.Соколова — "якоб Петр Федорович жив?", — он, Томин, отвечал утвердительно: "что точно жив и будет в замешательство". Более того, Томин уточнил, что ранее у него останавливался старшина служилых мещеряков А.Муслюмов, который однажды — "когда на небесах было знамение", — объяснил Томину, что "де будет замешательство и Петр Федорович жив".

Ф.Н.Ласкин признался только в том, что вместе с "тюменцем" (который "всем тут бывшим рассказывал сказки") принимал участие в помочах, но сам ничего о "Петре III" не рассказывал. Правда, в помочах участвовал человек, бывший во время "замешательства" казаком Краснослободского ведомства (выписным казаком — И.П.), который что-то вспоминал о бунте, но, как уверял Ласкин, во

время этих рассказов он — Ласкин — при всех заявил, "есть ли де впредь Пугачев — то де уже бежать надобно, а не здаватца".

Остальные — старшина А.Муслюмов, П.Лушников, сын священника Архимандритова Иван, А.П.Бологов, крестьяне Н.Сердцов, Д.Уткин, П.Крутиков, Тимофей и Алексей Черных, Максим и Захар Чуглины — напроць отрицали обвинения, возведенные против них на основании показаний И.Соколова. Опросив в течение апреля-мая всех прикосновенных к делу И.Соколова лиц и убедившись, что на сей раз слухи об "избавителях" мятежа не вызвали, власти, очевидно, решили замять историю, сделать вид, что "мещанин Соколов всему толь важному непристойному разглашению, ис чего легко бы мог произотти неистовый мятеж, причина и пасквилант сам, а не перенявший то злое вымышление от кого другаго". В итоге Соколову было учинено наказание плетью на Златоустовском заводе и в дер. Кошкульской, после чего его отпустили на прежнее место жительства. Тем не менее (даже если И.Соколов не всегда называл имена тех, кто действительно сообщал ему "политическую" информацию), весь материал следствия свидетельствует, что разглашение тюменского мещана формировалось из различных источников, а в головах крестьян, мещан, заводских рабочих Урала и Зауралья — даже спустя несколько лет после Пугачевщины — теснились смутные "политические" идеи, отличные от официального эталона, и связанные с ними не менее смутные надежды⁵¹.

Последняя предреформенная легенда — о "избавителе" царевиче Константине — также вызвала появление самозванцев, в том числе и на Урале. В 1840-е гг. (после 1842) был зафиксирован случай самозванчества на территории Уральского казачьего войска, не вызвавший, впрочем, никакого отклика в "народе". Рано утром 22 марта (точный год неизвестен) отставной казак Л.Коптелов выехал из Уральска на реку за льдом. По пути ему встретился незнакомый человек, по виду отставной солдат. Последний попросил Коптелова довести его до Трекина хутора. На вопрос казака, кто он такой, незнакомец ответил, "что до звания ему нет дела, но что он в Уральске занимался открытием злоупотреблений и теперь идет в Оренбург, и что оттуда 4 числа предстоящего апреля возвратится в Уральск; постоянная же его квартира в Санкт-Петербурге". Приехав на реку, Коптелов принялся накладывать лед. Вскоре незнакомец подошел вновь и сообщил, что он — "великий князь Константин Павлович". На этот раз "великому князю" удалось уговорить казака довести его до Трекина хутора, однако, проехав версты 3, самозванец вылез из саней и пошел далее пешком, велел Коптелову возвращаться в Уральск и передать поклон известному ему с хорошей стороны отставному казачьему полковнику И.Бородину. Коптелов рассказал все о "Константине Павловиче" Бородину — и полиция вскоре задержала по приметам, сообщенным казаком, подходившего уже к Гниловскому форпосту человека. Последний назвался отставным унтер-офицером Екатеринославского кирасирского полка Д.Наумовым. Наумов вследствие крайней бедности вынужден был кормиться подаяннем, за этим он и приезжал в Уральск. Обвинения Коптелова в самозванчестве он отрицал. Впрочем, как он признавался, утром 22 марта он был сильно пьян (чего, с другой стороны, не заметил Коптелов) и поэтому

не все помнил. Все же, по мнению Наумова, за великого князя он себя не выдавал. А впечатление, сложившееся у казака, Наумов объяснял тем, что тот его неправильно понял. Дескать, после жалоб Коптелова на собственное тоже не слишком счастливое существование Наумов, сочувствуя казаку, сказал: "Что делать! Мы не цари и не великие князья, сделать ничего не в силах". Чем завершилось дело — неизвестно⁵².

Следующий случай самозванчества нашел определенный социальный отклик. В статье уже отмечалось распространение в 1845 г. в Челябинском уезде слухов об "избавителе" "великом князе Константине Павловиче". В атмосфере этих слухов самозванец и объявился. "Цесаревич" был принимаем в крестьянских селениях. В других селениях крестьяне устраивали сходки, на которых рассказывали о мнимом "великом князе" и записывались к нему "в подданство". В самозванчестве был обвинен ссыльнопоселенец К.Калугин, который, так и не сознавшись, умер до окончания следствия. В приеме самозванца и в связях с ним обвинялись крестьяне казенной деревни Гороховой Т. Горохов (умер до окончания следствия), И.Д.Клюкин и крепостные помещика Качки Л.Ковалев, Д.Ковалев, В.Шумин, Е.Екимов, которые ни в чем не сознались. Тем не менее, по решению Сената над помещицкими крестьянами был учрежден строгий надзор и они были оставлены под подозрением. А.Г.Черепанов и И.Д.Клюкин были оставлены в сильном подозрении за сбор сходок, подговор записаться в подданство "цесаревичу", сбор денег на угощение его и содержание его "войска" (хотя крестьяне вины своей не признали). 6 крестьян, изъявивших желание записаться в подданство самозванцу, были приговорены к наказанию плетью по 20 ударов каждому и к ссылке на поселение в Сибирь. Наконец, 7 было приговорено к 6-месячному тюремному заключению за распространение "нелепых толков" о "Константине Павловиче"⁵³.

Таким образом, даже идеологический протест, несогласие с социальным и политическим порядком в XVIII — первой половине XIX в. обычно излагались в "монархической" терминологии.

В целом в системе патриархальных отношений между монархом и народом естественно выглядела верность и покорность последнего своему "батюшке", самоотверженная готовность отдать свои жизни за государя. "Мы не из интереса служим, — заявлял Петру I фольклорный персонаж лицкий атаман "Прохор Митрич", — мы, как есть рабы твои верные, готовы за тебя кровь проливать до последней капельки...". "Для батюшки-царя мы готовы отдать последнюю рубашку с плеч", — признавался И.И.Железнову уральский казак И.Н.Чакрыгин⁵⁴. Та же самая позиция характерна и для крестьянства, которое даже в моменты острого непокорства местным властям заявляло о своей верности монарху. Во время массовых волнений 1842—1843 гг. государственные крестьяне давали клятву "стоять за бога, за великого государя, друг за друга до последней капли крови", "служить Богу и великому государю, без кафтанов и жалованья". В с. Бруснятском Екатеринбургского ведомства крестьяне объявили увещателям — екатеринбургскому земскому исправнику и чиновникам министерства государственных имуществ, — "за царя готовы головы свои положить, как за Высокого своего покровителя, а к помещикам и в удел поступать не согласны"⁵⁵.

На фоне глубокой народной лояльности по отношению к монархии все же обнаруживались иногда определенные тормоза верноподданнических чувств. Для казаков, например, это были казачьи обычаи, "обыкновение", которые казаки бережно хранили, посягательства на которые вызывало их неодобрительный ропот и даже упреки в адрес монарха. Традиционализм был особенно прочен среди уральских казаков-старообрядцев. Даже в середине XIX в. уральцы признавались, что они готовы отдать все государю, "лишь бы только не воротили нас на солдатский шкиль, да не нудили насчет креста и бороды"⁵⁶. Собственно антимонархические высказывания располагались в достаточно широком диапазоне от довольно безобидной брани в адрес монарха, произнесенной сгоряча, нередко в пьяном виде, до вполне осознанных антимонархических концепций, имевших хождение преимущественно в радикальных толках старообрядчества (антимонархическая антихристология). Однако даже антимонархизм староверов, как и "наивный монархизм" приверженцев царей-"избавителей", был направлен скорее против конкретных государей, а не против монархической идеи как таковой⁵⁷.

В целом же народным идеалом государственного устройства в XVIII — первой половине XIX вв. являлось самодержавие. Народная монархическая концепция конкретизировалась в сакрализации государя, царственном патернализме по отношению к социальным низам отождествлении интересов монарха с интересами народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Великорусские сказки Пермской губернии. Сб. Д.К.Зеленина. М., 1991. С. 292-296, 331-346, 346-354; Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. М., 1985. Т. I. С. 170-174; 1986. Т. II. С. 5-7; 205-207, 207-208, 282; 1986. Т. III. С. 158-159; Исторические песни XVIII века. Л., 1971. С. 73, 86-87, 89, 104-105, 120, 135, 141-143, 150, 154-155, 222-223, 228, 229, 231-232, 244, 254, 256-257, 259, 287; Исторические песни XIX века. Л., 1973. С. 31, 38-41, 52-53, 86-88, 123, 128; Якутин А.И. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Т. I: Песни исторические. С. 11, 65, 105, 121, 148. Там же, 1910. Т. IV: Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерки обрядов. С. 305; Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. Т. III. С. 30, 272; Сборник уральских казачьих песен. Собр. Н.Г.Мякушин. СПб., 1890. С. 74; Пословицы русского народа. Сб. В.Даля в трех томах. М., 1993. Т. I. С. 468-472; Витевский В. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. Кн. I. С. 414-415; Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья: XVIII — первая половина XIX в. М., 1991. С. 93, 95-98.

² Железнов И.И. Уральцы... С. 22-23.

³ См.: Исторические песни XVIII века... С. 104, 135, 154-155, 242, 242; Исторические песни XIX века... С. 38-41 и др.

⁴ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47-153.

⁵ Великорусские сказки... С. 295-296.

⁶ Там же. С. 294; Народные русские сказки А.Н.Афанасьева... Т. I. С. 170.

⁷ Железнов И.И. Уральцы... С. 154, 177-178.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сб. М., 1859. Кн. I, разд. 4. С. 15-16. Также см.: Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века (К вопросу о формировании пролетариата в России). М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 192-263.

¹⁰ Железнов И.И. Уральцы... Т. I. С. 363-364.

¹¹ Исторические песни XVIII века... С. 86, 87.

¹² Орлов А.С. Волнения на Урале... С. 68.

¹³ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1955. Т. I. Ч. I. С. 304.

¹⁴ Там же. С. 469-470.

¹⁵ Там же. С. 521.

¹⁶ Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году //

- Древняя и новая Россия. 1879. Т. 15. С. 243, 291, 299; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг.: Сб. док. М., 1961. С. 482, 487; Колюпанов П. Камышловское дело // Вестн. Европы. 1870. Октябрь. С. 608; Побережников И.В. "Картофельные бунты" (1842) государственных крестьян Екатеринбургского уезда // Методика и опыт изучения сельских поселений Урала. Екатеринбург, 1993. С. 17; ГАСО (Госархив Свердловской области). Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 158 об.
- 17 Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом // Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. II. С. 288.
- 18 Железнов И.И. Уралыцы... Т. III. С. 85-90.
- 19 См.: Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск, 1976. С. 130-132; Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 232; Орлов А.С. Волнения на Урале... С. 94.
- 20 Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936. С. 11, 19; Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде В.Г.Олесовым, Екатеринбург, 1884. С. 193, 214; Пословицы русского народа... С. 473-474; Миненко Н.А. Фольклор и этические традиции русских крестьян Сибири (по материалам XVIII в. — 60-х гг. XIX в.) // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 63.
- 21 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. К семиотической типологии русской культуры XVIII в. // Материалы научной конференции (1973). Художественная культура XVIII в. М., 1974. С. 271.
- 22 Побережников И.В. Крестьянское правосознание и волнения на Урале в середине XVIII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 121, 123, 125; РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3558. Л. 392 об.
- 23 Пихоя Р.Г. Общественно-политическая... С. 162-163.
- 24 ГАСО. Ф. 24. Оп. 24. Д. 8125. Л. 66-66 об.; Рабочее движение в России... С. 330-331, 343.
- 25 Колюпанов Н. Камышловское дело... С. 617.
- 26 Витевский В. Яицкое войско... С. 414-417; Короленко В.Г. Собр. соч. в 6 томах. М., 1971. Т. 5. С. 368.
- 27 Витевский В. Яицкое войско... С. 410.
- 28 Витевский В. Яицкое войско... // Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 392, 300-400, 447.
- 29 Рознер И.Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 122; Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. С. 514.
- 30 Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904. С. 52-53; Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки. Оренбург, 1881. С. 175.
- 31 Побережников И.В. Подложные указы и протест казаков-старообрядцев Южного Урала в середине XIX в. // Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 112-116.
- 32 Витевский В. Яицкое войско... // Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 417.
- 33 Волнения на Яике... С. 288; Анучин Д. Происшествие на Яике в 1772 году // Современник. 1862. Т. XCII. № 3-4. С. 596, 604.
- 34 ГАОО (Госархив Оренбургской области). Ф. 6. Оп. 11. Д. 748. Л. 1-1 об., 95.
- 35 Дело о самозванце Ф.И. Каменщикове-Слуднике. Екатеринбург, 1992.
- 36 ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 18. Л. 1-14 об.
- 37 Сафонов Д.А. Социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в середине XIX века. Оренбург, 1993. С. 37.
- 38 См.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 24-236.
- 39 Дело о самозванце... С. 12-14.
- 40 Крестьянское движение... С. 269, 665.
- 41 ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 296. Л. 1-11 об.; также см.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды... С. 209-210.
- 42 ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 77. Л. 1-17; также см.: Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг. М., 1952. С. 164-165; Сафонов Д.А. Социально-политические... С. 35.
- 43 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 158. Л. 3-15 об.; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания на Урале, в Киргиз-кайсацкой малой орде и в Поволжье (По материалам Центархива КССР) // Труды общества изучения Казахстана (Киргизского края). Оренбург, 1925. Т. 6. С. 207-212.
- 44 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 161. Л. 1-14 об.; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 202-204; Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 240-246.
- 45 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 160. Л. 2-19; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 198-201.

- 46 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 162. Л. 2-9; Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 201-202.
- 47 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188. Л. 7-7 об.
- 48 Там же. Л. 3-3 об.
- 49 Там же. Л. 3 об.
- 50 Там же. Л. 4-6.
- 51 Там же. Л. 1-41 об.; также см.: Рязанов А.Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 205-207; Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII - середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 49, 70-71; Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. С. 91-92, 98-99.
- 52 Витевский В. Попытка самозванства в XIX веке (солдат Данила Наумов — вел. кн. Константин Павлович) // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 483-486.
- 53 ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 296. Л. 13-21 об.; также см.: Чистов К.В. Русские народные социально-утопические... С. 209-211; Покровский Н.Н. Обзор сведений... С. 73; Казоханин М. Самозванец Калугин // Исторический вестник. 1914. Т. 136. С. 167-173; Середина Н.А. Позднейшая волнения в Оренбургском крае. Исторический рассказ. II. Самозванец 1845-го года // Вестник Европы. 1868. Т. 4. Кн. 8. С. 631-638.
- 54 Железнов И.И. Уральцы... С. 11, 32, 89.
- 55 Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 485; Побережников И.В. "Картофельные бунты"... С. 16; ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- 56 Железнов И.И. Уральцы... С. 32.
- 57 Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Он же. Биография оренбургского казака. Статья 1 // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 103-130; Он же. Биография оренбургского казака. Статья 2 // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 135-163.

PEOPLE'S MONARCHY CONCEPTION IN THE URALS (THE 18th — THE 1ST HALF OF THE 19th CENTURY)

Based on folk-lore and documentary sources, the article gives the analysis of people's idea (peasantry, mining workers, the Cossacks) of the tsarist power institution and relations between the Tsar and society in the 18th — the 1st half of the 19th century. In author's view the basic elements of people's monarchy conception were 1) sacralization of the monarch; 2) tsarist paternalism (an image of the Tsar as "a dear father", who takes paternal care of his subjects — "dear children"; 3) identification of the monarch's interests with people's ones in contrast with the interests of bureaucracy, landowners and worksoowners. The belief in tsar's justice and distrust towards power structures increased the hope for the Tsar's participation in solving local conflicts in a form of issuing "kind" decrees, sending tsarist "inspectors" or personal interference of the monarch.

I.V. Pobereznikov

Н.А. Миненко

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К МЕСТНОЙ БЮРОКРАТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Государственные крестьяне на Урале и в Западной Сибири в первой половине XIX в. составляли подавляющее большинство сельского населения. К востоку от Урала, помимо государственных крестьян, была лишь небольшая группа частновладельческих: к

1811 г. последних по всей Сибири насчитывалось 2765 душ муж. пола, к 1858 г. — 1694 души¹. На Урале в середине XIX в. численность крестьянского населения достигла 4421422 чел., из них 3533766 чел. являлись государственными крестьянами². Особенностью государственной деревни было то, что она находилась в непосредственном подчинении у местной бюрократии, представляющей государственную власть. К началу XIX в. у государственных крестьян Урала и Западной Сибири накопился богатый опыт общения с чиновниками, успели сложиться определенные стереотипы в отношении последних, правила поведения. Поэтому интересно именно на материалах первой половины XIX в. исследовать отношение крестьянства к урало-сибирской бюрократии — без этого невозможно оценить общий уровень его политической культуры на завершающем этапе истории феодальной формации.

Наблюдатели отмечали, что, по "народным понятиям", "род человеческий" разделялся "главнейшим образом, на два разряда, именно: на людей и чиновников"³. Это представление о чиновниках как о "не-людях", чьи поступки и образ жизни необъяснимы с позиции разума, присутствует в сказке "Крестьянин и незнамой человек", записанной А.Н.Зыряновым в середине XIX в. в Шадринском уезде Пермской губернии. В ней приводится разговор царя с крестьянином-дровосеком. Царь заинтересовался, на что расходует крестьянин зарабатываемые им "три полтины". Выяснилось, что одна полтина идет на содержание родителей дровосека, другая — на содержание его детей. "Теперь, — спрашивает царь, — скажи, куды третью полтину деваешь?". — "Третью полтину я даром бросаю". — "Как-жо даром бросаешь?". — "А вот как, ваше царско величество, видишь-ли, третью полтину даю писаришкам да господам...". — "На что-жо оне берут с вас эте деньги?". — "Кто? Писаришки-те да господа-те? Ну, кто их знат, на что оне берут, как оне живут не по-нашему да не по-вашему, царь"⁴. Эти слова крестьянина — "живут не по-нашему да и не по-вашему" — как бы ставят "господ" (а под ними, как следует из содержания сказки, понимаются именно чиновники) за пределы принимаемого народным сознанием мира "людей".

Причем причиной обособления чиновников от "людей", по мнению крестьян, было то, что они "продали" совесть⁵ и забыли Бога. Примечательно в данном случае слова жителя с. Крутые Лога сибиряка Осипа Дехтярева: "...я, по мужичьему званию, завсегда под бедой, как под шапкой, ходил, а поэтому, значит, и завсе Бога помнил!". — "А чиновники-то, по-твоему, разве не помнят Бога?" — обратился к Дехтяреву присутствовавший при разговоре стряпчий. "В редкость!" — был ответ крестьянина⁶.

В ряде мест наблюдателями зафиксировано представление об уездных начальниках как о "колдунах", связавшихся с "дьяволом" и способных "портить" людей. Так, священник из с. Покровского Каинского уезда П.Шалабанов в 1848 г. сообщал руководству Русского географического общества, что в его округе "народ, преимущественно женского пола, в немалом числе страждет от порчи". В числе тех, кто насылал "порчу", назывались "бродаги", "полковники" и пр., а также "исправники" и "заседатели"⁷.

Вообще уездная бюрократия, ближе других стоявшая к деревне, вызывала особенное недовольство со стороны крестьян. Н.М.Чук-

малдин, выходец из дер. Кулаковой Тюменского уезда, вспоминал, что крестьянский мир одних чиновников "знал по именам — это были те, для которых, чередуясь, шли деревенские "поборы". Другие представлялись ему где-то далеко и лишь смутно понимались "как большое начальство". По именам знали исправника, земского заседателя, стряпчего, ветеринарного врача. Причем, как свидетельствует Чукмалдин, для крестьян не существовало "различия между судьей, администратором, доктором — все это были чиновники, которых всех нужно кормить поборами. Их различали лишь по степени вреда, какой могли они нанести обществу — деревне, вместе взятой, или каждому обывателю порознь. Тот чиновник, который брал умеренно "оклады" и не делал особенно злых распоряжений, отзывавшихся тяжелым следом на крестьянском благосостоянии, слыл даже добрым человеком"⁸.

В то, что уездный начальник может проявить бескорыстную заботу о деревне, никто не верил. Деревенский мир, по словам Чукмалдина, "не мог себе представить даже, чтобы чиновник, им управляющий, судья, его судящий, не брал взятки и не мог сделать правым неправого и обратно. Если случалось, что кто-нибудь не принимал подарка, то подноситель объяснял себе дело тем, что "видимо, мало", но никак не тем, что чиновник поступает по сознанию лежащего на нем нравственного долга"⁹. "Бог сотворил два зла: приказного да козла", — говорили крестьяне на Урале¹⁰. За взятку чиновник, по народному мнению, мог пойти на любой подлог. Интересный факт приводится в следственном деле за 1802 г., которое хранится в фонде Верхотурского земского суда. В рапорте Романовского волостного правления уездному начальству, в частности, сообщалось, что жители соседней Меркушинской волости Кирилл Степанов, Тимофей Семенов и Федор Петров Рагозины "усильно запахали" участок, отведенный романовским крестьянам Посниковым. Посниковы попытались "удержать" Рагозиных, "сказывая" им, что имеют на землю указ из нижнего земского суда. На это один из обвиняемых — Кирилл заявил: "Хотя де мы тот указ слышали, но я ево не слушаю, а у меня есть свой указ; а земскому де суду врать можно и вольно написать, что хочет... я де и слушать предписаниев земского суда не хочу". Присутствовавший же при разговоре сын Кирилла Никифор добавил, что "мы, Посниковы, когда снесем земского суда присутствующим пятьдесят рублей, то и дадут нам указ", какой они, Посниковы, захотят¹¹.

Среди известных чиновников встречались, конечно, отрядные исключения. И крестьяне, как люди весьма наблюдательные, не могли этого не замечать. Однако они не могли не заметить и того, что "добродетельные" люди не задерживались на начальных должностях. Старик Яков Сыолов из дер. Кокуй Кузнецкого округа, например, говорил: "...ведь на тыщу-то чинов разве один только добродетельный выищется, да и тот... недолговешен в наших местах. Приехал сегодня, повернулся, а там, гляди уж, и нет его"¹². Декабрист А.Е.Розен, оказавшийся в ссылке в Западной Сибири, по этому поводу писал: "Я уже имел счастье назвать начальников, которые взятку не брали и старались выводить это зло, но старания их остались напрасными: подчиненные их с другими правилами умели происками удалить от должности таких полезных начальников"¹³. Р.Пайпс справедливо утверждает, что "коррупция в бюрократическом аппарате дореволюционной России не

была aberrацией, отклонением от общепринятой нормы", а "являлась неотъемлемой частью установившейся системы управления"¹⁴.

Вместе с тем крестьяне осознавали, что поборы, чинимые начальством, есть дело незаконное. Сбор денег на "подарок" чиновнику всегда производился с общинников по решению схода; соответствующая отчетность хранилась в волостных правлениях, однако считалась "черной" (тайной), и от ревизоров ее всегда прятали. Когда в марте 1821 г. верхотурский исправник Болотов во время проверки Меркушинского волостного правления обнаружил "книжки ведения незаконным расходам" (так сами крестьяне называли журналы, в которых регистрировались денежные "дачи" чиновникам), он их изъяс. Меркушинское "общество" немедленно постановило собрать с жителей "в подарок" исправнику 1000 руб. — таким образом удалось "выкупить" у уездного начальника "черную" документацию¹⁵.

"Все отношения крестьянина к миру чиновному "искони веков" сопровождалось "поборами", — писал Н.М.Чукмалдин, а потому он был непоколебимо убежден, что "законы святые" да исполнители — "злые супостаты"¹⁶. Последняя пословица имела распространение и на Урале¹⁷. Сила бюрократии заключалась в том в частности, что в ее руках, как считали крестьяне, были все "законы". Не случайным оказывалось стремление крестьян заполучить эти "законы", на чем, кстати, успешно спекулировали иногда волостные власти и уездное начальство. В начале 60-х гг. XIX в., например, житель дер. Клушиной (Западная Сибирь) Анисим Корольков рассказывал писателю Н.И.Наумову, что было время, когда с крестьян вдруг начали собирать деньги на "плакаты". "Товорили тогда, што плакаты выходят, — сообщал Корольков, — што законы экие пишут — плакатом зовут; что у кого де будет плакат в руках, так уж того без причины не могли шевелить... Ну, и платили! Лестно было всякому закон-то экой иметь. Вишь, ведь сторонущка-то у нас дикая, до закону-то не скоро доберешься; ну, мужики-то и полагали, што уж коли закон-то будет в руке у тебя, — так уж житье-то особливое пойдет, не в пример. Опосля только споквятились, што подвох это был один!"¹⁸

Всесилие "письменных людей" — чиновников порождало представление о всесилии "бумаги", "документа", "закона". Поразительно, например, с каким упорством отыскивали в 1842—1843 гг. уральские крестьяне "указ", оформлявший их продажу "в удел" (что понималось ими как передача в частные руки). Им казалось, что стоит только найти этот указ и уничтожить его, и сделка будет недействительной — они по-прежнему останутся государственными крестьянами¹⁹. Доказательством "продажи в удел" сельские жители считали введение у них нового порядка управления (в соответствии с проектом П.Д.Киселева). Поскольку "запродажный указ" не находился, население некоторых волостей готово было удовлетвориться письменным удостоверением от местного начальства, что продажа "в удел" аннулируется. Так, в с. Белослудском крестьяне, захватив окружного начальника, обещали ему "сделать пытку" и требовали "от него подписки, в которой бы пояснил и ручался, что они по-прежнему будут принадлежать Государю Императору и что у них не будет расправ, старшин и кафтанов жалованных... каковую подписку и вынудили от него на сторублевом листе гербовой бумаги...". "Бумага" на время успокоила толпу²⁰.

"Бумажки клочок далеко поволочет", "Худая грамота — спине пагуба", "Что написано пером, то не вырубишь и топором" — эти пословицы в урало-сибирской деревне бытовали не случайно²¹. От "бумаг", как и от тех, кто их составлял и ими повелевал, старались

держаться подальше. Предпочитали удовлетворять притязаниям чиновников, если только они не грозили расстройством хозяйства, а не вступать с ними в борьбу. "К лицам земского начальства поселяне уже приобыкли, — сообщал в 1843 г. царю генерал-губернатор Западной Сибири князь П. Горчаков, — и даже без особенного неудовольствия терпят мелкие притеснения, им иногда делаемые..."²² Конечно, генерал-губернатор приукрашал действительность, но был прав, говоря о крестьянском терпении. П. Деви, основательно изучивший события 1842 г. в Камышловском уезде Пермской губернии (главным образом, на основе устных расспросов крестьян, производившихся им в начале 1870-х гг.), удивлялся тому, что участники волнений, жестоко расправлявшиеся со своими выборными начальниками (за "продажу" народа "в удел"), щадили чиновников. "Немногочисленное чиновничество, — замечал он, — которое решалось показываться в это опасное время среди возмущенного народа, не подвергалось, за редкими исключениями, даже оскорблениям... Исправники разъезжали из деревни в деревню, и никто их не трогал". Между тем крестьяне были убеждены, что чиновники тоже участвовали в их "продаже" "в удел" (окружной начальник, например, по их мнению, получил за то "пуд ассигнаций"). Народ, по словам Деви, "не отваживался касаться начальства высшего"²³. В данном случае, с одной стороны, проявилась надежда сельских тружеников на то, что чиновников-"миропродавцов" накажет сам государь (они нарушили "закон", изменили царской "воле", продав "в удел" казенную деревню), а с другой — привычка держаться от "приказных" подальше.

Примечателен разговор, записанный в Западной Сибири Н. И. Наумовым, в котором участвовали губернатор и крестьянин из с. Крутые Лога О. Дехтярев. "Вон ты какой! — наивно произнес Дехтярев, с любопытством осмотрев его (губернатора — Н. М.). — Одобряют тебя мужики-то... шибко они, слышь, за тебя Бога молят!.."

— За что же они одобряют меня?.. — спросил губернатор, слегка покраснев.

— Угодил ты им... уж так, брат, угодил, што чиновников-то своих на притужальнике держишь, не даешь им чужое-то добро по карманам шарить...

— Так теперь уж не шарят чужое добро по карманам, а?.. — шутливо спросил у него губернатор.

— Утихли!.. Не слышать што-то, разве где по-малости; ну, так малость-то наш брат и в счет не кладет!"²⁴

Вообще отношение к губернской администрации и другому "высшему" начальству имело свою специфику. С этими чиновниками доводилось встречаться далеко не всем крестьянам, регулярных "подарков" им не делали. В них еще видели своих возможных заступников. Курганский исправник в октябре 1827 г. подал жалобу на крестьянина Арлагульской волости Андрея Скорнякова, который в присутствии уездного начальника "поступал со всею дерзостью", заявляя, что для него исправник и земская полиция ничего не значат и "что он знает высшее начальство". "Завернувшись в толпе народа, будучи в большом озарте, — сообщал о Скорнякове исправник, — кричал мне: "...удостоверь меня, почему я следую в город и приказывает ли главное начальство меня представить. Подай мне о том бумагу..."²⁵

Считалось, что многие беды происходят от того, что "высшее" начальство не в курсе, что уездные чиновники скрывают от него правду. "Вы как слышите, что набольшой начальник едет, — упрекал заседателя крестьянин Максим Арефьич, — так всякого мужика потолковой прячете, чтобы не выболтался...". "Пора, — заключал он, — и вышнему начальству правду знать"²⁶.

Нельзя сказать, чтобы сами крестьяне не старались довести "правду" до этого "вышнего" начальства: они составляли на сходах коллективные прошения, выбирали "доверенных", посылали их в губернские центры, даже в столицу. "Я знал многих крестьян, — писал Н.И.Наумов, — ... которые, отрешившись от хозяйства, толклись с утра и до ночи в передних различных начальников и присутственных мест, держа в руках просьбы... они являлись ходатаями за общество..."²⁷

Особые надежды связывались у крестьян с чиновниками, командированными "высшим правительством". В 1822 г., например, "по Высочайшему повелению" прибыла на Урал специальная комиссия для ревизии казенных горных заводов. Немало жалоб поступило к ней и от местных государственных крестьян. Так, "в проезд членов комиссии из Верхотурья к Богословскому заводу", 29 июня, "остановлены они были шедшими пешком крестьянами разных волостей, наряженными для обработки дороги, состоящей в округе Гороблагодатских заводов"; крестьяне жаловались, в частности на то, что Верхотурский земский суд "большую часть наряженных сначала на сию дорогу людей за полученные от них подарки отпустил в дома, а их одних послал на работу". Губернским властям предписано было проверить справедливость сообщения крестьян. Хотя жалоба в итоге нашла подтверждение, наказания чиновникам не последовало²⁸.

В 1827 г. прибыли в Сибирь сенаторы В.К.Безродный и Б.А.Куракин. "Оба ревизующие сенатора начали свое дело в Сибири как будто бы хорошо, — вспоминал ссыльный декабрист Н.И.Лорер, — разослали объявление, что присланы оказать помощь угнетенным, обиженным, приглашали всякого подавать просьбы, жалобы... Бедный народ думал вздохнуть..."²⁹. Сенаторов буквально заваливали коллективными прошениями и жалобами. В приговоре крестьян Утечьеи волости (Курганский округ), например, подписанном 211 представителями 15 деревень, после перечисления претензий к уездным начальникам говорилось: "...со общего согласия из среды себя избрали в доверители Ивана Михалева и Григорья Кочнева, коим поручаем отпразднать в город Тобольск, явить к господам сенаторам, ревизующим по Высочайшей воле Западную Сибирь, его превосходительству... Василью Кирилловичу Безродному и его сиятельству князю Борису Алексеевичу Куракину, по всем выше-прописанным угнетениям представить на благоуважительное усмотрение их и униженнейше просить о милостивейшей защите впредь от подобных... угнетений и отягощений..."³⁰. Более осторожно высказывались участники схода в Чистоозерной волости (Ишимский округ): изложив в приговоре (его подписали 385 чел.) свои "отягощения", они предписывали выборным Ивану Шепелину и Максиму Кривоногову ехать в Тобольск к сенаторам и "покорнейше" просить их проверить, нет ли в действиях местных чиновников "что ниест незаконного"; "и естли в каком-либо предмете господа сенаторы усмотрят к нашему угнетению законопротивные действия, — завершали крестьяне, — то в таковом случае просить милостивого

их удовлетворения"³¹. Сельские труженики, таким образом, доверяли ревизорам из столицы, видели в них ревнителей "законности". Поверенные Шепелин и Кривоногов представили Безродному и Куракину мирской приговор при собственном письменном сопровождении. "Сила безпримерных добродетелей особ вашего высокопревосходительства и вашего сиятельства, — обращались они к сенаторам, — не только гремят по отдаленным краям Сибири, но даже и в самых престольных градах России; гремящий звук оных коснулся и до слуха доверителей наших, угнетенных судьбою в разных обстоятельствах и просящих законного покровительства и милостивейшего защищения вашего... где ж будут подчиненные искать себе защиты, ежели не в начальниках, покровителях, отцах и строителей щастия подчиненных"³².

Надежда на защиту и поддержку со стороны сенаторов отчасти поддерживалась воспоминаниями о сравнительно недавней ревизии М.М.Сперанского, когда часть взяточников и самодуров лишилась своих постов³³. Ссылным декабристам пришлось следовать буквально по пятам Безродного и Куракина. "Чем глубже вдавались мы в Сибирь, — вспоминал Н.И.Лорер, — тем более нас поражала чистота и опрятность сибиряков... Везде жители встречали нас приветливо и, не зная почему, называли нас своими сенаторами"³⁴.

Ожидания, однако, и на этот раз не сбылись. "Сенаторы, — пишет Лорер о Безродном и Куракине, — забрали с собой кипы просьб и увезли их в Петербург в полной уверенности, что сделали свое дело, а, между прочим, плуты-чиновники остались на своих местах, продолжая грабить и обирать народ; да в довершение всего пересекли всех, подававших какие бы то ни было жалобы или просьбы"³⁵.

Случившееся не исчерпало, конечно, крестьянской веры в "высшее правительство", в добрых вельмож. Хотя с проявлениями разочарования в "вельможах" приходится встречаться. В сказке "Крестьянин и незнамой человек", о которой уже шла речь, все "князя, бояра и дьяки", все высшее чиновничество характеризуется самим царем как стадо жадных и глупых "гусей", и он рекомендует крестьянину "потеребить" их "через перышко" (что последний успешно и сделал)³⁶. На Урале авторитет "министров" был сильно поколеблен после реформирования управления местной государственной деревней (на Сибирь реформа не распространялась), когда по деревням поползли слухи о "продаже" крестьян "графу Киселеву", "господину Министру". Сельский писарь Сулзин из Курьинской волости Камышловского уезда "разглашал", например, "крестьянам, что будто бы камышловскому окружному начальнику за соглашение крестьян на поступление в удел к господину и за составление о том фальшивых подписок прислано каким-то Министром пуд ассигнаций". Хлебопашцы, "слепо поверив этой нелепости", кричали, что они "Министерских распоряжений исполнять не хотят". "В приговоре Клевакинского сельского общества, — доносили в Петербург местные чиновники, — между прочим, было изъяснено, что о поступлении своем в удел какому-то Господину оно заключает из того, что в найденном им определении о неприкосновенном запасе упоминается только Г.Министр и товарищ его, а Царской Е.И.Величества руки нигде не упомянуто"³⁷. В Каргопольской волости Шадринского уезда крестьяне отыскивали указ, "по которому все они должны принадлежать собственно графу Киселеву, как их Господину, и, полагая, что священник Конетонский обучает

крестьянских мальчиков не для поселян, но для господина Киселева, кричали в собраниях своих, что в Пасху священники будут поминать уже не Государя императора, а графа Киселева³⁸. Жители Далматовской волости "укорали голову, старшину и писаря, что они носят форменные кафтаны не с утверждения Государя императора, а по воле Господина Министра графа Киселева, к которому будто крестьяне и поступают, говоря... что все распоряжения за подписом Министра почитают они фальшивыми"³⁹. Батюшку-царя обманули... сказали, что мир согласился добровольно быть в уделе за министром... Нет! Покуда живы, без царского повеления не будем за министром!" — бросали в лицо писарю П.Г.Гурину крестьяне Захаровского сельского общества (Камышловский уезд)⁴⁰.

Волнения распространились и на соседние с Уралом уезды Западной Сибири, хотя там сохранялся прежний порядок управления государственными крестьянами. Для успокоения крестьян в Курганский округ выезжал сам генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков, обещая в случае повиновения "не преследовать за бывшие между ними недоразумения". Однако крестьяне с большим недоверием отнеслись к обещаниям генерал-губернатора. Жители Чернавской волости Андрей Головин, Калистрат Белозеров и Павел Баушкин после отъезда Горчакова "при обществах своих произносили оскорбительные слова, относящиеся к поношению чести его сиятельства". Вообще крестьяне полагали, что все местное начальство закуплено "Министром" и верить ему нельзя⁴¹.

Недоверие к местной бюрократии бросалось в глаза всем наблюдателям. Крестьяне старались при любом случае обмануть чиновника. Сама администрация признавала это. Так, советник Тобольского губернского правления Францов писал, что крестьяне "словам чиновников не дают веры"⁴². Генерал-губернатор Горчаков, со своей стороны, свидетельствовал, что трудно уверить крестьянина, "что те распоряжения, против коих возстает его родственник и сосед, выгодны для собственного его благосостояния. В подобном случае крестьянин более поверит своему собрату, чем начальнику"⁴³. По утверждению священника Т.Попова из Татымцкой слободы, хлебопашцы ему "лично говаривали, что они объявляют посев (по запросу начальства — Н.М.) только в половину или немногим более, а остальное скрывают из опасения или по привычке"⁴⁴. Отставной коллежский секретарь Н.Павлов, оказавшийся в г. Далматове (Шадринский уезд) в июне 1842 г., выдал себя за чиновника, командированного "вышим правительством для исследования причин происходивших" на Урале крестьянских "возмущений". К нему немедленно потянулись крестьяне — с жалобами, разъяснениями, просьбами. Павлов обещал по прибытии в Петербург довести все это "до сведения знатнейших особ, знающих его с хорошей стороны". Руководитель "бунтовщиков" из Челябинского уезда крестьянин И.Ф.Фадюшин передал ему две копии подложных документов — "указа" Николая I и "предложения" Пермской палаты государственных имуществ, адресованных якобы местным начальникам (последние призывались "привести к подписке" государственных поселян на добровольное поступление "в удел"). Подобными копиями, как уверяли Павлова сельские жители, были наводнены и Челябинский, и Шадринский уезды: начальству удалось изъять лишь малую их часть. Крестьяне "утаивали" от администрации эти "бумаги", намереваясь при случае "переслать их при всепод-

данейшем прощении к его императорскому величеству". Они сами не верили в подлинность "указа" царя (копию с которого передали Павлову), считая его произведением местных начальников, которым абсолютно не доверяли. "При таковой недоверчивости к своему начальству крестьян, — писал позднее "секретно" в Петербург Павлов, — можно заключить, что это уже не начальники, которые не умели приобрести любовь и доверенность к себе своих подчиненных"⁴⁵.

П.П.Семенов-Тянь-Шанский отмечал во время своей поездки по Сибири, что здешним крестьянам-старожилам "легче было выкладывать свою душу в разговорах с людьми, приехавшими издалека и не принадлежавшими к их местным бюрократическим притеснителям-чиновникам"⁴⁶.

"И снова мне пришлось убедиться в той горькой истине, — писал Н.И.Наумов, — что лицо, облеченное властью, никогда не узнает от народа правды. Я не раз задавал себе вопрос: почему это? Почему крестьянин, обладающий значительной наблюдательностью, способный сразу увидеть, что человек, задающий ему подобные вопросы, руководится добрым желанием принести ему же пользу, оградить на будущее время его интересы, — никогда не откроет истины?" Когда, например, Наумов проводил следствие по делу об убийстве жителя дер. Кокуй Тарсминской волости Кузнецкого округа, старик Яков Сысолов откровенно ему заявил: "Не ищи лучше, батюшка: ничего ты не найдешь! У нас все знают, кто убил, да никто тебе не скажет"⁴⁷.

С.И.Гуляев писал о трудностях, с какими ему приходилось сталкиваться при поисках древних книг. В 1860 г. он сообщал И.И.Срезневскому из Барнаула: "Приобретение сборника сопряжено было с некоторыми затруднениями, при том недоверии, с каким простой народ у нас смотрит на чиновника, собирающего, хотя и частным путем, не Бог весть для какой цели, разные сведения..."⁴⁸

Недоверие к администрации было выстрадано крестьянством. "А ты точно корил начальство? — спрашивал одного из крестьян Н.И.Наумов. — Корил, не таюсь! — Чем же? — Неправдами ихними, непотребством... Похвалишь разве, штоль, коли высшего чина люди вместо того, чтоб мужика научить по закону жить да правду блюсти, в яве торгуют ей! Какой ты ни будь мошенник, какой ты ни будь вор, да коли ты денежный человек, то за все сух из воды выйдешь... Чего же, милый, ведь глаз-то не завяжешь у людей..."⁴⁹

Чиновничество, по мнению крестьян, не выполняло, следовательно, своего предназначения — "правду блюсти". На этом постулате и строили государственные крестьяне собственное отношение к местной бюрократии. Д.А.Сафонов, исследовавший социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в 50—60-е гг. XIX в., пишет о "полном кризисе доверия" казенных поселян к местным властям⁵⁰. Оценку эту можно распространить на всю территорию Урала и Западной Сибири. Важно, однако, подчеркнуть, что крестьяне и в середине XIX в. не отождествляли действия местной администрации с политикой центрального правительства, не считали ее проводником "царской воли". И в известной степени они были правы. "Из каждого административного распоряжения высшей власти, — писал о чиновниках Западной Сибири декабрист Н.В.Басаргин, — они извлекают только то, что им выгодно, и в этом смысле стараются привести его в

исполнение"⁵¹. "Закон, честь, совесть, присяга, все здесь попирается..." — так характеризовал действия тех же чиновников другой декабрист — А.Н. Муравьев, служивший некоторое время исправляющим обязанности тобольского гражданского губернатора⁵². В книге "Путешествие в Тянь-Шань" П.П. Семенов-Тянь-Шанский говорит о чиновниках восточных окраин государства как об "отбросах русской бюрократии"⁵³. Можно привести еще немало подобных авторитетных свидетельств. Так что не следует преуменьшать степени рационализма крестьянского общественного сознания и объяснять дифференцированность отношения крестьян к царю, правительству, закону и местной бюрократии ("исполнителям-супостатам") их политической "невежественностью", "забитостью и темнотой", "царистскими иллюзиями".

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 246.
- 2 История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 416.
- 3 Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки С. Турбина и Старожила. Спб., 1872. С. 36.
- 4 Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 123.
- 5 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Спб., 1897. Т. 1. С. 294.
- 6 Там же. С. 19-20.
- 7 Архив Географического об-ва. Разр. 62. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.-3.
- 8 Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Спб., 1899. С. 51.
- 9 Там же. С. 48.
- 10 Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде В.Г. Олесовым // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1884. Т. VII. Вып. 1. С. 192.
- 11 ГАСО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 - 7 об.
- 12 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 303.
- 13 Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 306, 308.
- 14 Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 370.
- 15 ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 69. Л. 56-58.
- 16 Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. С. 48.
- 17 Сборник пословиц... С. 198.
- 18 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 298.
- 19 РГИА. Ф. 383. Оп. 7. Д. 6632. Л. 10; Мальцев М.В. "Картофельный бунт" в Тобольской губернии // Омская область. Омск, 1938. № 11 — 12. С. 112; Кокосов В. Картофельный бунт // Исторический вестник. 1913. Т. 132. С. 600-608; Валевский М.С. Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края в 1842—1843 гг. // Русская старина. 1879. Т. 26. Кн. 11. С. 411-432; Кн. 12. С. 627-646.
- 20 РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5760. Л. 19-21.
- 21 Школкин П. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Жур. заседаний Моск. об-ва сельского хоз-ва. 1863. Кн. 1. С. 39; Сборник примет, поверий, пословиц, поговорок и загадок, записанных в Ирбитском уезде Н.П. Булычевым // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1876. Т. 3. Вып. 2. С. 117; Сборник пословиц... С. 192.
- 22 РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 307. Л. 3 - 3 об.
- 23 Деви П. Картофельный бунт в Пермской губернии // Русская старина. 1874. Т. 10. № 5. С. 86-91.
- 24 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 1-2.
- 25 РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 82. Л. 3 - 6 об.
- 26 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Спб., 1897. Т. 2. С. 28.
- 27 Там же. Т. 1. С. 291.
- 28 ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 69. Л. 43-89.
- 29 Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 127.
- 30 РГИА. ф. 1376. Оп. 1. Д. 35. Л. 66-69 об.
- 31 Там же. Л. 3 - 6 об.
- 32 Там же. Л. 1 - 1 об.
- 33 См.: Карцов В.Д. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965.
- 34 Лорер Н.И. Записки декабриста. С. 125.
- 35 Там же. С. 127-128.

- 36 Пермский сборник. Кн. 1. С. 123-124.
- 37 РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5760. Л. 8 - 9 об.
- 38 Там же. Оп. 7. Д. 6632. Л. 10 - 10 об.
- 39 Там же. Оп. 6. Д. 5760. Л. 33 - 33 об.
- 40 Деви П. Картофельный бунт... С. 98.
- 41 Бочарникова В.И. Реформа П.Д.Киселева и волнения государственных крестьян Тобольской губернии в 1843 г. // Исторические записки. 1961. Т. 70. С. 292.
- 42 Мальцев М.В. "Картофельный бунт"... С. 112.
- 43 РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 307. Л. 3 об.
- 44 Попов Т. Слобода Такмыцкая // Тобольские губ. ведомости. 1866. № 6. С. 34.
- 45 РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 319. Л. 1 - 68.
- 46 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958. С. 46.
- 47 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 302.
- 48 Былины и песни Алтая. Из собрания С.И.Гуляева. Барнаул, 1988. С. 319-320.
- 49 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 300.
- 50 Сафонов Д.А. Социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в середине XIX века. Оренбург, 1993. С. 95.
- 51 Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 111.
- 52 Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 379-381.
- 53 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие... С. 47.

THE ATTITUDE OF STATE PEASANTS IN THE URALS AND WESTERN SIBERIA TOWARDS LOCAL BUREAUCRACY IN THE 1ST HALF OF THE 19th CENTURY

The attitude of Ural and Siberian peasantry towards local bureaucracy is viewed as being negative. In the author's opinion the peasants regarded local authorities as an unnecessary, corrupted, self-interested statum, which did not perform its designated function, acting normally against the will of the monarch and central authorities. The article indicates the existence of certain differentiation in the peasants' attitude towards bureaucracy: as moving from lower administrators to higher ones, the attitude becomes more positive. It is explained by less intensive contacts of the peasants with bureaucratic elite.

N.A. Minenko

Л.Г.Захарова

О "ЛИЧНОМ ФАКТОРЕ" В ИСТОРИИ: РОЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II В ПРОВЕДЕНИИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ 60—70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА В РОССИИ

Александр II вошел в историю как царь-освободитель, единственный из русских самодержцев, удостоенный этого "титула". Он не был назван современниками и историками Великим, как Петр или Екатерина, но реформы его осознаны и определены как Великие. Тем интереснее попытка выяснить его роль в том историческом переломе, который пережила Россия в 60-х годах XIX века и последствия которых сказались в противоречиях XX века.

Характерны и знаменательны хронологические рамки жизни и царствования Александра II, органично вплетенные в ткань истории страны. Он родился в 1818 году (17 апреля, в Москве, в Кремле). По признанию Н.М.Карамзина и многих будущих декабристов, образованная Россия тогда была взволнована обещаниями императора Александра I дать конституцию русским подданным, публично

заявленными в его речах по случаю открытия первого сейма, дарованной им Польше конституции. Великий князь Александр Николаевич стал наследником престола 14 декабря 1825 года, в день выступления и поражения декабристов. Император Александр II погиб от рук народовольцев 1 марта 1881 года, в тот день, когда он наконец решился дать ход проекту М.Т.Лорис-Меликова, сказав своим сыновьям Александру (будущему императору) и Владимиру: "Я не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции"¹. Великие Реформы остались незавершенными. Инициативная роль монархии в проведении реформ была исчерпана. Освободительное движение повергло царя-освободителя. Трагическое сопряжение этих дат в жизни монарха и страны очевидны.

Характер Александра II, несомненно, повлиявший на дела его царствования, сформировался в детстве и юности и в целом оставался присущ ему и в зрелые годы, а особенно на склоне лет. Становление личности наследника престола проходило под влиянием отца ("бесценного Папа"), грозного самодержца, который хотел видеть в сыне "военного в душе", и вместе с тем под руководством поэта В.А.Жуковского, который хотел воспитать в будущем монархе человека просвещенного, дарующего своему народу разумные законы, монарха-законодателя, а не военного, действующего "в сжатом горизонте генерала". Различные, даже противоположные по цели, оба эти влияния оставили глубокий след в характере, склонностях, мировосприятии наследника и отразились в делах его царствования. От природы наделенный разносторонними способностями, прекрасной памятью, трезвым и здравым умом, чутким, отзывчивым сердцем, веселым нравом, доброжелательностью к людям, наследник престола, однако, не имел внутренней потребности в систематической умственной деятельности, не обладал твердой волей, не имел склонности к предстоящей ему миссии царствовать, что Николай I называл "обязанностью" и неуклонно внушал сыну. Совершеннолетие и принятие присяги примирили его со своим предназначением². И к девятнадцати годам, путешествуя по России, он пишет отцу из Екатеринбурга, "что чувствует в себе новую силу подвизаться на дело, на которое Бог меня предназначил", а из Казани сообщает, что исполнять долг свой "я считаю для себя самой приятной обязанностью"³. Отношение наследника престола к государственной политике и участие в ней вполне укладывалось в русло официального направления николаевского царствования. Почитание отца сочеталось с беспрекословным принятием его политической воли.

Александр II никогда — ни в юности, ни в зрелые годы — не придерживался какой-либо определенной теории или концепции в своих взглядах на историю России и на задачи государственного управления. Для его общих воззрений характерно было представление о незыблемости самодержавия и существующей государственности России как оплота ее единства, о божественном происхождении царской власти. Он признается отцу, ознакомившись с Россией в путешествии: "Считаю себя счастливым, что Богом поставлен всю жизнь свою ей посвятить"⁴. Став самодержцем, он идентифицировал себя с Россией, рассматривая свою роль, свою миссию как служение державному величию Отчизны. В своем духовном завещании сыну-наследнику вел. кн. Александру Александровичу в сентябре 1876 г. он

писал: "Заклинаю его, не увлекаясь ложными теориями, печись о постоянном его (Отечества — Л.З.) развитии, основанном на любви к Богу и на законе"⁶.

Александр II вступил на престол в возрасте 36 лет спокойно, в отличие от отца, но наследие получил куда более тяжелое, чем Николай I. Ни один из кардинальных вопросов 30-летнего царствования не был решен: крестьянский, восточный, польский и другие. Более того, само величие России оказалось расшатанным ходом Восточной войны, падением Севастополя. Поражение России после полутора вековых непрерывных побед в войнах с Турцией, изоляция в Европе, бесспорное военное преимущество Англии и Франции над Россией, еще недавно усмирявшей революции в Европе, ставило под угрозу престиж государственной власти, вызывая всеобщее недовольство. "Севастополь ударил по засто- явшимся умам" (В.О.Ключевский). Не будучи реформатором по призванию, по темпераменту, Александр II стал им в ответ на потребности времени как человек трезвого ума и доброй воли. Его характер, его воспитание, его мировоззрение и мироощущение способствовали адекватной оценке сложившейся ситуации, способствовали поиску нетрадиционных решений в государственной политике, внешней и внутренней. Отсутствие фанатизма, приверженности жестко-определенной концепции в политике не мешали найти выход на новых путях в рамках самодержавно-монархического строя и, оставаясь верным заветам предков, короне, начать Великие Реформы.

Первое из важных решений Александра II, отграничивающее новое царствование от николаевского, — заключение Парижского мира в марте 1856 г. — выявило в нем способность отказываться от ошибочных взглядов и оценок (до конца 1855 г. он стоял за продолжение войны), умение преодолеть оппозицию (в данном случае — непреклонных патриотов), предпочесть здравый смысл отжившим понятиям и традициям. Не отказываясь от имперских притязаний и интересов (решительные победы в Кавказской войне были одержаны в первые годы его царствования), Александр II осознал первоочередность и необходимость внутренних преобразований для восстановления величия России, ее места и роли в Европе после поражения в войне.

В цепи внутриполитических вопросов, требующих незамедлительного решения, Александр II безошибочно и вполне "в духе времени" определил крестьянский как главное звено. И начал с него "эпоху Великих Реформ". По своим взглядам, понятиям он вовсе не был либералом. Напротив, являясь председателем двух Секретных комитетов по крестьянскому делу, 1846 и 1848 гг., он заявил себя поборником крепостного права более решительным и откровенным, чем сам монарх-отец. Интересна аргументация этой позиции в подписанном им журнале Секретного комитета 1846 года: "Доколе Россия, по непредвиденным судьбам, не утратит своего единства и могущества, доколе другие державы не могут служить ей примером. Колосс сей требует иного основания и иных понятий о свободе не только крестьян, но и всех сословий", свобода в России должна состоять "в повиновении всех законам, исходящим от одного высшего источника"⁶. Нанесенный в войну удар по могуществу России, обнаживший, что "колосс сей" стоит на глиняных ногах, в корне изменил подход Александра II к

крестьянскому вопросу. В течение пяти лет, вплоть до принятия "Положений 19 февраля 1861 г.", он проявлял неукоснительную волю в решении отменить крепостное право. Его твердость, его упорное противостояние реакции питались не приверженностью или симпатиями к либерализму, а уверенностью, что державные интересы России, ее величие и место в семье народов Европы требуют отмены крепостничества как устаревшего и отжившего института. Эта уверенность поддерживала и укрепляла совсем не могучую от природы волю монарха. Непреклонная решимость Александра II отменить крепостное право в условиях самодержавно-монархического строя России являлась в течение всего периода подготовки крестьянской реформы главным гарантом ее осуществления.

Не имея самостоятельного взгляда на сущность предстоящего решения крестьянского вопроса, Александр II ориентировался на программы, предложенные различными представителями бюрократии и общественных сил. Его позиция не была статичной, неизменной, она эволюционировала от признания в 1857—1858 гг. "остзейского варианта" безземельного освобождения крестьян до согласия в конце 1858 г. на выкуп крестьянами наделной земли в собственность, т.е. на либеральную программу реформы, разработанную либеральной бюрократией совместно с единомышленниками из среды общественных деятелей. Эта эволюция объяснялась не прихотью самодержца, а развитием и влиянием общественно-политической ситуации в стране: расколом и борьбой в дворянских губернских комитетах, тревожным настороженным ожиданием крестьянства, которое могло обернуться открытым недовольством в случае принятия "остзейского варианта", как это имело место в Эстляндии весной — летом 1858 г., где дело дошло до вооруженной борьбы, стремлением поддержать веру российского крестьянства в царя-батюшку и одновременно противостоять политическим притязаниям дворянства.

Допустив лидерство либеральной бюрократии в крестьянском деле, Александр II не вникал глубоко в концепцию подготовленных ею проектов отмены крепостного права. Он воспринял отдельные, конкретные, наиболее существенные положения проектов крестьянской реформы и твердо держался их вплоть до принятия закона 1861 г. Он противостоял и позиции большинства дворянства, определенно заявленной в решениях Губернских дворянских комитетов, и мнению большинства членов Государственного совета, высшего законосовещательного органа империи, при окончательном обсуждении проектов закона. Он видел главные положения крестьянской реформы в нескольких исходных принципах, от которых не отступал. Личное освобождение крестьян должно обязательно сопровождаться наделением землей, сначала в пользование, а затем за выкуп в собственность. Выкуп наделной земли крестьянами не может быть в отличие от их личного освобождения актом единовременным, обязательным для дворянства, поэтому конечная цель реформы — превращение крестьян в собственников — не датировалась. Выкупная операция рассчитывалась на 49 лет, государство выступало по отношению к крестьянам в качестве кредитора, вся тяжесть выкупа земли и уплаты процентов легла на освобожденных крестьян, что делало экономические условия реформы для массы крестьянства разорительными. И вопрос об обязательном наделении крестьян землей (сначала в пользование, а затем в собственность),

и вопрос о финансовой стороне выкупа лично контролировались Александром II. В отличие от вопроса о сохранении общины и ее роли в процессе освобождения крестьян с земель: надел выкупался в общинную собственность, выход из общины хотя и не исключался, но был крайне затруднен. Александр II не высказывал свой взгляд на общину. Можно только с уверенностью утверждать, что ему всегда были чужды теории славянофильства, как и панславизма, о чем он не раз писал своему брату великому князю Константину Николаевичу. В деле крестьянской реформы он решал конкретные, практические задачи жизни и политики, избегая теоретизации, не вникая в общую концепцию фундаментального законодательства и отдаленные последствия его реализации.

Недовольство крестьян тяжелыми экономическими условиями реформы не осталось скрытым от Александра II. После первых крестьянских волнений в ответ на провозглашение воли царь-освободитель, выступая в августе 1861 г. в Полтаве перед крестьянскими старостами, сказал: "Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Трудитесь и работайте, будьте послушны властям и помещикам". Циркуляром министра внутренних дел предписывалось всем начальникам губерний зачитывать повсеместно эти слова императора. Жесткость позиции Александра II органично уживалась с патриархально-сентиментальным отношением к народу. "Вы мои дети, а я вам отец и молю Бога за вас", — говорил он в 1863 г. депутатам старообрядцев⁷. Вместе с тем Александр II оставил без последствий неоднократно поднимавшийся министром финансов М.Х.Рейтерном в первые годы после реформы вопрос о непомерной тяжести для крестьян повинностей и платежей, связанных с реализацией крестьянского законодательства при одновременном сохранении подушной подати, сопутствовавшей крепостному праву со времен Петра I.

В этом небрежении к благосостоянию народа предугадал великую опасность всему делу реформ и царствующей династии один из видных представителей либеральной бюрократии, министр народного просвещения в 1861—1866 гг. А.В.Головнин. Посланный великим князем Константином Николаевичем летом 1860 г. в центральные губернии России для ознакомления с положением деревни, он пришел к выводам, поражающим своей прозорливостью и глубиной. "Признаюсь, что будущее кажется мне крайне беспокойным, — писал он 24 июля 1860 г. наместнику Кавказа и другу Александра II князю А.И.Барятинскому. — Я провел это лето в центре России, среди населения истинно русских людей, которые составляя сжатую колоссальную массу, говорят на одном языке, исповедуют одну и ту же веру, имея одни интересы, составляя истинную силу России и представляя само по себе целое могущество. Рассматривая вблизи состояние страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за последние 40 лет правительство много брало у народа, а дало ему очень мало. Оно брало людьми, прямыми и косвенными налогами, тяжелыми работами и т.д. — брало большую часть доходов, и затем народ, благодаря дурной администрации, платил гораздо более, нежели казна получала. Что же делало правительство в то же самое время для этих мест, взамен всех податей? Ничего... Государственный доход, половина которого основана на безнравственности народа или,

вернее, на его развращении, винный откуп, тратились на уплату процентов долга, на армию, флот и на этот далекий Петербург... Итак, деньги, полученные с податей, не тратились на их настоящие потребности, наиболее необходимые. Все это было большою несправедливостью; а так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен, что наказание это не заставит себя ждать. Оно настанет, когда крестьянские дети, которые теперь еще только грудные младенцы, вырастут и поймут все то, о чем я только что говорил. Это может случиться в царствование внука настоящего государя" (подчеркнуто нами — Л.З.). Обращаясь к роли Александра II, Головин продолжает: "Император прекратит одну из наибольших несправедливостей, которая длилась целые века — крепостную зависимость, и этой прекрасной мерой стяжает себе бессмертие во всемирной истории народной цивилизации. Благодаря этой мере и покорению Кавказа, слава уже приобретена; он prepares мирное царствование для своего сына. Он мог бы удвоить славу и завещать внутренний мир своему внуку, если бы захотел уничтожить другую несправедливость, о которой я только что говорил"⁸. Но Александр II не захотел, а скорее не смог преодолеть устойчивый стереотип социальной политики своих предшественников. Великий акт отмены крепостного права не поколебал традиционное отношение к народу, в котором он видел источник сил и средств для усиления монархии, дальнейшего расширения империи.

Распространившаяся в наши дни идеализация российских монархов (и Александра II в частности), как и в советское время огульное порицание их деятельности, не имеет научных оснований. Воспринимать Александра II как благодетеля своего народа, дарующего ему освобождение с землей, так же ошибочно, как и отрицать его огромную роль в деле отмены крепостного права в России, в деле, к которому пытались приступить, но на которое не могли решиться его предшественники на российском престоле в течение 100 лет до 1861 года.

И во время подготовки крестьянской реформы, и сразу после нее Александр II понимал неизбежность других реформ. При его поддержке были приняты Земское Положение 1864 г. и Городовое 1870 г., Судебные Уставы 1864 г., военные реформы 1860—1870-х гг., реформы народного образования, цензуры, отменены телесные наказания в 1863 г., 17 апреля (в день его рождения, аналогично крестьянскому законодательству — в день восшествия на престол 19 февраля). Александр II сознательно шел на введение новых институтов — всесословного местного самоуправления в уездах, губерниях, городах, присяжных заседателей в судах со значительным представительством крестьянства, выборных мировых судей (низшей инстанции нового судостроительства), он решился, хотя и после длительных оттяжек, на отказ от рекрутских наборов и переход к всесословной воинской повинности, он признал гласность функционирования новых институтов, гласность бюджета с 1862 года. Однако он не смог подняться до понимания необходимости общей программы преобразований во всех сферах государственной и общественной жизни, не смог выйти за рамки государственной системы, связанной корнями с крепостным правом, сам оставаясь ее пленником.

Освободив крестьян от крепостного ига, проводя реформы, которые по своей сути означали первый шаг по пути к правовому государству, Александр II продолжал осознавать себя неограниченным самодержцем в стране верноподданных, а не граждан. Он дал отставку главному деятелю крестьянской реформы Н.А.Милютину спустя полтора месяца после отмены крепостного права, передав Министерство внутренних дел, т.е. реализацию крестьянской реформы и подготовку земской, его оппоненту, автору контрпроекта на законодательство 1861 г. П.А.Валуеву. В год отмены крепостного права он поставил во главе управления Министерством народного просвещения военных. Новый министр адмирал Е.Ф.Путятин и попечитель Петербургского учебного округа боевой генерал Г.И.Филиппсон, отличившийся в Кавказской войне, за несколько месяцев своего не только реакционного, но и нелепого управления фактически дали толчок студенческому движению. Созданный Александром II в 1857 г. одновременно с началом гласной подготовки отмены крепостного права Совет министров так и не стал правительственным кабинетом. Полностью послушный своему председателю-монарху, он созывался только по его распоряжению, в его кабинете Зимнего дворца, заседания не подлежали огласке, нередко прерывались на полуслове, если Александр II уставал или ему становилось неинтересно. Идея единого правительства не состоялась, напротив, по меткому выражению Валуева, Александр II придерживался в своей деятельности политики "немыслимых диагоналей".

Резко отрицательным было отношение Александра II к вопросу о конституции, который неоднократно ставился перед ним с самого начала подготовки отмены крепостного права и русским дворянством (реакционным, консервативным, либеральным), и поляками, и финнами. Особенно емко его мнение высказано в беседе с прусским послом в России О.Бисмарком 10 ноября 1861 года. На вопрос о возможности введения в России конституции Александр II отвечал: "Народ видит в монархе посланника Бога, отца и всевластного господина. Это представление, которое имеет силу почти религиозного чувства, неотделимо от личной зависимости от меня, и я склонен думать, что я не ошибаюсь. Корона дает мне чувство власти, если им поступиться, то понесет ущерб национальный престиж. Глубокое уважение, которым русский народ издревле, в силу прирожденного чувства, окружает трон своего царя, невозможно устранить. Я без всяких сомнений сократил бы авторитарность правительства, если бы хотел ввести туда представителей дворянства или нации. Бог знает, куда мы вообще придем в деле крестьян и помещиков, если авторитет царя будет недостаточно полным, чтобы оказать решающее воздействие"⁹.

Действительно, неограниченная власть монарха способствовала проведению реформ. Но не только этими соображениями руководствовался Александр II, отвергая в течение 25 лет саму возможность конституции в России. Он унаследовал устойчивую традицию авторитарно-патриархальной власти, вырос и был воспитан в этой системе, его интеллект и весь психологический и душевный склад сформировались под бдительным оком и влиянием Николая I, в эпоху апогея самодержавия. И дело не только в конституции, но на пути Великих Реформ он действовал непоследовательно, не завершив их, пошел на ограничение уже принятых. Реакционные

поправки к законодательству о земстве, суде, цензуре, школе стали приниматься уже с середины 60-х годов, а по крестьянской реформе вслед за "Положениями 19 февраля 1861 г."

Опасность такой политики Александра II осознавалась современниками. Все тот же прозорливый Головнин писал Барятинскому 15 февраля 1861 года: "Заседание Государственного совета 28 января останется памятным в истории России речью, которую государь осветил разбирательство Совета по проекту освобождения (крестьян — Л.З.). Отныне он приобрел себе бессмертие. Надо заметить, что эта речь не была разработана какою-нибудь канцеляриею Совета, не была написана и прочитана; нет, это была совершенно свободная импровизация, естественное представление мысли, которая легко созрела в голове."

Теперь, когда законодательная работа окончена, наступает вторая часть труда, может быть, самая трудная — приведение в исполнение нового устава, и здесь представляется один важный вопрос: будет ли государь продолжать употреблять в дело лица, которые решались открыто признавать себя врагами этой великой реформы, как Муравьев, князь Долгоруков и Тимашев, или дряхлые старики, позволяющие собой руководить окружающим... По моему мнению, кто наиболее вреден для императора — это генерал Михаил Муравьев. Я помню, как однажды я писал графу Киселеву в Париж, что генерал Муравьев станет Аракчеевым настоящего царствования (подчеркнуто нами — Л.З.), и затем я с горечью вижу, что он сделал уже несколько шагов по этой дороге. Не дай Бог, чтобы мое пророчество осуществилось!.. Я желаю от всего моего сердца ошибиться в моих убеждениях и мыслях, преследующих меня как кошмар (подчеркнуто нами — Л.З.)¹⁰. И это пророчество Головнина тоже сбылось. Он не ошибся по существу, история только внесла свой небольшой корректив, выдвинув другую личность на эту роль. Достигнув всероссийской известности как Муравьев-Вешатель (за подавление восстания в Северо-Западном крае 1863 г.), став председателем Следственной комиссии по делу Д.В.Каракозова, совершившего покушение на Александра II в апреле 1866 г., генерал Муравьев на вершине своего могущества умер. Но прошло немного времени, и Россию облетела эпиграмма: "Над Россией распростертой стал внезапною грозой Петр по прозвищу Четвертый, Аракчеев же Второй" (Ф.И.Тютчев). Это был П.А.Шувалов. В политике Александра II охранительное направление, сдерживающее и корректирующее его реформаторскую деятельность, усилилось. Значение III Отделения с.е.и.в. Канцелярии и его главы и шефа жандармов П.А.Шувалова возросло настолько, что стало во многом определять правительственную политику в целом (а не Совет министров, как замышлялось при его учреждении). В ответ на развитие революционного движения Александр II действовал старыми полицейскими методами, пренебрегая советами тех министров, которые считали, что "только последовательные реформы могут остановить в России революционное движение" (Д.А.Милютин, 1866 г.). Эта политика Александра II была тем более опасна, что в основе уже принятых реформ лежала программа той самой либеральной бюрократии, которая теперь оказалась оттесненной силами "старого порядка".

Двойственность, нерешительность Александра II, его колебания и отступления от реформаторского курса объяснялись не только личными качествами, но и объективными обстоятельствами, слабостью общественных сил, отстаивавших реформы. Очень метко и тонко уловил характер этого взаимоотношения государственной власти и общества французский посол в Петербурге маркиз Ж. де-Габриак. Он сообщал в Париж министру иностранных дел Ж. Фавру 19 февраля 1871 г. (заметим в скобках — в день 10-й годовщины отмены крепостного права): "Император Александр II управляет страной, лишенной инициативы, еще привыкшей к абсолютизму. Страна может устраивать заговоры, когда ее доводят до крайности, но не способна к открытому воздействию на власть"¹¹. Не в силах, не в характере Александра II оказалось подняться над обстоятельствами своего времени, чтобы отстоять начатое им великое дело преобразования России.

Не в силах он был противостоять и другой опасности для дела реформ — традиционной имперской политике, крайне обременительной для бюджета России. В начале своего царствования он требовал сокращения военных расходов, сдерживал силы, рвущиеся к немедленному продвижению в Среднюю Азию, но затем уступил им. Было забыто наставление отца, императора Николая I, в его письме-завещании сыну 1835 года: "Не в новых завоеваниях, но в устройстве ее (России — Л.З.) областей отныне должна быть вся твоя забота"¹².

В середине 1870-х годов Александр II пытался удержать Россию от войны с Турцией. Еще в августе 1876 г. перед отъездом на отдых в Ливадию в разговоре с министром финансов М.Х. Рейтерном о политических делах "он, как и прежде, весьма сильно выражал свою решимость не давать России ввязаться в войну. Он не без горечи говорил об агитации славянофильской — о желании некоторых лиц выставить не его представителем интересов России"¹³. Но удержаться на этой позиции не смог. Известно, как осознанно стремились и старались Романовы быть истинно русскими людьми. Теперь оказались забытыми его собственные здравые мысли об опасности панславизма, высказанные им категорично в "конфиденциальной инструкции" от 18/30 июня 1862 г. брату великому князю Константину Николаевичу: "Многие будут рассчитывать и льстить твоему панславизму. Мысли эти как бы они не были завлекательны для будущего, я считаю в настоящую минуту крайне опасными для монархического начала, ибо я вижу в них распадение России, даже не на отдельные государства, а на отдельные и, вероятно, враждебные республики. Соединение же всех славян под одну державу есть утопия, которая едва ли может когда-либо осуществиться". Полгода спустя в письме к брату от 22 декабря 1862 г. (3 января 1863 г.) Александр II выскажется о "так называемом панславизме" еще резче: "Мои убеждения не новые, но теперь они сделались еще сильнее, и я вижу в нем не славу, а гибель для Русской империи, не говоря уже о нашей династии, что в моих глазах дело второстепенное, и потому пока буду жив никогда не поддамся подобным стремлениям, которые я знаю многих соблазняют, а я считаю пагубными и предосудительными"¹⁴. (Подчеркнуто Александром II). Однако все же поддался.

Хотя в середине 70-х годов речь не шла непосредственно об объединении всех славян, но именно славянская идея овладела умами как никогда властно. Деятельность Славянских комитетов, консолидация общества вокруг вопроса об освободительной миссии России по отношению к единоверным славянским народам, давление большинства из окружавших Александра II сановников, которых поддерживал наследник престола, возымели свой результат. Он решился на войну и отправился к театру военных действий "братом милосердия", как сам себя называл. Подготовленная денежная реформа — очередное важнейшее звено в цепи Великих Реформ — была сорвана (ее удастся провести только через 20 лет). Война 1877—1878 гг. была Россией выиграна. Ее освободительная миссия для славянских народов, несомненно, состоялась. Но победа обошлась России слишком дорого. Канцлер А.М.Горчаков в записке Александру II писал: "Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере", а император приписал рядом: "И в моей тоже"¹⁶. Россия вновь оказалась в изоляции и вынуждена была согласиться на невыгодный для себя пересмотр условий Сан-Стефанского мира Берлинским конгрессом, на ущемление своих интересов. Дипломатическое поражение России, финансовые трудности, связанные с тяготами войны, не способствовали умиротворению внутриполитической ситуации. Патриотический подъем; вызванный войной за освобождение славян, только на короткое время приглушил деятельность подполья, но затем она активизировалась с новой силой. Террор стал основным средством борьбы, а главной мишенью — сам император. Как когда-то конституция Царства Польского, данная Александром I, так теперь конституция Болгарии, только что освобожденной русскими, усилила недовольство общества властью. Политические ошибки на престоле повторялись с удивительной последовательностью, уроки истории оставались невостребованными.

Усталый от бремени государственных дел, от конфронтации власти с обществом, преследуемый террористами, Александр II все больше погружался в личную жизнь. Многолетняя страстная связь с молодой княгиней Е.М.Долгорукой в июне 1880 г., сразу же после смерти императрицы, оформляется заключением долгожданного, хотя иmorganaticкого, брака (с присвоением ей титула светлейшей княгини Юрьевской, а их потомству прав законных детей). Правительственная власть в этот последний год жизни Александра II сосредоточилась в руках генерала графа М.Т.Лорис-Меликова, назначенного им в феврале 1880 г. председателем Верховной распорядительной комиссии, а затем министром внутренних дел. Под влиянием политической ситуации в стране, личных переживаний и настроений, под сильным давлением умелого и гибкого в политике Лорис-Меликова, ставшего фактически диктатором, Александр II склоняется к решению, которое категорически отвергал все годы своего царствования, он решает сделать шаг к конституции. 1 марта 1881 г. оборвалось и жизнь царя-освободителя, и его попытку увенчать Великие Реформы политической реформой.

Дело и слава царствования Александра II — Великие Реформы, которыми начинался перелом, поворот России от крепостничества к свободе, оказались в конечном итоге подчинены той государственности, которая сложилась на основе крепостного права, а в конце концов погребены под ней. Развязка этой трагической истории произойдет уже в XX веке, когда будет убит последний реформатор самодержавия П.А.Столыпин. Будет убит в Киеве в 1911 г., куда

он отправился на торжественное открытие памятника царю-освободителю в связи с полувековым юбилеем отмены крепостного права. В столе Столыпина останется пакет реформ, которым уже не суждено было осуществиться. Самодержцами и реформаторами время было безвозвратно упущено. Россия стояла на пороге войны и революций, которые потрясут мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дневник Д.А.Милютина. Т. 4. М., 1950. С. 62.
- ² Становление личности наследника изучено по его дневникам и письмам: См.: Захарова Л.Г. Дневник цесаревича // Родина. 1993. № 1. С. 54-59.
- ³ Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 1562. Ч. 2. Л. 19, 43.
- ⁴ Там же. Л. 56 об.
- ⁵ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 448. Л. 2.
- ⁶ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 1180. Оп. XV. Д. 148. Л. 39.
- ⁷ Русский Архив. 1889. Кн. 5. С. 159.
- ⁸ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. 2. М., 1890. С. 362-363.
- ⁹ Die politishen Berichte des Fursten Bismarks aus Peterburg und Paris (1859—1862). Brl., 1920. S. 130.
- ¹⁰ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С. 368—369.
- ¹¹ Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 года. М., 1933. С. 64.
- ¹² ГА РФ. Ф. 678. Д. 818. Л. 5 об.
- ¹³ См. подробнее: Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 74-75.
- ¹⁴ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников Королевства Польского 1861—1863 гг. (Т. 2). Wroclaw, 1973. С. 161, 329. Аналогичный материал есть и в новой публикации Л.Г.Захаровой и Л.И.Тютюнник: "Переписка императора Александра II и великого князя Константина Николаевича. 1857—1861 гг." // Российский Архив. М., 1992. С. 113-237.
- ¹⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 5. М., 1968. С. 266.

FACTOR OF PERSONALITY IN HISTORY: THE ROLE OF THE EMPEROR ALEXANDER II IN EFFECTING THE GREAT REFORMS OF THE 60—70S IN THE 19th CENTURY IN RUSSIA

In the article the role of Alexander II in effecting the reforms of 1860—1870s is viewed as being very significant. In the author's opinion it was possible to overcome the resistance of landlords- serfowners and to abolish serfdom in Russia mainly due to considerable autonomy of autocracy and absolute power of the Emperor. The author reveals, that temper, good-breeding and world outlook of Alexander II (the absence of fanaticism, the adherence to a strictly defined conception in policy) enabled him to estimate adequately the situation and to take unconventional decisions in the field of state policy. The author analyzes the evolution of Alexander II's attitude towards the peasantry problem in the course of working out and effecting the abolition of serfdom: from "liberation without land" ("the Ostsee variant") to "liberation with buying-out allotments by peasants to be in their possession. The change in the standpoint was influenced by the changes in social and political situation in the country.

L.G. Zakharova

ГИБЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА: ВЗГЛЯД ТРИ ЧЕТ- ВЕРТИ ВЕКА СПУСТЯ

Среди проблем российской государственности особое место занимает конец династии Романовых. После ее свержения в 1917 г. и почти полного уничтожения в 1918 г. в стране установился принципиально иной государственный и политический строй. Он рассматривался в тысячах книг отечественного и зарубежного происхождения, но делалось это преимущественно с позиций оценки новизны революционных преобразований. Между тем при всей радикальности этих преобразований Россия не могла в одночасье лишиться своей тысячелетней истории, в том числе влияния на нее 300-летнего царствования Романовых. Оно явственно давало о себе знать на протяжении всего трехчетвертьвекового советского периода и продолжает ощущаться сегодня, может быть, более явственно, чем вчера. Нынешние проблемы России нельзя считать порождением только большевизма. Они имеют более глубокие корни, в том числе романовские.

Поэтому важно проследить преемственность между романовской и ленинской государственностью, хотя на первый взгляд между ними не может быть ничего общего. Среди множества проблем в данной связи не последнее место занимает вопрос о гибели императорского дома. Он долгие годы был под запретом в советской исторической науке, но получил широкий резонанс на Западе, где появилось большое количество книг на данную тему. Они написаны преимущественно на материале колчаковского следствия по этому делу и отражают взгляды разных поколений русской эмиграции, а также позиции различных школ западной советологии. Не имея возможности в рамках короткой статьи дать оценку всех публикаций, мы отсылаем читателя к нашей книге, вышедшей из печати в 1993 г.¹ А здесь попытаемся очертить основные вехи событий на новых источниках, почерпнутых из ранее секретных советских архивов, подвести некоторые итоги решенных и нерешенных проблем гибели царской семьи, наметить пути дальнейших исследований.

Хорошо известно, что Николай II отрекся от престола за себя и за сына Алексея в пользу брата Михаила, а тот в свою очередь отказался от власти впредь до решения Учредительного собрания. А оно было разогнано большевиками в январе 1918 г. Вот отсюда и начинается серия загадок, связанных с судьбой Романовых. В брошюре архимандрита Константиона "Памяти последнего царя", изданной в Джорданвилле в 1968 г. (США), есть любопытная мысль: "Все готовы обличить большевиков. На этом все сходятся. А разве в этом дело? С большевиков взятки гладки! Они ведь только произнесли последнюю букву страшной азбуки, которую выдумали не они! Задуматься же над тем, где начинается этот жестокий и мерзостный алфавит, мало кто хочет"². Судя по контексту работы, архимандрита трудно заподозрить в симпатиях к большевикам. Поэтому со всей остротой встает вопрос: на чем основывается его оценка? По всей вероятности проблема отречения Николая II, а в конечном счете и гибели императорского дома требует существенного пересмотра.

Ситуация вокруг царской семьи заметно обострилась после заключения Брестского мира. Ряд зарубежных авторов (А.Булыгин, С.Мельгунов, А.Саммерс и Т.Менгольд, а также другие) высказывают предположение, что он содержал условия освобождения Романовых. Булыгин пишет: "Вильгельм планировал реставрировать монархию в России. И было совершенно ясно, что династия, чудесным образом спасенная, не может остаться враждебной к высшим кругам германского общества"³. Возможно, кайзер так и рассуждал, более того, он боялся распространения российской анархии на свою страну, однако Булыгин не приводит никаких доказательств на сей счет. А сам Николай II категорически отвергал этот договор. Саммерс и Менгольд на основе скрупулезных исследований договора пришли к выводу, что конкретного пункта, по которому царь и его семья должны быть освобождены, не существовало, но они не исключили возможность какого-то устного соглашения⁴.

Короче, ни доказать, ни опровергнуть существование явных или тайных статей Брестского мира, которые бы предусматривали спасение Романовых, пока никому не удалось. Может быть, вопрос проще. В договоре есть статья 21, которая гласит: "Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территорий противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властями этой стороны право на возвращение на родину, из которой происходят они или предки, в течение десяти лет после ратификации мирного договора"⁵. Она вполне могла относиться к царице Александре Федоровне (немке по происхождению), а возможно, и к ее детям. Если это так, то понятно, почему до разгрома Германии в первой мировой войне и аннулирования условий Брестского договора Советское правительство официально не признавало гибель императрицы и ее детей. Более того, велась активная дезинформация. Советский посол в Берлине А.Иоффе позднее вспоминал, что Ф.Дзержинский ему рассказал, как В.И.Ленин категорически запретил кому бы то ни было сообщать об этом. "Пусть Иоффе ничего не знает, — говорил со слов Дзержинского Владимир Ильич, — ему там в Берлине легче врать будет"⁶.

Через неделю после ратификации Брестского мира, 1 апреля 1918 г., на заседании Президиума ВЦИК было постановлено: "Усилить надзор над арестованными, сформировать отряд в 200 чел. и отправить его в Тобольск (там находился в это время Николай II со своей семьей - В.А.) для подкрепления караула, а в случае необходимости перевести в Москву". 6 апреля Президиум ВЦИК снова слушал вопрос о бывшем царе и принял решение подготовить его перевоз на Урал⁷. Еще через три дня Председатель ВЦИК Я.Свердлов направил Уралсовету телеграмму о переводе царской семьи в Екатеринбург⁸.

Переезд Николая Романова на Урал широко освещался в исторической литературе, высказывалось немало фантастических версий относительно миссии комиссара В.Яковлева, сопровождавшего царя. Сегодня ясно, что он не был двойным шпионом, а, являясь заместителем Председателя ВЧК Ф.Дзержинского, выполнял волю большевистского руководства. Главный вопрос в другом: какую цель оно преследовало, перевоза царскую семью в Екатеринбург?

На пленуме ЦК РКП(б) 18 мая 1918 г. было принято решение не предпринимать пока ничего относительно Николая II¹⁰. Отсюда можно сделать вывод, что на первых порах преследовалась цель перебазировать царскую семью из далекой и слабо контролируемой Сибири, ближе к центру под надежную охрану радикально настроенных уральских большевиков. В дальнейшем активно обсуждался вопрос об открытом суде над Николаем II, где главным обвинителем должен был выступить Л.Троцкий. Вероятно, он бы состоялся, если бы не ухудшилось положение Советской власти летом 1918 г.

Обстоятельства сложились так, что на Урал пришлось эвакуировать золотой запас, секретные архивы и заложников, в том числе Романовых. Брат царя Михаил был поселен в Перми, сестра царицы Елизавета Федоровна, князь Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович и другие родственники царской семьи — в Алапаевске. Кем и как решалась судьба Романовых, сейчас установить трудно. Существуют документы об их переселении на Урал, некоторых деталях пребывания здесь, но не о гибели. Она по-прежнему покрыта многоликими противоречиями тайны. Больше ясности по пермскому и алапаевским узникам¹¹. Совсем мало по екатеринбургским.

Не исключено, что пошатнувшаяся Советская власть имела единый план их уничтожения как политических противников, хотя и обескровленных, и как владельцев огромных материальных ценностей не только внутри страны, но и за ее пределами. Кампания началась с убийства в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. великого князя Михаила Александровича в Перми. Сослаться на внешнюю угрозу городу тогда было нельзя, как это потом делалось в Екатеринбурге. По-видимому, устранение брата царя, отрекшегося от престола, до решения Учредительного собрания, а его члены в тот период образовали свой комитет в Самаре, носило политический характер и вместе с тем явилось пробным шаром в последующей серии расправ.

Расстрел Николая II и его семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля того же года современными историками и публицистами прослеживается едва ли не по минутам, но при этом не решаются принципиальные вопросы: почему он состоялся именно в это время; кто принял такое решение; кого конкретно уничтожили; где останки убиенных; мог ли кто-то остаться в живых; как оценивать это событие?

Время расстрела с нашей точки зрения детерминировалось тремя важными обстоятельствами. Первое связано с эсеровским мятежом в начале июля и убийством германского посла Мирбаха. Саммерс и Менгольд пишут: "Германия вела очень страшную игру... Если Берлин точно знал о смерти царя, то можно прийти к выводу, что немцы были прямо замешаны в убийстве, совершенном коммунистами"¹². К сожалению, историческая наука пока не располагает документами, которые могли бы закрепить или отвергнуть такую точку зрения. Можно предположить две альтернативы развития событий. Или Германия опасалась, как бы царь не попал в руки тех белых, которые могут поднять его на щит в борьбе против немцев на стороне Антанты, или большевики боялись, что в результате июльского кризиса они могут потерять контроль над положением в стране. Поэтому поспешили исключить опасность

освобождения Романовых, что могло привести к непредсказуемым для них последствиям. Возможно, эти альтернативы сходятся. Их предстоит глубоко изучить, лучше бы совместными усилиями германских и российских ученых. Второе обстоятельство отражало конкретное развитие событий на восточном фронте — приближение к Екатеринбург белочехов и опасность захвата ими бывшего императора. Не стоит исключать и третье — обращение в государственную собственность имущества Романовых по декрету от 13 июля 1918 г.¹³ Именно этим числом датирована последняя запись в дневнике Николая II.

Автора решения о расстреле пока найти не удастся, несмотря на самые энергичные усилия историков. Очевидно, оно не могло состояться без одобрения центра, но понятно и то, что его попытались тщательно скрыть. Ряд отечественных ученых и публицистов, а также большинство зарубежных записывают это решение на счет В.И. Ленина. Например, А.Булыгин категорично утверждает: "Ленин был убийцей, а другие только его гончими"¹⁴. Однако столь сильная тирада не подкрепляется никакими доказательствами. Скорей всего, это было коллективное мнение, не оформленное какими-либо официальными документами. В данной связи настораживает попытка некоторых активных деятелей большевистского режима, в частности Л.Троцкого, отмежеваться от екатеринбургской трагедии. Находясь в эмиграции и в оппозиции к советскому строю, он писал, что в один из приездов в Москву спросил у Свердлова о судьбе царской семьи. Тот ответил, что она вся расстреляна. "Он ждал моей реакции, — замечает Троцкий. — Я ничего не ответил"¹⁵. Такая забывчивость удивляет. Ведь Троцкий присутствовал на заседании Совета народных комиссаров 18 июля 1918 г., когда Свердлов доложил о казни бывшего царя Николая II. Тогда он действительно промолчал¹⁶.

Поиск авторства команды на расстрел осложняется тем, что отсутствует решение Уралсовета по этому поводу, к которому апеллируют все советские публикации. В отечественной печати его текст никто не приводил. Он опубликован в нью-йоркском издании "Писем царской семьи из заточения" и признан на родине фальшивкой. Мы не исключаем, что это подлинник, причем единственный официальный документ в таинственной царской истории. Все остальные известные до сих пор сведения представляют собой свидетельства мемуаристов и не более. Некоторые из них, в частности, утверждают, что было два решения о расстреле. Одно принято утром 16 июля и предполагало уничтожение всей царской семьи. Второе официально оформлено вечером того же дня и содержало упоминание о расстреле Николая II. Видимо, оно и опубликовано в Нью-Йорке. На документах такого рода делать строго научные и ответственные выводы трудно. Предстоит напряженная работа по поиску достоверных источников.

Кто конкретно из царской семьи погиб в Екатеринбурге и могли кто-то спастись? Колчаковский следователь Соколов сделал вывод, что погибла вся семья, но он не был принят уцелевшими Романовыми, в частности, матерью Николая II Марией Федоровной. Последующие исследователи проблемы дают самые противоречивые толкования. Нам представляется очевидным только одно: расстрелян Николай II, что зафиксировано постановлениями Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1918 г.¹⁷ В данной связи странно

звучат периодически поступающие сообщения о том, что он появлялся то в Польше, то в Абхазии, то где-то еще. Трудно представить, что Советское правительство приняло бы на себя ответственность за несостоявшуюся акцию. Сложнее с членами семьи. Официального признания их гибели не последовало до сих пор. Отсюда многочисленные версии спасения то всей семьи, то отдельных ее членов. "Индустрия" фабрикации Романовых настолько продуктивна, а желание стать очередным "Алексеем" или "Анастасией" столь велико, что нет никакой возможности всех их перечислить. Остановимся только на самых существенных моментах и постараемся сделать из них некоторые выводы.

4 ноября 1918 г. в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с дознанием об убийстве бывшего государя императора Николая II и его семьи была допрошена официантка Екатерина Томилова, которая носила обеды в дом Ипатьева для царской семьи. Она рассказала: "Я хорошо помню и категорически это утверждаю, что в тот день, когда большевики вечером на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью, и всех лиц, которых я видела ранее... После объявления большевиками в газете о расстреле бывшего Государя, на следующий день я опять носила обед бывшей царской семье на 13 человек и так же видела бывшего Государя и всех тех, коих видела ранее, меня это очень удивляло... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя, мне выдали обед для царской семьи только на девять человек, и я опять унесла в Ипатьевский дом..., но бывшего Государя, доктора и третьего мужчины я не видела, а видела лишь дочерей Государя Марию, Анастасию и бывшего наследника... 23 июля в советской столовой уже не было поваров и обед для царской семьи я не носила, так как большевики все разбежались, я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто... и никого из царской семьи уже не было..."¹⁸. Этот рассказ подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка¹⁹.

Как к нему относиться: или это тщательно продуманная большевистская дезинформация, или не разгаданная до сих пор тайна? Ряд западных авторов считает, что, если не вся семья, то ее женская часть осталась в живых. А Г.Ричардс категорично заявляет: "Есть все основания полагать, что Романовы не только спаслись от коммунистов, но и от смертного приговора Соколова"²⁰. В России аналогичную точку зрения проводит А.Грянник, который в двухтомной монографии "Завещание Николая II" доказывает спасение всей семьи и естественную смерть большинства ее членов в очень преклонном возрасте на территории Грузии. Здесь же пребывает и комиссар Яковлев²¹. Поверить в такую идиллию, конечно, трудно.

Попробуем ее объяснить. Поводом для появления на свет многочисленных "детей" Романовых явилась строго продуманная дезинформация со стороны официальных властей, стремившихся до поры и времени скрыть уничтожение невинного молодого поколения, которое могло еще пригодиться в дипломатических играх с Германией. Питательной же средой для "выживания" Романовых оставалась вера многих людей в царскую династию, как помазанников божьих, а также традиционное русское самозванчество с его убеж-

дением в высшей справедливости и заступничестве за обиженных. Реально же остаться в живых в той кровавой мясорубке вряд ли кто мог.

Вопрос о возможности сохранения кого-то из членов царской семьи тесно связан с судьбой ее останков. Дело в том, что на протяжении 70 лет со времени расстрела о них ничего конкретно не было известно. Отсутствовала медицинская констатация смерти, официальное ее признание, скрывалось место захоронения. В этих условиях плодились самые невероятные версии. В 1989 г. кино-режиссер Г.Рябов заявил о готовности указать место погребения царских останков при условии их христианского перезахоронения. В июле 1991 г. 9 скелетов из 11 были извлечены из-под шпального настила на Коптяковской дороге в 18 км от Екатеринбурга. Развернулась бурная дискуссия об их подлинности, взбудоражившая весь мир. На сегодня судебно-медицинской и генетической экспертизами установлено, что это останки царские²². Сомневаться в истинности заключений специалистов высокого класса в данных областях неэтично.

Однако приходится констатировать, что до сих пор не проведена историческая экспертиза, без которой, с нашей точки зрения, нельзя сделать окончательный вывод. Кто сегодня может поручиться, что из погребения на Коптяковской дороге извлечены именно те кости, которые туда были положены в 1918 г., и царские ли останки были тогда захоронены. Ведь могила вскрывалась дважды, с интервалом в 10 лет. В результате первого вскрытия на три четверти был нарушен первоначальный слой земли, перемешаны костяки, на продолжительное время изымались черепа, при этом они претерпели изменения²³.

Для проведения исторической экспертизы надо иметь как минимум три группы документов. Первая — официальный отчет исполнителей казни. По свидетельству чекиста И.Родзинского, участвовавшего в сокрытии трупов, "после расстрела коменданта Дома особого назначения (Юровского - В.А.) вызвали в Москву..., с докладом вызвали... дело устным докладом, конечно, не ограничилось. Где-то должен быть документ за его подписью, с его изложением всех обстоятельств, иначе быть не могло"²⁴. Именно такой документ должен прояснить обстоятельства гибели царской семьи и сокрытия ее останков, а он пока не найден.

Вторая группа документов связана с прижизненными медицинскими показателями конкретных членов семьи, которые необходимо соотнести с останками. Таких данных пока мало, но они имеют принципиальное значение. Взять хотя бы такой факт, который впрямую адресован современным судмедэкспертам. В представлении прокурору Казанской судебной палаты от 26 ноября 1918 г. сообщалось, что "по заявлению доктора Деревенко (врача царской семьи - В.А.) характерной и неизгладимой приметой трупа Государя Николая II может служить костная мозоль на левом виске — след бывшего удара в голову во время посещения его в бытность наследником Японии"²⁵. Насколько нам известно, этой мозоли не обнаружено на черепе, приписываемом бывшему царю. Встает вопрос: а тот ли это череп?

Третья группа документов, точнее сопоставительный анализ двух далеко разнесенных во времени групп материалов — колчаковского и современного следствия. Они содержат огромное количество

взаимодополняющих свидетельств, но вместе с тем и противоречий. Их тщательный беспристрастный анализ может дать очень многое для прояснения обстоятельств трагедии.

Наконец, необходимо убедиться в подлинности, провести источниковедческую и графологическую экспертизы "Записки" Юровского, которая послужила импульсом для пересмотра устоявшейся десятилетиями версии следователя Соколова о том, что погибла вся царская семья, а ее останки сожжены. Свидетельства Юровского известны в трех вариантах: записка 1920 г., предназначенная для историка М.Н.Покровского; мемуары, написанные в 1922 г.; подробный рассказ о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г.Свердловске 1 февраля 1934 г. Они заметно отличаются друг от друга. Более того, по некоторым позициям они принципиально расходятся со свидетельствами участника захоронения П.Ермакова. Юровский сообщает, что трупы закопаны под шпалами на Коптяковской дороге (отсюда в июле 1991 г. были извлечены скелетированные останки 9 человек). Ермаков утверждает, что трупы сожжены, а пепел зарыт. Кому верить? Прежде чем определиться в выводах, необходима серьезная исследовательская работа историков, которая поможет криминалистам, будет способствовать утверждению в общественном сознании правды о гибели царской семьи.

В данной связи не последнее значение имеет вопрос о характере уральского царевубийства. Что это: народная месть, политическая, уголовная или ритуальная акция? В советской литературе расстрел долгое время квалифицировался как заслуженная кара кровавого тирана. Такая интерпретация убийства, хотя и поддерживалась миллионами обездоленных людей в ходе революции и гражданской войны, не носит строго юридического характера. Не будучи специалистом в области права, мы не решаемся давать свою квалификацию. Заметим только, что по советским законам 1918 г. царь не мог быть расстрелян даже по суду. Поэтому-то, видимо, и была представлена возможность уральским большевикам учинить внесудебную расправу без всякой ответственности за нее. Нам представляется, что это была акция уголовно-политического характера.

Пора внести ясность в рассуждения о ритуальности убийства царской семьи. К этому вопросу в 20-е гг. обращались английский журналист Р.Вильтон, помогавший следователю Н.Соколову, сам Соколов, позднее проф. А.Пагануцци и др. Он возник после того, как следователь Соколов обнаружил на одной из стен комнаты Ипатьевского дома, где было совершено убийство, кабаллистические знаки и цитату из стихотворения Г.Гейне на немецком языке о царе Валтасаре, убитом своими рабами. Эти несколько строк обошли весь мир и цитировались почти во всех книгах, касающихся екатеринбургского царевубийства.

Попытка расшифровать кабаллистические знаки в 20-е гг. не была поддержана, но и не отторгнута. Их ритуальный характер прочно вошел в сознание русского зарубежья. В Советском Союзе в связи с запрещенностью книг о гибели царской семьи с ними мало кто был знаком. В наши дни интерес к данному вопросу возрастает. В начале 90-х гг. в Израиле была опубликована, а в 1992 г. переиздана в Москве книга иерусалимского писателя и историка М.Хейфеца "Царевубийство в 1918 г." В своем

публицистическом труде автор отталкивается от рукописи, найденной в архиве Иерусалимского центра по исследованию и документации восточно-европейского еврейства и приписываемой профессору экономики Иерусалимского университета в 30-х гг. Бер-Дов Бруксу, в прошлом активному участнику разработки аграрных проблем в России дореволюционных и первых революционных лет.

Главная мысль рукописи, по оценке Хейфеца, заключается в том, что "еврейский народ в этом подлом деле (убийстве Николая II и его семьи — В.А.) не участвовал"²⁶. Приведенную цитату можно с полным основанием поставить эпиграфом к сочинению самого Хейфеца, что он и делает в названии одной из глав. Автор приводит веские доказательства против юдофобства гибели Романовых. Они основаны на переосмыслении многих известных фактов, их справедливом уточнении, но не несут принципиально новой информации, а ограничиваются только многочисленными умозаключениями. Главными виновниками гибели императорской семьи он считает не исполнителей казни, среди которых были люди разных национальностей, а большевистских лидеров: Ленина, Сталина и Свердлова. Если с последним вопрос в принципе ясен, то по первым двум еще никто не привел конкретных и веских доказательств, в том числе и Хейфец.

Решение проблемы кабаллистических знаков лучше всего начинать сначала, по принципу: а был ли мальчик? На собрании старых большевиков Урала 1 февраля 1934 г. в Свердловске после выступления Юровского ему было задано много вопросов (в том числе таких, которые проливают свет на истинность его высказываний по царскому делу, но до сих пор не проанализированных). Среди них вопрос Мойсеева: "По книге Соколова видно, что... на стене осталась какая-то кабаллистическая надпись на немецком языке и фашистский знак на окне"²⁷. Ответ Юровского: "Это недопустимо, не могло быть. Это может быть произведение белых. Может, они сами написали"²⁸. Если верить Юровскому, то во время расстрела никаких надписей не было. Они появились позднее и не принадлежат его организаторам или исполнителям. В таком случае проблема снимается сама собой. Однакостораживают два обстоятельства. Во-первых, некорректность вопроса. Кабаллистические знаки были сами по себе, а надпись на немецком языке тоже имела самостоятельное значение. Во-вторых, Юровский напрасно отрицает наличие фашистского знака на окне. Широко известно, что его оставила сама бывшая императрица. Правда, из ответа Юровского не ясно, все ли он отвергает, или только ритуальные надписи. Историкам предстоит большая работа, чтобы разобраться в этой очень сложной и деликатной проблеме.

Подведем некоторые итоги краткого изложения основных аспектов гибели царской семьи на Урале летом 1918 г. За три четверти века спустя после трагических событий возникла обширная литература по данной проблеме, особенно за рубежом, проведены крупные исторические, чисто криминалистические и даже генетические исследования. Они подвели нас к пониманию сущности тех кровавых событий, их движущих пружин и последствий. Однако многие вопросы до сих пор остаются нерешенными. Западная источниковая база практически полностью исчерпана, а российская должным образом не введена в научный оборот, без чего дальнейшее продвижение вперед вряд ли возможно. Предстоит кропотливая

работа, особенно в ранее секретных архивах. Для проведения глубоких комплексных исследований необходимы совместные российско-германские, российско-датские и российско-английские проекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Алексеев В. Гибель царской семьи: мифы и реальность (новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 18-44.
- ² Константин, архимандрит. Памяти последнего царя. Джорданвилль, 1963. С. 12.
- ³ Bulygin P. The murder of the Romanovs. New York, 1935. P. 223.
- ⁴ Summers A., Mangold T. Le dossier Romanov. Paris, 1980. P. 280.
- ⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1957. С. 177.
- ⁶ АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 216.
- ⁷ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1235. Оп. 34. Д. 36. Л. 9.
- ⁸ Там же. Л. 31.
- ⁹ Центральный архив Федеральной службы контрразведки России. Коллекция документов по делу Романовых.
- ¹⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 280. Л. 1.
- ¹¹ См.: Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель императорского дома. М., 1992.
- ¹² Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 188.
- ¹³ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 21-22.
- ¹⁴ Bulygin P. Op. cit. P. 246.
- ¹⁵ Троцкий Л. Дневники и письма. "Эрмитаж". 1986. С. 100-101.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 17. Л. 62.
- ¹⁷ Там же. Ф. 601. Оп. 2. Д. 35. Л. 14.
- ¹⁸ Там же. Д. 51. Л. 18-19.
- ¹⁹ Там же. Л. 19.
- ²⁰ Richards G. The Hunt for the Tsar. N.Y., 1970. P. 196.
- ²¹ См. Грянник А.Н. Завещание Николая II. Ч. I, II. МФ "Кондус", 1993, 1994.
- ²² Известия. 6 и 23 апреля 1994 г.
- ²³ Алексеев В. Указ. соч. С. 246-278, 263-264.
- ²⁴ РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории). Ф. 588. Оп. 3. Д. 14. Л. 45.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 51. Л. 35 об.
- ²⁶ Хейфец М. Царевубийство в 1918 г. Версия преступления и официального следствия. М., 1992. С. 14.
- ²⁷ ЦДОСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 41. Оп. 1. Д. 150. Л. 54.
- ²⁸ Там же.

THE DEATH OF THE EMPEROR'S HOUSE: OPINION AFTER THREE QUARTERS OF A CENTURY

The author of this article, on the ground of new sources taken from the earlier secret archives, as well as from a great amount of home and foreign literature, analyses the problems concerning the death of the tsar's family: the diplomatic background of the event; time of the execution; who made the decision on the execution of the tsar's family; who, namely, among the members of the tsar's family, died in Ekaterinburg and if somebody could escape; the fate of the remains of the tsar's family. The author looks upon various versions connected with the hidden motive of the Ural regicide: was it people's revenge or political, criminal or ritual action?

The author considers the future complex study (historical, criminalistic and genetic) of the problem on the ground of joint Russian-German, Russian-Danish and Russian-English projects to be an effective one.

Veniamin V. Alexeev.

ПРАВЕДНЫЙ ВЕРОЮ ЖИВ БУДЕТ

Два года назад мне пришло письмо от коллеги, лингвиста из Москвы, только что вернувшейся из Израиля. Зная мои увлечения темой связи уральцев со Священным Востоком, она сообщала: "И будто бы специально, чтобы соединить это удивительное всепроникающее прошлое с настоящим — словно специально для Вас, потому что я в Иерусалиме, конечно, думала о Вас, как помнила и всех, кто еще не увидел чудес этого древнего Святого города, — Вам следующая чудо-история. Словно давно задуманная как продолжение наших разговоров о найденном Вами в Перми дневнике чердынского купца с описанием путешествия в Святую землю.

Вы, верно, слышали и знаете о Великой Княгине Елизавете Федоровне, родной сестре последней русской императрицы. Она была зверски убита вместе со всей царской семьей...

И вот, когда мы были на Масличной горе, в монастыре на самом верху горы увидели небольшое кладбище. Место это примечательно тем, что, согласно Деяниям Апостолов, отсюда ученики и соратники Христа наблюдали за Его вознесением на небо. Монастырь и называется Вознесенским.

На кладбище стоит византийская часовня. Как повествует христианская традиция, здесь Пресвятая Богородица получила от Архангела Гавриила известие о скорой кончине. И недалеко от часовни на одной из могил надгробная плита с русскими буквами:

**РУССКИЙ СВЯЩЕННО ИГУМЕН СЕРАФИМ
НАЧАЛЬНИК СВЯТО СЕРАФИМОВСКОГО СКИТА
ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ.
ОН ПРИВЕЗ ГРОБ С ТЕЛОМ МУЧЕНИЦЫ
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИСАВЕТЫ ФЕДОРОВНЫ
В ИРУСАЛИМ В 1920 г.
1875—1959 г. 22 фев.**

Вот каково колесо истории — пермский игумен в Иерусалиме!"

Перевожу дух, ставлю себе вопросы... Кто Серафим? Откуда? Где находился его скит? Как удалось в пожаре гражданской войны вывести тело Великой Княгини из Алапаевска, где она 5 июля 1918 г. была живой брошена в шахту с послушницей Варварой, тремя сыновьями Великого Князя Константина Константиновича и Князем Владимиром Павловичем Палей? Читаю книги, обращаюсь к воспоминаниям, и уже первый поиск дает интересные ответы.

Духовное подвижничество игумена Серафима было связано с обустройством и жизнью скита Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря, основанного в 1893 г. в 100 верстах от Перми. За дивное величие местности, просматривающейся с Белой Горы более чем на сотню верст, монастырь считали Уральским Афоном. Скит находился в 6 верстах от монастыря. Начало ему было положено в 1902 г. Первые храмы — деревянный в честь Преподобного Серафима Саровского и пещерный в честь Преподобных Антония и Феодосия и всех печерских чудотворцев — освятили в 1905 г. Строителем и настоятелем скита стал Серафим (в миру Георгий Кузнецов) — один из первых насельников монастыря, родом из крестьян окрестной деревни.

В молодые годы Серафим писал духовно-патриотические рассказы и повести. В 1907 г. в типографии уездного города Кунгура была напечатана его книга "Скитский насельник". Его сочинения доходили до Императорского Двора, где получали должную оценку. В Пермской епархии Серафима относили к числу столпов монашества. В "Пермских епархиальных ведомостях" нахожу о нем такие строки: "У него были глубоко запасы для всех, чтоб утихли скорби, потекли слезы умиления и радости. Простота обращения и радующие всецело взяты из мира".

В 1908 г. он совершил паломничество на Афон и Священный Восток, привез оттуда в свой скит замечательные святыни, дарованные восточными патриархами и настоятелями монастырей Святой Афонской горы: крест с частицами от честного Животворящего древа креста Господня, камень от Голгофы, раку с частицами святых мощей угодников Божиих — Иоанна Крестителя, апостолов Андрея Первозванного, евангелистов Луки и Марка, пророка Исаии, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, великомучеников Георгия Победоносца, целителя Пантелеймона, камень от гроба Богоматери и многие другие, что придавали святость скиту в глухом месте. Над царскими воротами Серафим поместил икону Божией Матери "Достойно есть" с частицами мощей Священно-мученика Харалампия и Преподобного Евфимия Афонского — благословение настоятеля Андреевского скита на Афоне. Скит вел большое хозяйство, владел пашнями, мельницей, ремесленными и художественными мастерскими. О поездке на Афон и в Иерусалим Серафим подробно рассказал в книге "Путевые впечатления", изданной в 1910 г. в Санкт-Петербурге.

По приглашению игумена Серафима Белогорский монастырь и Серафимовский скит в 1914 г. посетила Великая Княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра императрицы Александры Федоровны. Она приехала в Россию и вышла замуж за Великого Князя Сергея Александровича. В 1884 г. во время первой свадебной поездки они посетили Иерусалим, где на Масличной горе Великий Князь основал церковь Марии Магдалины. Церковь выделяется русским стилем, с пятью главками, стоит на склоне холма возле Гефсиманского сада. После гибели мужа Елизавета Федоровна ушла в монастырь, в Москве основала Марфо-Марьянскую обитель и при ней больницу. В разных епархиях, в том числе с 1897 г. и в Пермской, действовали местные отделения руководимого Елизаветой Федоровной Императорского православного Палестинского общества. Она часто ездила по России на богомолья. После посещения скита Белогорского монастыря игумен Серафим стал ее духовником. Ему она высказывала желание быть похороненной в Святом городе Иерусалиме.

Предвидя трагедию, игумен Серафим в середине октября 1917 г. (известно, что он 5—9 октября принимал в скиту воспитанников Пермской духовной семинарии) выехал из скита в Москву, чтоб увезти Елизавету Федоровну в г. Алапаевск, "где, — говорил он, — у меня есть хорошие люди в старообрядческих скитах, и они сумеют сохранить Ваше Высочество". Но Великая Княгиня отказалась от предложения из-за боязни репрессий, которые могли бы коснуться ее родных и близких. При расставании она наказала Серафиму: "Если меня убьют, то прошу вас, похороните меня по-христиански". И надо же случится потом такому совпадению:

Великая Княгиня отказалась спасти свою жизнь в старообрядческих скитах под Алапаевском, и вскоре ее высылают в этот город, в котором суждено было принять мученическую смерть. Царскую семью расстреляли в Екатеринбурге, а в Алапаевске — других Романовых, хотя и не главных, но также опасных для новой власти.

Может быть, прах Елизаветы Федоровны навсегда остался бы на Урале, с ним могли поступить так же драматично, как с останками царской семьи, но этого не случилось, так как игумену Серафиму удалось выполнить обещание, данное в Москве. Как это ему удалось сделать, мы узнали из воспоминаний княгини М.А.Путятиной (в монашестве инокиня Серафима), которая запечатлела рассказ дяди Н.А.Кудашева, последнего императорского посланника в Китае. Воспоминания ее опубликованы в журнале "Возрождение" (Париж, 1964, № 151). Помимо того, М.А.Путятина встречалась с Серафимом в Иерусалиме, при расставании он подарил ей пузырек с частицей мощей Великой Княгини.

Как только на Урале с приходом войск Колчака была ликвидирована Советская власть, в Алапаевск с Белой Горы приехал игумен Серафим с двумя послушниками. Он извлек со дна шахты тела убитых и закопал в ограде одной из церквей. Выждав подходящий момент, получив пропуск атамана Семенова, он сложил тела пяти убитых людей в гробы-ящики и повез в специальном вагоне через всю Сибирь в Китай, где надеялся получить помощь русской миссии. Было это летом 1919 г., в самый разгар военных событий. До Харбина ехали три недели, "в страшную жару, под раскаленным солнцем железной крыши вагона". Можно представить, что пришлось пережить за это время Серафиму и его послушникам, если из щелей гробов сочилась жидкость, исходил смрад. Вагон постоянно отцепляли и прицепляли к разным поездам.

По прибытии в Харбин гробы поместили в русской церкви. Н.А.Кудашев рассказывал племяннице, что тела, за исключением Великой Княгини, были "в состоянии полного разложения". Он заказал настоящие гробы. Трех похоронили в Харбине. А тела Великой Княгини Елизаветы Федоровны и послушницы Варвары, отказавшейся в Москве покинуть свою игуменью, направил в Иерусалим. Н.А.Кудашев попросил Серафима "проводить их до места последнего упокоения и тем самым закончить начатый подвиг". Оба гроба поставили в склепе подклета церкви Марии Магдалины, той самой, которую построил Великий Князь Сергей Александрович — муж Елизаветы Федоровны. Здесь и мечтала Великая Княгиня быть похороненной по-христиански. Зная эти факты, невольно задумываешься, какими сложными и далеко непредвиденными могут сложиться жизненные обстоятельства.

Серафим навсегда остался в Иерусалиме. По благословению патриарха Иерусалимского Дамиана (с ним он встречался во время приезда в 1908 г.) ему отвели место недалеко от часовни. Здесь он построил домик, в котором жил до кончины. В последние годы ему пришлось пережить еще одну трагедию. Русская церковь в Иерусалиме разделилась на патриаршую и западную. Земля, где жил Серафим, принадлежала русской церкви, а церковь Марии Магдалины — западной. И поэтому он лишился возможности приходить в храм и молиться у гроба Елизаветы Федоровны.

Во всей рассказанной истории встает образ истинного подвижника русской церкви. Прожив в чужой стране 40 лет, в совершенно других условиях, он в душе оставался пермским человеком. Эпитафия, очевидно составленная по его просьбе, напоминает, что в жизни у Серафима было два духовных подвига — создание скита в Белогорском монастыре и исполнение данного Великой Княгине обещания.

В 1991 г. началось возрождение Белогорского монастыря. Восстанавливается Собор, братский корпус, распахивается монастырская земля. Место скита пустое. Одинокое стоящие деревья и кое-где торчащие из земли кирпичи напоминают о какой-то человеческой жизни... Но нам-то теперь известно какой, и скитской, и той, которая была у настоятеля Серафима.

Известно, что в Иерусалиме игумен Серафим написал книгу, в которой подробно рассказал о переезде с Урала в Святую землю. Нами она еще не прочитана, и поэтому наш поиск еще не закончен.

THE PIOUS LIVES BY HIS FAITH

The author focuses on the life of a Russian ascetic, Father-Superior Seraphim — the founder of the Seraphimovsky small and secluded monastery, affiliated to the Holy Nicholas monastery in the Perm diocese and the author of sacred and patriotic stories and tales. He was fated to meet the sister of the last Empress Alexandra Fyodorovna — Grand Duchess Elizabeth Fyodorovna, who in 1914 visited the Seraphimovsky monastery. Seraphim became her confessor. In 1918 Grand Duchess was shot by the Bolsheviks in Alapayevsk. The author narrates how Seraphim, carrying out his promise given to Grand Duchess to bury her Christianlike, took her remains off to Jerusalem via Siberia and China. And they were buried there.

G.N.Tchagin

К.И.Зубков

РОССИЯ И УРАЛ НА ПЕРЕЛОМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЭПОХ (1890-е — 1920-е гг.)

В современных дискуссиях о сущности и перспективах новой российской государственности, возникшей в ходе стремительной "младороссийской революции" августа 1991 г. и последующего распада СССР, ссылки на геополитические закономерности воспринимаются дезориентированным общественным сознанием почти как мистическое предопределение будущей национальной судьбы. В таком отношении к геополитике есть определенный и довольно строгий смысл. В свое время, завершая вторую часть "Курса русской истории", посвященную образованию Московской Руси и проникнутую провиденциальным пафосом, В.О.Ключевский писал: "У каждого народа своя судьба и свое назначение. Судьба народа складывается из совокупности внешних условий, среди которых ему приходится жить и действовать. Назначение народа выражается в том употреблении, какое народ делает из этих условий, какое он вырабатывает из них для своей жизни и деятельности"¹. Как можно заметить, иррационализм понятия судьбы в значительной степени должен рассматриваться как следствие неполного, фраг-

ментарного знания объективных факторов исторического процесса, имеющих по отношению к изучаемым явлениям характер внешней необходимости. Геополитическое видение исторических процессов как раз исходит из того, что изучение всякого конкретного общества должно включать, помимо познания его внутренней морфологии, представление о неизмеримо более широкой пространственной "сетке" воздействующих на него извне силовых факторов и интенциональных проекций.

Значение геополитического метода для исторических исследований определяется тем, что предмет геополитики в одном из своих крайних сегментов охватывает совокупность базисных характеристик общества, принимаемых за относительно неизменные природно-географические константы (географическое положение, климат и ландшафт, конфигурация территории, ресурсная база, народонаселение), другим — проникает на уровень субъективной "психоистории", анализирующей мотивационные механизмы выбора пространственных приоритетов и принятия геостратегических решений, влияющих на весь политико-экономический курс государства. Между этими "полюсами" предметного поля, подобно системе сообщающихся сосудов, и должен мыслиться составляющий квинтэссенцию геополитики механизм трансформации географических императивов в политические концепции.

В последнее время аргументы и концепции геополитики широко используются в ретроспективных исследованиях, способствуя более глубокому пониманию и объяснению некоторых исторических тенденций. При трудностях адекватной интерпретации происходящих в обществе противоречивых процессов и событий нередко возникает потребность прибегать к более масштабному, генерализующему взгляду на историю, к изучению политики государства-субъекта в более широкой системе многосубъектных (межгосударственных) отношений, в категориях своеобразной "игры" интересов, ведомой несколькими участниками.

Особенно продуктивным может быть использование геополитического метода при изучении истории крупнейших континентальных держав (Россия, США, Канада, Австралия, отчасти Китай), где одной из важнейших доминант развития являлись непрерывный территориальный рост и постепенная интеграция колонизируемых окраин в хозяйственную жизнь страны. В истории России, в частности, пространственно-географический фактор детерминировал неравномерность протекания экономических, социальных и культурных процессов в различных частях страны, порождая сложные территориальные дилеммы — мозаику социально-экономической и культурной многоукладности (как пространственного сопряжения различных фаз исторического времени), распадение единого потока хозяйственной и социальной эволюции на две качественно отличные модели развития ("вширь" и "вглубь") со значительным дистанцированием друг от друга экономически и политически могущественного центра и отсталой периферии, столичной и провинциальной культуры. При столь обширной и разнообразной территории страны, граничившей к тому же с самыми различными культурно-цивилизационными и политическими ареалами мира, любые значительные изменения в геополитическом положении России неизбежно должны были воздействовать на внутривосточные сдвиги в территориальной организации народного хозяйства, на удельный

вес и значение отдельных крупных регионов страны в национальной стратегии развития. И особенно отчетливо воздействие геополитического фактора на динамику изменения региональных экономических пропорций может быть прослежено в развитии регионов Азиатской России, игравших в течение XX в. роль стратегического тыла и крупнейшей ресурсной базы страны.

До последнего времени советская историография связывала первые крупные шаги по активному освоению востока России с экономическими новациями установившегося в 1917 г. большевистского режима. Высказанная В.И. Лениным в апреле 1918 г. в работе "Очередные задачи советской власти" мысль о необходимости обеспечения материальной основы развития крупной индустрии за счет ресурсов Урала и Сибири² приобретала в этом контексте значение вневременной проективной установки, обещающей крупномасштабный программный подход к освоению богатств Азиатской России. Между тем этот лозунг имел вполне конкретный, отвечающий остроте момента смысл — причем не столько программный, сколько тактический. Весной 1918 г., в сложнейших условиях развертывавшейся гражданской войны и при реальной опасности крупномасштабного военного наступления Германии с запада и Японии с востока, большевистское руководство всерьез рассматривало вопрос о перенесении стратегической базы своего режима в глубокий тыл страны, одинаково удаленный от западных и восточных границ. В постановлении ЦК РКП(б) по вопросу о международном положении от 6 мая 1918 г. на этот счет недвусмысленно говорилось: "Направить все силы на защиту Уральско-Кузнецкого района и территории как от Японии, так и от Германии", и далее в разъяснение: "Начать тотчас эвакуацию на Урал всего вообще (подчеркнуто нами — К.З.) и Экспедиция заготовления государственных бумаг в частности"³. (По-видимому, с этим планом необходимо связывать исключительно быстрые и решительные действия режима по национализации уральских горных округов в первой половине 1918 г.). О полуфантастических планах создания "Урало-Кузнецкой Республики", опираясь на которую большевики рассчитывали затем отвоевать Москву и Петроград, сообщают также относящиеся к этому периоду свидетельства Л.Д.Троцкого⁴. Последовавший затем чехословацкий мятеж показал слабость политических позиций большевиков на восточных окраинах и, следовательно, иллюзорность всего стратегического сценария. Примечательным в нем однако был не только расчет на гигантские пространственные резервы страны как фактор выигрыша времени до созревания революции на Западе, но и представление об Урале и Кузнецком бассейне как о самодостаточной, развившейся за годы 1-й мировой войны (прежде всего относительно других регионов) военно-индустриальной базе России, ее своеобразном стратегическом "ядре".

Ситуационный вызов 1918 г., не будучи чем-то исключительным, лишь вписывается в более общий, фундаментальный процесс изменения геополитического положения России относительно двух охватывающих ее экономических и социокультурных "миров" — развитого капиталистического Запада и отсталого, полуколониального Востока — и, соответственно этому, начавшейся на рубеже XIX и XX вв. перестройки всей внутренней территориально-экономической организации страны. Речь в данном случае идет о проявлении

определенной геополитической цикличности, связанной с чередованием в истории России западной и восточной ориентаций, периодов внешней открытости и своеобразного "ухода в себя". В региональном разрезе эти чередующиеся ориентации проявлялись в первом случае, в виде усиления зависимого типа хозяйственного тяготения к Западной Европе, во втором — в тенденции самодовлеющего экономического развития, сориентированного на собственный ресурсный потенциал страны.

Обращение вектора пространственного развития во внутренние районы России, в первую очередь на ее ближний восток (Урал, Прикаспий, Западная Сибирь), во многом определялось узостью сложившейся к концу XIX в. территориальной базы промышленного роста. Как отмечал в 1896 г. Д.И.Менделеев, глубоко и заинтересованно изучавший эту проблему, в России главные области "чисто промышленного, т.е. наиболее сложного и развитого быта" исчерпывались немногими центрами (Москва, Петербург, Рига, Варшава), пользовавшимися "выгодами торгового положения" ввиду близости к рынкам Европы, а локализация новых районов динамичного промышленного развития (Южный и Кавказский) в значительной мере определялась тяготением к берегам "теплых морей, занятых Россиею сравнительно недавно и составляющих главный путь крупных международных торговых оборотов"⁵.

С точки зрения географических предпосылок экономического прогресса, основным лимитирующим фактором для развития русской торговли и промышленности являлась ярко выраженная континентальность хозяйственного организма страны. По оценке инициатора политики ускоренной индустриализации, министра финансов России в 1891—1903 гг. С.Ю.Витте, именно из-за недостатка прямых и удобных выходов в зоны мировой океанической торговли страна не могла "в должной степени пользоваться благами морских сообщений и развивать свою морскую торговлю"⁶. Эта же мысль подчеркивалась Д.И.Менделеевым, разделявшим взгляды С.Ю.Витте на перспективы промышленного развития страны: "...Все же и поныне чувствуется недостаточность свободных морских окраин для такой страны, как наша, особенно по той причине, что Балтийские порты, как и выходы из Балтийского моря, замерзают в суровые зимы, выход из Черного моря заперт Константинопольским и Дарданелльским проливами, Тихий же океан очень удален от коренной России"⁷. О соотношении континентального и морского факторов в хозяйственной жизни страны красноречиво говорила картина развития российских городов как центров промышленности и торговли. По состоянию на 1904 г., 877 городов Российской империи располагались на больших судоходных и малых реках внутри страны и лишь 48 в различной степени играли роль морских портов⁸.

Все невыгоды континентальности, обрекавшие на экономический застой обширные восточные окраины, усугублялись инерцией сложившегося международного разделения труда, в котором Россия, как развившаяся "вширь" страна преимущественно сельскохозяйственного типа колонизации, играла роль аграрного придатка индустриальной Западной Европы и потребителя ее фабричной продукции. Закрепление за Россией этой традиционной роли приводило к тому, что даже развитие железных дорог и парового сообщения (особенно по Волге и ее притокам) стимулировало

на вновь осваиваемых землях в первую очередь расширение сельскохозяйственной, а не промышленной деятельности.

Объективно же, при наличии громадных запасов промышленного сырья и резервов дешевой рабочей силы, в российских условиях допускалась гипотетически более совершенная, сбалансированная модель экономики, переносившая акцент на стимулы внутреннего саморазвития. В рамках этой новой парадигмы развития страна, во-первых, обеспечивала бы себя основными видами промышленной продукции и вывозила бы не сырье, а готовые изделия, во-вторых, переориентировала бы значительную часть хлебного экспорта на внутреннее потребление растущего вместе с промышленностью городского населения⁹.

Характерно, что вопрос о пространственной ориентации экономического развития России в конце XIX — первых десятилетиях XX вв. перманентно находился на волне общественного интереса. В 1920-е гг., в условиях НЭПа, проблема самоопределения Советской России в системе мирохозяйственных, прежде всего европейских, связей оставалась не менее актуальной, чем до революции. Но рассматривалась она уже в более отчетливом геополитическом измерении: ее разрешение ставилось в зависимость от перспектив (уже фактически утраченных) развития социалистических революций в странах Запада. Так, в случае зримых успехов социализма в Западной Европе Россия, как считалось, могла бы сориентироваться на более естественную для нее "одностороннюю" — сельскохозяйственную модель развития, опирающуюся на одну из важнейших составляющих НЭПа — поступательно растущую и укрепляющуюся крестьянскую экономику. В соответствии со своей традиционной ролью поставщика сырья и продовольствия в страны Запада Россия должна была обеспечить прорыв продовольственной блокады Европы со стороны Америки (ожидалось, что США еще длительное время останутся цитаделью капитализма) и интегрироваться в будущую социалистическую Европу в качестве "социалистического" же аграрного придатка¹⁰. (В этом контексте характерный оттенок приобретает мысль В.И.Ленина о том, что "после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран... Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой... страной"¹¹, ибо это положение было бы верным не только в политическом, но и в экономическом смысле). При ином варианте развития событий в Европе более вероятным стало бы "двустороннее" индустриально-аграрное развитие российской экономики, в большей мере рассчитанное на "замкнутость" СССР от капиталистического мира и на собственные накопления для целей индустриализации¹².

Таким образом, вопрос о "зависимости" России от капиталистического Запада имел совсем не абстрактное, но живое политическое звучание в атмосфере 20-х гг. И каждый из альтернативных вариантов решения проблемы имел и совершенно различные региональные импликации — как в отношении меры рассеяния промышленности по территории страны, так и с точки зрения внешнеэкономической роли отдельных регионов.

Геополитические дилеммы, занимавшие умы советских политиков и экономистов 20-х гг., при ближайшем рассмотрении объясняются воспроизведением в новой фазе мирного экономического развития (после катастрофического периода 1-й мировой и гражданской войн) прежних противоречий, характерных для индустриального

роста императорской России на рубеже XIX и XX вв. Начало разрешению этих противоречий было положено в 1890-х гг., когда энергичными усилиями С.Ю.Витте была найдена единственно приемлемая политико-экономическая формула, способствовавшая ускоренному промышленному развитию России, в частности, ее глубинных, восточных районов, и постепенному освобождению страны от иностранной зависимости в части промышленного импорта. В литературе последних лет уже дана всесторонняя позитивная оценка новаторского экономического эксперимента С.Ю.Витте¹³, что освобождает нас от необходимости останавливаться на чисто экономических вопросах и позволяет более подробно осветить последовавшие за двумя мощными "волнами" экономической активности (1890—1899 и 1909—1914 гг.) изменения в геополитическом базисе России.

В экономической концепции С.Ю.Витте одним из важнейших факторов хозяйственного прогресса мыслилось крупномасштабное железнодорожное строительство, которое, во-первых, формировало широкий спрос на продукцию тяжелой индустрии и, во-вторых, ввиду ярко выраженной континентальности России имело "особо важное значение для экономического развития страны". Железные дороги не только соединяли между собой разделенные огромными расстояниями внутренние области России, способствуя ускорению торгового оборота, но и питали новыми экономическими возможностями приморскую торговлю, получавшую "надежную почву для своего дальнейшего развития в будущем"¹⁴.

В неясном виде эта развиваемая С.Ю.Витте стратегия опиралась на расчеты, имевшие глубокий геополитический смысл и нацеленные далеко в будущее. Логика этих расчетов имеет много параллелей с развиваемыми на Западе в начале XX в. геополитическими теориями.

Согласно классическим постулатам геополитики, в извечном всемирно-историческом противостоянии морских и континентальных империй относительно раннее развитие океанической торговли и крупных морских флотов обеспечивало на определенном этапе экономические и военно-политические преимущества за морскими державами. Воплощением этого типа силовой структуры являлись Британская и Французская империи, несколько позже, в конце XIX в. — Япония и США. Для того, чтобы континентальные пространства превратились в столь же весомый силовой фактор, они должны обрести не менее густую и разветвленную сеть коммуникаций, чем та, которая обеспечивается морями.

Крупным переворотом в оценке силового баланса "суши" и "моря" стало появление в 1904 г. теории евразийского "Хартленда", разработанной английским географом Х.Маккиндером. В рамках этой теории целостная картина мира с точки зрения его силовой структуры впервые приобретала в качестве центральной "оси прочности" не какую-либо из морских держав Западной Европы, а глубинные, еще во многом неразвитые районы России-Евразии. Европа же в этой картине мира рассматривалась всего лишь как один из многих периферийных полуостровов евразийского континентального массива.

Этот концептуальный переворот не был случайностью и мог произойти лишь в результате пристального наблюдения за развитием России как нового восходящего центра экономической и политиче-

ской силы. Позднее Х.Маккиндер признавал, что к своим выводам начала XX века он пришел, рефлексируя распространявшиеся в Англии страхи и беспокойства, имевшие причину "в азиатской позиции России"¹⁶. Подобным образом анализируя ситуацию начала 1900-х гг., американский геополитик Н.Спайкмэн на примере России приходил к выводу, что "сухопутный массив", должным образом организованный как эшелонированная силовая база, в новых условиях мог стать основой обретения и невиданной прежде морской мощи¹⁶. Вся логика исторического развития России подводила на рубеже XIX—XX вв. к тому, что для укрепления своих политических и экономических позиций во внешнем мире, в первую очередь в Европе, страна была вынуждена усилить импульсы внутренней экономической самоорганизации с опорой на могучий ресурсный потенциал своего "ближневосточного" хинтерланда (Поволжье, Урал, Сибирь).

Решающее значение для вовлечения восточных окраин в общую систему экономики страны и — в дальнейшем — в мирохозяйственные связи имело строительство в 1891—1903 гг. Транссибирского железнодорожного пути. Однако значение это не могло проявиться сразу. Как известное преувеличение можно расценивать вывод английской исследовательницы, специалиста по экономической истории Азиатской России В.Конолли о том, что "завершение Транссиба, можно сказать, изменило экономическое лицо Сибири"¹⁷. Ближе к реальности оценки, высказанные в последнее время в отечественной историографии, в частности, мысль о том, что идея Транссиба возникла не как результат сложившейся концепции экономического развития России, а как дальновидный проективный замысел, "в результате "инстинктивного сознания" необходимости проведения железных дорог в обширные и богатые окраины в период общей железнодорожной горячки"¹⁸. Характерно, что и сам С.Ю.Витте, обосновывавший строительство магистрали внутри- и внешнеэкономическими приоритетами, вынужден был отмечать первоначальную убыточность Транссиба, проложенного через редко населенные территории страны¹⁹. Геополитические императивы, предчувствие новых географических ориентиров экономического будущего России, таким образом, сами по себе являлись уже достаточным основанием для реализации грандиозного железнодорожного проекта.

Великое железнодорожное строительство на востоке страны происходило в этот период в русле общей трансформации всего государственного организма России, которая впервые из типично, по выражению С.Ю.Витте, "военной империи" должна была превратиться в державу, живущую по законам экономической целесообразности. Проницательный анализ С.Ю.Витте предшествующей модели развития Российской империи даже в деталях совпадает с выводами современной геополитической теории. Политолог из Кентского университета Р.Саква, характеризуя присущий царской России военно-колониционный тип освоения территорий, отмечал: "Геополитическое положение России на обширной Евразийской равнине с небольшим числом естественных границ, не считая реки Волги и Уральских гор, порождало озабоченность проблемами обороны и необходимости поддержания могучей армии". По мнению английского исследователя, первое из этих обстоятельств вызывало стремление достичь безопасных с геополитической точки зрения

рубежей, а второе воплощало инструмент достижения этой цели²⁰. Словом, чем более обширной становилась Российская империя, тем все большее значение — при отсутствии прочного экономического сцепления регионов — должны были приобретать в жизни страны военно-стратегические приоритеты.

С этой труднопреодолимой инерцией и должна была столкнуться отстаиваемая С.Ю.Витте программа железнодорожного строительства, которая предусматривала прокладку новых дорог не столько стратегических и нужных военному ведомству, сколько идущих в "направлениях, наиболее производительных в экономическом отношении" и потому способных себя быстро окупить. Противоречия между военно-стратегическими и экономическими мотивациями железнодорожного строительства проявлялись и в вопросе о его пространственных приоритетах. В то время как военные настаивали на усилении коммуникаций западного (на случай европейской войны) направления, программа С.Ю.Витте была по замыслу ориентирована преимущественно на восток, в наиболее богатые ресурсами регионы страны²¹.

На обозначившемся пороге новой эпохи в развитии России, вместе с крупными экономическими новациями, исподволь изменялись и коренные общественные представления, в частности, уходили в прошлое стереотипы, находившие источники силы России исключительно в ее военно-политическом могуществе, огромной территории и многочисленном населении. Скрыто или явно полемизируя с охранительным мировоззрением, сам С.Ю.Витте доказывал своими действиями, что подлинными источниками общественного богатства и силы государства являются не территория и население России как таковые, но разумная пространственная организация этих хозяйственных ресурсов, позволяющая объединять "совокупным и координированным действием" три основных фактора производства — природу, капитал и труд²².

Серьезным препятствием этому являлись разобщенность русской экономической жизни, развитие крупных регионов страны как относительно замкнутых хозяйственных "миров". Последнее же коренилось не только в патриархальной неразвитости экономического обмена между территориями, но и в исторических особенностях пространственного роста Российского государства на востоке, в частности, в так называемом "концентрическом" типе территориально-политической организации, постоянно воспроизводившемся на вновь присоединяемых окраинах. Эта специфика России была описана еще в 80-х гг. XIX в. известным политическим мыслителем и философом Н.Я.Данилевским, который подмечал, что направлявшиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, "образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее"²³. В этом свете весь процесс русской колонизации представляется как поэтапное расширение целостного континентального массива, политической "осью" которого остается великорусский исторический центр. На этой исторической почве не могла не возникать тенденция жесткого политического централизма, поддерживаемого не экономическими, а главным образом военно-бюрократическими методами. (В этом контексте не утрачивает значения характеристика В.И.Лениным пережиточного "военно-феодалного империализма" царской России, который, как

он писал, "отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала"²⁴).

Значение новых транспортных коммуникаций, прокладываемых на востоке России в конце XIX — начале XX вв., состояло как раз в том, что они обеспечивали свободную циркуляцию капиталов, рабочей силы и товаров между регионами, способствуя их интеграции в крупные территориально-хозяйственные системы. Новые геополитические ориентиры, находившие отражение в схемах транспортного освоения востока России, существенно изменяли всю пространственную перспективу развития российской экономики. Особенно заметно эти стратегические проекции воздействовали на развитие Урала, чья горнозаводская промышленность вплоть до 90-х гг. XIX в. могла сообщаться с остальной Россией лишь посредством отсталого, действовавшего на нерегулярной, сезонной основе речного (через Волжско-Камский бассейн) и гужевого транспорта. Строительство железных дорог Екатеринбург — Тюмень (1888 г.), Самара — Златоуст (1892 г.) и в особенности ответвления Транссиба от Челябинска на Екатеринбург (1896 г.) впервые соединило заводы не только Южного, но и Среднего Урала с центральными районами России, обозначая одновременно перспективный вектор экономического влияния горнопромышленного края на близлежащие районы Западной Сибири²⁵. Тем самым закладывались первые предпосылки превращения горнозаводского Урала из закрытого, ограждаемого особым институциональным режимом тылового индустриального анклава (каким он оставался едва ли не с эпохи Петра I) в растущее экономическое ядро страны, использующее все выгоды транзитного положения между основными хозяйственно-культурными "мирами" Евразийского континента. Будущая геоэкономическая роль Урала была пронизательно отмечена в этот период Д.И. Менделеевым, который писал: "Промышленное воздействие России на весь запад Сибири и на степной центр Азии может и должно совершиться при посредстве Уральского края, составляющего истинную грань Европы и Азии. В том крае для этого, как нарочно, соединились сверх всего прочего громадные запасы всякого топлива, неисчерпаемые, превосходнейшие по содержанию и свойствам руды железа, и русские люди, уже целые столетия обиходившие и обогащающие на горнопромышленных предприятиях и работах"²⁶.

Дальнейшее производственно-экономическое (а не только транспортное) сопряжение с соседними регионами российского востока Урал должен был получить через открытие надежного доступа к коксующимся углям Сибири, которые могли послужить заменой иссякающим местным запасам древесного топлива и фактором ускорения технологического прогресса в черной металлургии края. Однако сохранение архаичных основ посессионного права парализовало приток капиталов в регион и в конечном счете не только тормозило здесь развитие свободной капиталистической промышленности, но и ограничивало стимулы для усиления пока еще редкой региональной железнодорожной сети.

Вызванная этими обстоятельствами стагнационная "пауза" вела к все более решительной переориентации пространственных приоритетов в политике правительства и Горного ведомства в пользу металлургии юга. В течение одного решающего пятилетия (1894—1899 гг.) горно-металлургическая промышленность юга

России, опередив Урал, завоевала лидирующие позиции в производстве чугуна — этого универсального измерителя индустриального прогресса в эпоху "угля и железа". Это положение удерживалось югом и в 1900—1910-х гг.

Однако динамичный подъем металлургии юга, обусловленный комплексом благоприятных экономико-географических, технико-экономических и политических факторов, лишь приостанавливал, но не отменял перспективно избранного пространственного вектора экономической политики. Примечательно, что в 1899 г. по заданию С.Ю.Витта на Урал была направлена группа ученых и инженеров во главе с Д.И.Менделеевым, которая должна была определить причины застоя уральской металлургии и предложить пути его преодоления. Содержание предпринятых научных изысканий не составляло сомнений, что уже в этот период среди дальновидно

Табл. 1. Выплавка чугуна по основным горно-металлургическим районам России (в границах 1914 г.)
(млн. пуд.)²⁷

Годы	Общая	Юг	Урал	Прочие
1889	45.2	8.5	24.7	12.0
1894	81.3	27.4	33.1	20.8
1899	165.4	82.6	45.2	37.6
1904	181.5	110.6	39.7	31.2
1909	176.8	123.2	34.5	19.1
1913	283.0	189.7	55.8	37.5

мыслящих деятелей России формировалось представление об Урале как о будущем металлургическом "сердце" страны, со временем способном не только сравняться, но и затмить успехи юга²⁸.

Как на исключительно обнадеживающую тенденцию участники экспедиции указывали на распространение свободно-капиталистической промышленности на север и на юг от старого индустриального "ядра" Среднего Урала, скованного пережитками посессионного права²⁹. Расширение индустриальной зоны Урала в северном направлении было связано с образованием Богословского акционерного общества и пуском в 1896 г. Надеждинского завода — вплоть до 1917 г. самого крупного и технически передового из металлургических предприятий Урала. Одновременно с промышленным освоением Северного Урала в 90-е гг. XIX в. происходило интенсивное научное изучение края. В этот период по заказу владельцев Богословского горного округа известный ученый-минералог и петрограф Е.С.Федоров осуществил детальное исследование и картографирование минеральных и рудных месторождений этого района³⁰. На юге Урала роль нового центра экономической активности играл пущенный еще в 1883 г. Камским акционерным обществом Чусовской завод, расположенный на пересечении железных дорог Пермь — Тюмень и Чусовая — Березники³¹.

В докладной записке С.Ю.Витте по итогам поездки на Урал Д.И.Менделеев в числе многих предпосылок подъема уральской металлургии (экономико-правовых, технических, культурных) отме-

чал решающее значение транспортных связей. Предложенная ученым широтно-меридиональная — "сетевая" — схема нового железнодорожного строительства на Урале была ориентирована на комплексное решение проблем межрегиональной производственной кооперации: увеличение ввоза древесного топлива из Тобольской губернии на Северный Урал (ветка Кушва — Тобольск), обеспечение поставок южноуральских железных руд на богатые лесом и каменным углем западные склоны Урала (железная дорога от горы Магнитной через Артинский и Белорецкий заводы на Пермь) и коксующихся углей Кузнецких и Экибастузских копей — на заводы Южного и Среднего Урала (магистраль Омск — Кыштым). Соединение этих железных дорог с существующими уральскими, а также с Транссибом и строящейся дорогой Пермь — Котлас позволяло создать весьма совершенную "кровеносную систему" региональной экономики, способную обеспечивать беспрепятственное движение каменного угля, древесного топлива и железной руды к местам их наиболее рационального использования, а готовой металлургической продукции — к рынкам сбыта. Проведение в жизнь этих мер, как заключал Д.И. Менделеев, "дало бы начало не только свободным рынкам топлива и руд, чего теперь нет на Урале и что необходимо для его роста, но и оживило бы рынки сбыта уральских продуктов как на Западе и Востоке России, так и в азиатском центре"³².

Предложенный вариант "открытия" Урала для экономики страны содержал ряд перспективных идей, к которым впоследствии неоднократно — и теоретически, и практически — возвращалась государственная мысль России. В частности, Д.И. Менделеев не связывал технологическое обновление металлургии Урала лишь с ее переходом на коксовое топливо и считал исключительно важным сохранение в значительных объемах древесноугольного производства как уникального специализационного профиля региональной индустрии. Эта производственная специализация должна была существенно скорректировать и пространственную конфигурацию Уральского металлургического района — усилить его северное "крыло" и обеспечить его сопряжение через систему железнодорожных и водных путей с лесными ареалами тобольского Севера. Одновременно для металлургии Южного Урала наиболее перспективным оставалось соединение железных руд Бакала и Магнитной с коксующимися углями Кузнецка и Экибастуза.

Данная проблема носила не только чисто технический или экономико-географический характер. В период безраздельной гегемонии юга России в национальном производстве черных металлов эта вариантная "дивергенция" уральского индустриального хозяйства, и в особенности направление, связанное с дальнейшим прогрессом древесноугольной металлургии, напрямую были связаны с шансами уральской металлургии на выживание и последующий подъем. Показательно, что и в 1909 г., когда обозначились признаки подъема, инженер А.Н. Митинский в работе "Горнозаводский Урал" вынужден был констатировать, что в условиях господства юга над большинством российских рынков металла добавление 2—3-х крупных заводов, построенных на крупнейших рудных месторождениях Урала, будет уже достаточным для краха всей остальной уральской металлургии. Исключение могли составить лишь те уральские заводы, "которые имеют очень чистые руды и могли бы перейти на специально тонкие сорта древесноугольного

чугуна³³. По существу, в тот период, когда политика государственной поддержки Урала не считалась еще вполне обоснованной и необходимой и уступала законам текущей рыночной конъюнктуры, отставание для уральской металлургии так называемого "шведского пути" развития (древесноугольное производство металла) было не-явной формой защиты долгосрочных перспектив развития региональной индустрии — перспектив, связанных с освоением ресурсов континентальной России.

Более определенными императивы перемещения "ядра" национальной индустрии на восток становятся в период нового промышленного подъема (1910—1914 гг.) и особенно в годы 1-й мировой войны. В это время наблюдается постепенный рост производства черных металлов на Урале; доля региона в общероссийском производстве чугуна замедляет свое падение и с 1910 г. стабилизируется на уровне 20-21%³⁴. Заметный подъем происходит в железнодорожном строительстве. Вновь построенные пути приобретают более определенных пространственный смысл, следуя ранее наметившимся схемам хозяйственного взаимодействия регионов. Завершение в 1906 г. железной дороги Пермь — Котлас, соединение с общеуральской сетью Надеждинского завода (1906 г.) и Тавды (1916 г.) связывают с индустриальным центром Урала северную часть региона с прилегающими лесными районами Европейского севера России и Обь-Иртышского бассейна³⁵. На Южном Урале вводятся в эксплуатацию направления Чишмы — Бугульма (1914 г.), Бакал — Бердяш — Дружинино — Чусовская (1916 г.), железнодорожная ветка на Кустанай (1915 г.)³⁶.

На фоне этих изменений общераспространенным становится ощущение ненормальности положения, при котором металлургическая продукция поставлялась на обширные территории востока Европейской России, Сибири и Средней Азии главным образом из одного удаленного промышленного центра, а именно: с юга России, причем ценой существенного удорожания продукции (до 25-30 коп. за пуд). Характерны для этого времени и сомнения в том, что ресурсы юга России в долгосрочной перспективе могут удовлетворить весь внутренний спрос на металлы³⁷. Первая мировая война, вызвавшая прекращение экспорта многих видов продукции и, как следствие, перемещение на восток зависимых от сырья производств (химия, металлообработка), придала проблеме рационального размещения производительных сил гораздо более строгое и определенное измерение — военно-стратегическое. В 1915 г. Совет Съездов представителей торговли и промышленности в представленном правительству докладе "О мерах по развитию производительных сил России" уже вполне определенно указывал на неотложную необходимость ускоренного развития новых металлургических центров, в первую очередь уральского³⁸.

Без существенных изменений проблема новых пространственных ориентиров хозяйственного развития перешла в дискуссии 1920-х гг. В обстановке постепенно возобновляемого исторического спора юга России и Урала за приоритеты развития новую актуальность получает и обсуждение вопроса о технологических направлениях в уральской металлургии. В этот период уникальные качественные преимущества уральского металла служили не столько аргументом в пользу внимания к Уралу вообще, сколько подтверждением его роли как организующего географического центра национальной эко-

номики. Известный уральский ученый-металлург В.Е.Грум-Гржимайло в 1922 г. распространял возможный внешний эффект традиционной уральской металлургии не только на национальную промышленность, но и на широкие зарубежные рынки, испытывающие потребность в металлах высоких сопротивлений. Он, в частности, писал: "При правильной постановке железного дела на Урале, при снабжении его др. углем из обширных лесов севера России и Сибири, при проведении северной сибирской магистрали мы можем организовать массовый вывоз в Европу железа высших качеств"³⁹. Характерно при этом, что данная технико-экономическая проблема рассматривалась ученым в широком геополитическом контексте — в связи с задачами становления новой пространственной организации российского хозяйства. Так, подъем качественной металлургии, ускоренное геологическое изучение Урала и расширение его выходов в общероссийскую транспортную сеть связывались в его представлении с последовательной цепью шагов, направленных на перестройку всего хозяйственно-географического организма страны: во-первых, с максимальным освобождением России от нерационального импорта, во-вторых, с усилением экономического веса Урала в национальном хозяйстве, в-третьих, с последующим переходом на этой основе к активной экспортной политике. Любопытна в этом контексте характеристика В.Е.Грум-Гржимайло Урала как "коренной России", то есть региона, выражающего некую сущностную силу нации⁴⁰. (Еще в конце XIX в. этим термином обычно обозначалась средняя полоса Европейской России с ее избыточным крестьянским населением).

По мере утверждения осознанной линии на изменение пространственной структуры российской (а затем и всей советской) экономики все более отчетливо определялась центрообразующая роль Урала в будущей системе хозяйственного самодовления. В 1928 г., с учетом планировавшегося строительства Магнитогорского металлургического комбината и развития новых железнодорожных направлений, ареал экономического влияния уральской металлургии, определяемый на базе конъюнктурных подсчетов, должен был охватить, помимо собственно Урала, Европейский север России восточнее Ленинграда, Верхнее и Среднее Поволжье, расположенную к востоку от Каспия большую часть Туркестана и территорию Западной Сибири к западу от линии, соединяющей Омск и нижнее течение Енисея. При вовлечении же в металлургическое производство ресурсов древесного топлива, то есть обширных лесных запасов севера, ареал распространения уральского качественного металла резко расширялся, схватывая едва ли не всю территорию Советского Союза⁴¹.

Позиция региона как ядра мощного внутриконтинентального "бассейна производительных сил", составляющего 27% всей тогдашней территории СССР и сосредоточивающего около 26% населения страны⁴², должна была усилиться также за счет создания на Среднем Урале собственной базы тяжелого машиностроения, способной обеспечить техническое перевооружение горнодобывающей и металлургической индустрии Урало-Сибирской зоны, расширить масштабы освоения новых территорий. Эта плановая установка не была полностью новой для конца 20-х гг.: она органично вписывалась в общую логику геополитического сдвига, характеризовавшего развитие России в начале XX в. До этого вопрос о создании в

Екатеринбурге крупного завода тяжелого машиностроения (будущего Уралмашзавода) поднимался в феврале 1920 г. во время пребывания в городе председателя ревсовета 1-й трудовой армии Л.Д.Троцкого. В основе же самой идеи лежал проект, выдвинутый правлением Верх-Исетского округа еще до 1-й мировой войны⁴³.

Стратегическое положение Урала на линии исторически традиционной широтной экспансии (с запада на восток) закреплялось также перекрестным действием сравнительно новых, возникших в конце XIX — начале XX вв., меридионально ориентированных геополитических импульсов. В самом обобщенном виде новые пространственные тенденции выражались в расширении экономически активных зон на север и на юг от Урала — с известным восточным смещением этих векторов.

Кризис "океанической" стратегии России, который обнаружила русско-японская война 1904—1905 гг., усилил внимание правительственных, военных и деловых кругов страны к освоению Северного морского пути — естественно защищенной и кратчайшей околосматериковой трассы, связывающей Европейскую Россию с Дальним Востоком⁴⁴. Эта политика полностью оправдала себя и получила новые импульсы развития в годы 1-й мировой войны, когда связи России с союзниками через Балтику и Черное море были практически блокированы. Общее укрепление северного "фланга" России включало также планы широкого использования крупных речных систем Оби и Енисея для развития торговых связей внутриконтинентальных районов Урала, Сибири и Центральной Азии (включая сопредельные страны, в частности, Монголию) с российским и мировым рынками⁴⁵. Попыткой постановки таких товарообменных операций на систематическую, экономически сбалансированную основу стали позднее Карские экспедиции 1920-х гг.

Дублируя хозяйственные функции Транссиба, речные артерии Северного Зауралья должны были служить основой складывания здесь новой промышленной зоны, объединяющей горнозаводскую индустрию Урала с почти нетронутой ресурсной базой бассейна средней и нижней Оби. С этими расчетами во многом связаны особенности экономического районирования в 20-е гг., в частности, общий "сдвиг" образованной в 1923 г. Уральской области на восток с включением в нее всего тобольского Севера⁴⁶. Одновременно водные пути севера Западной Сибири намечали новые транспортные возможности для Урала. В годы 1-й мировой войны из-за перегруженности Транссиба военными и продовольственными грузами речная система Обь-Иртышского бассейна заявила о себе как резервный путь доставки сибирского угля на простаивающие без топлива заводы Урала. Хотя речная экспедиция 1916 г. доставила на Урал незначительный объем топлива (около 4 млн. пудов, или 4,6% всего угля, потребленного в этом году заводами и железными дорогами региона⁴⁷), сам ее факт послужил одним из немногих практических аргументов в пользу строительства давно обсуждавшегося нового железнодорожного пути — Северо-Сибирской магистрали. Уже к 1919 г. число связанных с ее прокладкой проектов достигало 66⁴⁸.

Еще более интенсивно геополитическое влияние Урала распространялось в южном направлении, сгущаясь в широкой "диагональной" полосе между течением Иртыша и проложенной в 1900—1906 гг. железной дорогой Оренбург — Ташкент⁴⁹. С конца XIX

в. районы Южного Урала, в особенности Оренбург и Троицк, становятся центрами экономического тяготения для обширного Киргизского края (Казахстана) и Туркестана, поставлявших для переработки значительную массу скота, кожсырья, шерсти⁵⁰. На Среднем Урале с постепенным угасанием Ирбитской ярмарки, привлекавшей сырьевые товаропотоки из казахских степей, Туркестана и Монголии, роль важного центра товарообменных операций со странами Востока закрепляется за Свердловском, где с 1925 г. начинает функционировать ярмарка союзного значения⁵¹.

В свою очередь с Урала в его формирующийся центрально-азиатский сырьевой хинтерланд традиционно шел поток готовых промышленных изделий, прежде всего металлопродукции различных видов и назначений, продуктов сельскохозяйственной переработки и кустарных промыслов. К середине 20-х гг. уральские плановики уже уверенно включали в рынки сбыта региональной металлопродукции и территории Туркестана, и сопредельные с ним страны Востока — Афганистан, Иран, Монголию, Западный Китай (Синьцзянь)⁵². Формы и направления этого торгово-экономического обмена, помимо естественного хозяйственного тяготения, в сильнейшей степени определялись общим геостратегическим рисунком российской, а затем и советской политики в Азии. Уже стратегия С.Ю.Витте, рассчитанная на массированное привлечение иностранных капиталов в русскую промышленность, другой своей стороной имела организацию широкой товарной экспансии России в страны Востока и превращение их в устойчивый рынок сбыта и сферу российского экономического и политического влияния. Особенно заметным переплетение экономических и геополитических мотиваций становится после окончания русско-японской войны, когда рискованному прорыву к "теплым морям" и закреплению в зонах соперничества ведущих мировых держав неявно противопоставляется более органичное и эшелонированное продвижение России в глубинные районы Центральной Азии. Укрепление экономических и политических позиций России в Северном Иране (1907 г.), Монголии и Синьцзяне (1912 г.), Урянхайском крае (1914 г.) в геополитическом смысле (несмотря на вариации методов и идеологических форм экспансии) почти полностью наследуется большевистской внешнеполитической доктриной 20-х гг., рассматривавшей страны Востока как мощный стратегический резерв в борьбе за мировые цели⁵³.

Таким образом, происходивший в конце XIX — начале XX вв. рост транспортно-хозяйственных связей Урала с сопредельными территориями, расширение ареала его экономического и культурного влияния в новых пространственных направлениях постепенно превращали его из сравнительно изолированного индустриального форпоста в своеобразный регион-"эмпориум" — крупный узел торгово-экономических связей разнотипных по уровню развития и культурно-хозяйственному облику народов и территорий. Эта новая роль региона в организации экономического пространства страны не должна пониматься узко и упрощенно — как следствие внутренних тенденций хозяйственного развития страны, как результат их стихийного, механического взаимодействия, если только не прибегать при этом к различным providенциальным истолкованиям. Более того, по чисто количественным критериям экономической силы регион еще далеко не соответствовал той роли, которую предопределяла для него новая логика пространственного развития.

Однако в течение рассмотренной нами исторической полосы состоялся главный перелом в развитии региона: эффект организующей пространство геополитической "оси" вполне отчетливо проявился на Урале и в дальнейшем уже проецировался на все касающиеся его будущего экономические планы и проекты. Управляющая этим процессом качественно новая парадигма пространственного мышления не замыкалась в рамках чисто экономических аргументов и тем более не измерялась локальным масштабом видения тенденций. В ней отражалась более широкая панорама соотношения силовых факторов в мире, важнейшие сдвиги в положении России относительно главных центров мировой экономической и политической силы, органически присущие развитию государственных систем фазы подъема и упадка. В развитии России рубежа XIX—XX вв. комбинация этих факторов диктовала усиление тенденций к хозяйственному самодовлению — к построению такой территориально-экономической организации, которая в полной мере позволяла стране опираться на собственные ресурсы и закономерности развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. - Т. II. М., 1988. С. 373.
- ² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 188.
- ³ Там же. С. 315.
- ⁴ Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987. P. 101.
- ⁵ Менделеев Д.И. С думою о благе российском. Избранные экономические произведения. Новосибирск, 1991. С. 40, 42, 44.
- ⁶ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1990-1902 гг. // Урал. 1991. N 11. С. 63. О значении морской торговли говорит тот факт, что даже в настоящее время, при значительном развитии железнодорожных и воздушных перевозок, свыше 80% всей мировой торговли приходится на торговлю морскую (Гроув Э. Будущее морской мощи. М., 1991. С. 3).
- ⁷ Менделеев Д.И. Указ. соч. С. 48.
- ⁸ Велихов Л. Основы городского хозяйства. М., Л., 1928. С. 94, 96.
- ⁹ Менделеев Д.И. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁰ См.: Сарабянов В. Основные проблемы НЭПа. План, регулирование, стихия. М., Л., 1926. С. 154.
- ¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 3-4.
- ¹² Сарабянов В. Указ соч. С. 157.
- ¹³ См.: Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 8-41; Тимошенко В.П. Урал в мирохозяйственных связях. 1917-1941 гг. Свердловск, 1991. С. 7-8.
- ¹⁴ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁵ Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. N 4. P. 595.
- ¹⁶ Spykman N.J. The Geography of the Peace. N.Y., 1944. P. 37.
- ¹⁷ Conolly V. Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources: Problems and Achievements. L., Glasgow, 1975. P. 156.
- ¹⁸ Канн С.К. Формирование концепции изучения Сибири в связи с проектами Транссиба // Роль науки в освоении восточных районов страны. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. 17-19 ноября 1992 г. Новосибирск, 1992. С. 46.
- ¹⁹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 167, 290, 331-332.
- ²⁰ Sakwa R. Soviet Politics. An Introduction. L., N.Y., 1989. P. 1.
- ²¹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. С. 509, 513.
- ²² Там же. С. 511.
- ²³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 486.
- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 174.
- ²⁵ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 87.
- ²⁶ Менделеев В.И. Сочинения. Т. 12. Л.; М., 1949. С. 68.

- 27 Источник таблицы: ГАСО. Ф. 241 р. Оп. 1. Д. 684. Л. 6.
- 28 См. Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 12. С. 63-87.
- 29 Там же. С. 69.
- 30 Рубель Р.Б., Масленников Е.П. Путешествия по Уралу. Свердловск, 1956. С. 28.
- 31 История Урала в период капитализма. С. 74.
- 32 Менделеев Д.И. Сочинения. Т. 12. С. 87.
- 33 Цит. по: Уральский техник. 1916. N 3. Март. С. 8.
- 34 Подсчитано автором по данным: ГАСО. Ф. 241 р. Оп. 1. Д. 684. Л. 6.
- 35 Урал и Приуралье. М., 1968. С. 422.
- 36 Червяков А.П. Экономические связи и развитие железных дорог Урала. М., 1976. С. 11.
- 37 Ярков В.П. Значение Урала в будущем развитии русской горнозаводской промышленности // Уральский техник. 1916. N 3. Март. С. 3.
- 38 ГАСО. Ф. 241 р. Оп. 1. Д. 684. Л. 22.
- 39 Грум-Гржимайло В. Промышленные возможности Урала в связи с экспортом // Экономический бюллетень Уралвнешторга. 1922. N 1. Октябрь-ноябрь. С. 4.
- 40 Там же. С. 3.
- 41 ГАСО. Ф. 241 р. Оп. 1. Д. 684. Л. 28, 35-36.
- 42 Там же. Л. 36, 37.
- 43 ГАСО. Ф. 241 р. Оп. 1. Д. 669. Л. 4.
- 44 Боднарский М.С. Великий Северный морской путь. М., Л., 1926. С. 142.
- 45 Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 11. Л., 1962. С. 391-395.
- 46 см.: Бобылев Д.М. Экспортное хозяйство Урала как экономическая проблема. Екатеринбург, 1924. С. 5-6, 10-11.
- 47 Подсчитано по источникам: Карасев Д.Ф. Забытые каменноугольные копи на Урале // Уральский техник. 1916. N 10-12. Октябрь-декабрь. С. 2; РГАЭ РФ. Ф. 9570. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.
- 48 РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 1. Д. 94. Л. 3 об.
- 49 Adshead S.A.M. China in World History. Houndmills; Basingstoke; L., 1988. P. 340-341.
- 50 ГАРФ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 296. Л. 6.
- 51 Отчет Первой Свердловской Ярмарки 1925 г. Свердловск, 1925. С. 81.
- 52 ГАСО. Ф. 241 р. Оп. 1. Д. 702. Л. 19; Ф. 339. Оп. 10. Д. 72. Л. 109.
- 53 Ellison H.J. Marxism-Leninism in the Third World // The Future of the Soviet Empire. - L., 1988. P. 76-77.

RUSSIA AND THE URALS AT THE TURN OF GEOPOLITICAL EPOCHS (1890s-1920s)

The article analyses an almost unnoticed problem of shifting the economic and geopolitical pivot of Russia into its continental heartland (primarily to the Urals) as a nation-wide perception traced through the Witte's Imperial and early Soviet modernization waves. As a feature of the rising Great Power ideology, this tendency to a more self-sufficient economic and political development has manifested itself in heightened attention to resources and railway communications of Russia's so called "Near East". The most dedicated promoters of this course were S.Yu.Witte, on governmental side, and D.I.Mendeleyev, on scientific and public ones, who had seen strategic weaknesses of the Russia's narrow industrial "facade" faced Western Europe. Long hidden under the economic inertia, the process couldn't be always measured in terms of actual industrial weight of regions. In essence, it was rather steady mental "plan of history" nherited and then extremely (in terms of autarchy) misinterpreted by the Bolsheviks. Nevertheless, the years of 1890-1920s had significant real results in substitution of bureaucratic control over inland Russia for diversified economic ties, as well as in a more balanced industrial framework at the expense of eastern hinterlands.

C.I.Zubkov

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

Промышленная революция в XVIII—XIX веках вывела человеческую цивилизацию с аграрно-ремесленного на индустриальный путь развития. Индустриализация и научно-технический прогресс, повсеместное распространение транспорта и связи, рост образования и культуры создали новые условия для экономического, социального-политического и духовного развития в XX в. Возникли средства массовой информации (газеты, радио), сформировался их потребитель (читаемые слои населения), возникли организации влияния на массы (политические партии), появился практический опыт управления обществом, социально-политическими процессами и массовой мобилизацией людей (первая мировая война). Все это создало благоприятные возможности для развития демократии, гуманизма и более полного материального и культурного обеспечения народа в одних странах, а в других (СССР, Италии, Германии, Испании, др.) в 20—30-е гг. возникли тоталитарные режимы, которые, обещая привести свои народы к изобилию и процветанию, обрушили на них массовые репрессии, террор и вовлекли мир в кровавую бойню.

Тоталитаризм как полный, цельный, всеохватывающий контроль государства над обществом с помощью насилия и массовых репрессий в России начинает формироваться после Октябрьского переворота в 1917. В первые годы большевистского правления (до окончания гражданской войны) в стране были заложены основы советского тоталитаризма — так называемой "советской государственной машины". По мере ее становления создается историография тоталитаризма, исследуются ее основные характеристики. Понятие "тоталитаризм" еще не вошло в научный оборот, но главный его принцип — произвольный полицейский террор был раскрыт и доказан С. П. Мельгуновым в книге "Красный террор в России", вышедшей в Берлине в 1923 г. Он явился первым ученым, профессиональным историком нарождающегося советского тоталитарного строя. В отличие от М. И. Лациса, автора книги "Два года борьбы на внутреннем фронте", изданной в Москве в 1920 г., и авторов сборника "Красная книга ВЧК" (М., 1922), пытавшихся доказать временную, историческую необходимость красного террора и его тактическую зависимость от белого террора, Мельгунов правомерно утверждает, что массовые репрессии большевиков — это идеологически обоснованная "система планомерного проведения в жизнь насилия, это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире"¹.

Тоталитаризм как научная проблема в условиях большевистского режима не имел условий для дальнейшего исследования. Он освещается в западно-европейской историографии после утверждения фашизма в Италии, национал-социализма в Германии и сталинизма в СССР. Еще большее внимание исследователей к феномену тоталитаризма привлекло столкновение диктаторских режимов накануне и в годы второй мировой войны. Зарубежные ученые — историки, политологи, философы (П. Дракер, Х. Арендт, Ф. Хайек,

Д.Оруэлл, Р.Арон, Х.Линц и др.) — разрабатывают методологические подходы к проблеме, создают теорию тоталитаризма.

В зарубежной литературе наибольшую известность получила книга З.Бжезинского и К.Фридриха "Тоталитарная диктатура и авторитария" (1956). Определяя тоталитаризм как одну из форм авторитарного государства, характеризующуюся всеохватывающим контролем над всеми сферами жизни общества, они выявили его главные черты и структурные особенности. Это наличие единой для всех граждан идеологии, концентрация власти в руках одной партии, утверждение государственной монополии на средства вооружения, массовые коммуникации и организации граждан, осуществление полицейского террора и создание централизованного планового хозяйства².

С середины 80-х гг. в связи с начавшейся демократизацией в нашей стране советские ученые также настойчиво ищут новые подходы в разработке теоретико-методологических вопросов отечественной истории советского периода. Изучая документы из ранее закрытых архивов, исследователи стремятся дать объективную картину истории общества. При этом неизбежно встает вопрос о более обстоятельном анализе тоталитарного характера советской власти. Главное внимание сосредоточивается на изучении сталинского режима 30—40-х гг., его характерных черт и структурных особенностей³.

Активная исследовательская работа обществоведов, научные конференции и систематические дискуссии по проблеме тоталитаризма дали возможность определить его сущность. Среди ряда имеющихся формулировок предпочтительнее выглядит определение, данное в курсе лекций МГУ "Основы политологии" под редакцией В.Н.Пугачева. "Тоталитаризм — это политический способ производства и всей общественной жизни, характеризующийся всеобъемлющим контролем со стороны власти над обществом и личностью, подчинением всей общественной системы коллективным целям и официальной идеологии"⁴. Тоталитаризм нельзя свести только к политическому режиму, как это делают некоторые исследователи, он охватывает и его аспекты функционирования, изменения, характеризует тип общества в целом, в том числе социальную и экономическую структуру, культуру, менталитет личности и т.д.

Феномен тоталитаризма, и прежде всего советского, нуждается в дальнейшем изучении, тем более, что выявленные характерные черты и признаки требуют уточнения и дополнения с учетом теории и практики его функционирования в СССР. В частности, к выявленным признакам тоталитаризма необходимо добавить такой, как милитаризация экономики и социально-политической жизни общества. С первых дней прихода к власти большевики стремились укрепить, с одной стороны, партийную диктатуру и обезопасить свою политическую судьбу, с другой — активно проводить курс на мировую революцию и экспансию. Все действия тоталитарного режима, попытка проложить путь штыком в Европу в 1920 г., захват территории на Западе в период второй мировой войны, венгерские события 1956 г., чехословацкие — 1968 г., ввод в Афганистан в 1979 г. и другие являются убедительным свидетельством его агрессивности и милитаристской направленности.

С учетом проведенного изучения советской тоталитарной системы зарубежными и отечественными обществоведами можно выделить следующие ее основные признаки и структурные особенности:

1. Концентрация власти в руках одной, построенной по принципу вождизма, партии.

2. Наличие одной, обязательной для всех граждан и касающейся всех важных сторон человеческой жизни, идеологии.

3. Утверждение государственной монополии на массовые коммуникации и организации граждан.

4. Осуществление произвольного и не считающегося с правовыми гарантиями полицейского террора, призванного держать население в перманентном страхе.

5. Создание централизованного, базирующегося на государственной собственности, планового хозяйства.

6. Милитаризация экономики и социально-политической жизни общества.

Данные признаки или критерии, ретроспективный взгляд на возникновение и функционирование Советской власти позволяют проследить генезис, формирование советского тоталитаризма с конца 1917 г. до начала 30-х гг., когда он стал полностью господствующим режимом. Этой проблеме, слабо освещенной в историографии, и посвящается данное исследование.

Огромную роль в формировании и становлении тоталитаризма в СССР в первую очередь сыграла насаждавшаяся большевиками единая идеология — доктрина о социализме, о новом мире. В упрощенном виде она предполагала ликвидацию частной собственности, эксплуатации и построение бесклассового коммунистического общества на основе равенства и коллективизма. Эти идеи, заимствованные большевиками у К.Маркса, были созвучны с традициями русского народа. Причины сравнительно быстрого и широкого распространения идеологической доктрины большевиков среди народных масс кроются не только в активной пропаганде и агитации, но и в истоках российского сознания. Традиции общинности, коллективизма, артельности составляли естественный элемент общественной жизни русского народа в течение ряда столетий. Основную ячейку общества в России издавна составляла крестьянская община. Она обеспечивала коллективизм, демократию, осуществление принципов социальной справедливости (ограничение богатых и поддержка бедных) и т.д. Это совпадение традиционных общинных черт с социалистическим идеалом способствовало утверждению идеологической доктрины большевиков после Октябрьского переворота.

Было бы, однако, ошибочным утверждать, что именно идеи марксизма реализовывались в России. Н.Бердяев справедливо отмечал, что "характер русской революции был таков, она произошла в столь своеобразных условиях, что идеологически ей мог соответствовать лишь трансформированный марксизм и именно в сторону, противоположную детерминизму"⁶.

Разрабатывая марксизм как науку, его творцы обращали свой взор в целом к прогрессу человечества, а не обеспечению интересов одних слоев населения за счет других. В работе "Положение рабочего класса в Англии" (1845 г.) Ф.Энгельс отмечал, что "коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом" и является делом не одних только рабочих, а всего

человечества"⁶. К.Маркс в "Экономически-философских рукописях" (1844) писал, что полный коммунизм предполагает сохранение всего богатства предыдущего развития, преодоление отчуждения между человеком и природой, человеком и человеком, что он равнозначен гуманизму⁷. В последние годы жизни Маркса и Энгельса происходит трансформация марксизма из науки в идеологию. Открыв "всемирно-историческую миссию" рабочего класса и "диктатуру пролетариата" как этап "незавершенного коммунизма", основоположники старались сделать идеи классовой борьбы, передела собственности доступными для широких масс. Судьбу марксизма как идеологии восприняли в России Ленин и его сторонники, которые обратили главное внимание на идеи классовой ненависти, добиваясь организации пролетариата по военному принципу для свержения существующего строя, практически отказавшись от гуманизма и демократии. Более того, если Маркс и Энгельс писали о коммунизме как процессе и далекой перспективе, требующей максимального развития производительных сил и накопления средств производства, то большевики в России после захвата власти стали исходить из готовности страны к социалистическим преобразованиям. Иными словами, они препарировали марксизм и, учитывая мощные инерции российского общественного сознания, приспособили его для русской почвы. Произошло своеобразное соединение марксизма со специфическими условиями России. Эта идеологическая доктрина стала большевиками внедряться в российское общество. Поскольку взгляды непролетарских классов и партий, по их мнению, заведомо ложны, то последние должны исключаться из политической жизни. Этим большевики оправдывали и захват, и удержание власти. Более того, они утверждали, что не власть одно из вероятных порождений политической жизни общества, а наоборот. На первом этапе Ленин допускал политические маневры и эксперименты в рамках Советской власти и своей стратегической программы, вместе с тем удаляя оппонентов за пределы страны или изолируя от общества.

С октября 1917 г. пропаганда, изучение марксизма-ленинизма, по существу, становится обязательной не только для членов партии, но и для широких масс населения. Особенно интенсивно он насаждался в Красной Армии, политизация которой сыграла немаловажную роль в победе над белой армией в годы гражданской войны. Большевицкая доктрина как государственная идеология была тоталитарной, а партийное руководство, оправдывавшее руководящую роль партии идеологическими соображениями, делало все, чтобы осуществить эту претензию. Тратились огромные средства, причем государственные, на подготовку кадров пропагандистов и агитаторов, издание и распространение соответствующей литературы, а также преследование инакомыслящих. В 1919 г. 86% партийных расходов покрывались за счет государства⁸. В годы революции и гражданской войны монополизм в идеологии и ее широкое распространение среди населения сыграли огромную роль в укреплении Советской власти.

В условиях мирного строительства идеологическая работа поднимается на государственный уровень. XII съезд (1923 г.) ставит перед партией новую задачу "объединения и руководства работой Наркомпроса, профсоюзов и РКСМ над коммунистическим самообразованием трудящихся"⁹. В центре "научной коммунистиче-

ской мысли" — Социалистической академии, затем Институте Маркса-Энгельса-Ленина разворачивается работа по изданию трудов классиков марксизма-ленинизма. При этом необходимо отметить, что их запрещалось переиздавать без проверки и подписи соответствующих ответственных редакций¹⁰. Партийное руководство разрешало публиковать только то, что было созвучно с препарированным марксизмом и не шло вразрез с социалистическим строительством. Тотальное внедрение большевистской идеологии в сознании общества шло в непримиримой борьбе с "буржуазными и ревизионистскими" взглядами. Особенно это было характерно для самой партии.

В первые годы Советской власти в партии допускалась определенная доза демократизма, свободомыслия, изложения различных взглядов на проблемы социалистического строительства, хотя вряд ли у Ленина и его сторонников было осознанное стремление к демократизации партийных структур и внутрипартийной жизни. Непримируемость Ленина к инакомыслию, "оппортунизму" проявилась в сражениях с легальными марксистами, экономистами, меньшевиками, отзовистами, центристами еще в дооктябрьский период. Всем известна жесткость Ленина по отношению к "левым" коммунистам в период заключения Брестского мира, к "анархо-синдикалистам", "рабочей оппозиции" и другим группам в партии после Октября. Переломным оказался X съезд РКП(б) (1921 г.), принявший известную резолюцию "О единстве партии", запретившую фракционную деятельность на практике, что означало пресечение всякого инакомыслия, изгнание из партии представителей разных блоков, уклонов, фракций и изоляцию их от общества. Отныне в обществе исповедовалась только идеология большевизма, которая к концу 20-х гг. становится господствующей.

Доминирующую роль в утверждении советского тоталитаризма сыграла концентрация власти в руках одной партии. После Октябрьского переворота в 1917 г. Ленин и другие лидеры большевизма неоднократно заявляли, что в России победила пролетарская революция, в результате которой власть перешла в руки рабочего класса, что это "неограниченная никакими законами" и "опирающаяся на насилие и поддержку всех трудящихся" диктатура пролетариата, действующая в форме Советов сверху донизу. Действительно, в первые месяцы после захвата власти в Петрограде определенная часть рабочего класса под руководством большевиков, ликвидируя земства и другие органы, явочным порядком устанавливала свою власть на местах. Затем рабочие приняли непосредственное участие в объявленной большевиками "красногвардейской атаке на капитал". В организации Советов, их деятельности в первые месяцы 1917—1918 гг. в центре и на местах, как известно, принимали участие левые эсеры и часть партии меньшевиков, представлявшие интересы не только рабочего класса, но и крестьянства.

Наряду с этим Ленин неоднократно заявлял, что диктатура пролетариата может реализоваться не иначе, как через его авангард. Поэтому осуществив захват власти в октябре 1917 г., большевики с первых дней взяли курс на однопартийную систему. Ленин не допускал какого бы то ни было объединения с меньшевиками и эсерами. Направляя своих соратников в крупные регионы страны, в т.ч., например, Ф.И. Голощекина, Я.М. Свер-

длова в первой половине ноября на Урал, он требовал укрепить Советскую власть на местах и развернуть борьбу с меньшевиками и эсерами¹¹. Поэтому введение в состав Советского правительства левых эсеров, а также вхождение их и представителей партии меньшевиков в органы власти на местах нельзя рассматривать как стремление большевистского руководства к многопартийности, демократическому управлению. Это необходимо было скорее для успокоения общественного мнения, особенно крестьянства, составлявшего большинство населения страны. Уже 14 июня 1918 г., когда Советская власть установилась в большинстве районов, ВЦИК исключил из Советов всех уровней меньшевиков и эсеров, а после 6 июля, со ссылкой на эсеровский мятеж, были выведены и представители левых эсеров из Совнаркома. Большевистская однопартийная система была установлена на многие десятилетия.

С первых месяцев после Октябрьского переворота РКП(б) начинает подменять представительные и исполнительные органы. Выступая на VII съезде РКП(б) в марте 1918 г., Свердлов заявил: "Теперь перед партией... стоят задачи проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор Советы"¹². Данное положение было продублировано и обосновано в циркулярном письме ЦК РКП(б) местным партийным органам: "Наша партия стоит во главе Советской власти. Декреты, мероприятия Советской власти исходят из нашей партии"¹³. Эта установка принижала роль государственных структур, расширяла тоталитарный партийный контроль, вела к установлению в стране диктатуры партии. Если в годы гражданской войны лишь только создавались условия, просматривались тенденции к этому, то с начала 20-х гг. происходит становление системы "диктатуры партии", срастание функций партийного аппарата и органов государственной власти. В октябре 1920 г. на основе инструкции ЦК "О конструкции комитетов РКП" была проведена унификация структур всех, вплоть до уездных партийных комитетов, отличавшихся ранее чрезвычайным разнообразием построения¹⁴. Важнейшее значение приобретает Орграспредел ЦК, определявший местным партийным организациям квоту при партийных мобилизациях в ходе гражданской войны. В начале 20-х гг. он начинает руководить "мобилизацией", перемещением и назначением членов партий¹⁵, т.е. фактически распределяет партийные, государственные, хозяйственные посты среди коммунистов.

С 1923 г. начался учет всех хозяйственных работников, государственных структур вплоть до крупных заводов и фабрик, куда назначались по преимуществу коммунисты. Наряду с этим партийные органы берут на себя решение основных государственных и хозяйственных задач. Еще в резолюции XI съезда в 1922 г. отмечалось, что "парторганизации сами разрешают хозяйственные вопросы лишь в тех случаях и в той части, когда вопросы действительно требуют принципиального решения партии"¹⁶. Но уже через год XII съезд РКП(б) заявляет, что "не только правильное распределение работников, но и руководство в основном самой работой хозорганов... является обязанностью партии"¹⁷. На практике в народном хозяйстве все принципиальные вопросы решались не советскими административными и хозяйственными структурами, а на заседаниях партийных комитетов всех уровней. Иными словами, в начале 20-х гг. сложилась и функционировала

не диктатура класса, а диктатура партии, о чем говорил Ленин и что было зафиксировано в резолюции XII съезда: "Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. Компартии"¹⁸. Создается сильная централизованная власть, опирающаяся на диктаторские методы, свертывается демократия, власть от выборных органов переходит к исполнительным, от советских к партийным, происходит их сращивание. РКП(б) теряет характер политической организации и превращается в механизм, обеспечивающий функционирование системы жесткой власти.

При однопартийной системе в условиях культурной отсталости России диктатура партии в 20-е гг. перерастает в диктатуру партийной номенклатуры. В партию, обладающую монополией власти, вступали малограмотные рабочие, мелкобуржуазные в массе элементы. К 1 ноября 1925 г. партия объединяла до 1 млн. 25 тыс. человек. На XIV съезде РКП(б) (декабрь 1925 г.) делегаты с высшим образованием составляли 5,1%, с низшим — более 66%. В этих условиях огромная масса партии фактически отстраняется от реальной политики.

Еще в апреле 1923 г. на XII съезде Сталин сформулировал свое представление о номенклатурном работнике, главным качеством которого являлись не профессионализм и компетентность, а личная преданность: "Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять и принять эти директивы как свои родные и умеющие проводить их в жизнь"¹⁹. Именно такая партократия формировалась и воспитывалась сталинским руководством. Поэтому номенклатура занималась не реальной работой, а имитировала "бурную деятельность", требуя жесткого подчинения нижестоящих, неукоснительного исполнения ими указаний и распоряжений высшего партийного иерарха. "Мы наблюдаем, — писали авторы "Заявления 46-ти" в Политбюро в 1923 г., — все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и "мирян", на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и широкую партийную массу, не участвующую в общественной жизни"²⁰.

И хотя по Уставу, принятому XIV съездом партии в 1925 г., были предусмотрены выборы партийных чиновников парторганизацией, на практике законом кадровой политики стало их назначение²¹. Орграспредотдел ЦК с санкции Секретариата посылал на места губернских и уездных секретарей, которые при подготовке съездов партии подбирали делегатов по своему усмотрению, съезд выбирал ЦК, последний — Политбюро, Оргбюро и Секретариат. При такой системе Секретариат выбирал себя сам. Секретари от первичных до областной организации рекомендовались соответствующими вышестоящими комитетами и, следовательно, вся номенклатура была подчинена ЦК. "Назначение секретарей губкомов — писал Л.Д.Троцкий в 1923 г. — стало теперь правилом. Это создает для секретаря независимое, по существу, положение от местной организации... Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат, все более и более самодовлеющий, стягивает к себе все нити. Участие партийной массы в действительном формировании партийной организации становится все более и более призрачным"²².

Назначенство не только обеспечивало личную зависимость руководителей снизу доверху, оно позволило сформировать механизм номенклатуры, способный обеспечивать централизацию руководства и исполнения директив центра, удерживать иерархическую соподчиненность. В 1927 г. в партии насчитывалось около 3—4 тыс. высших руководителей и около 100 тыс. среднего и низшего партийного командного состава — непосредственных исполнителей²³. В этой партократии решающая роль принадлежала губкомам, через которые Политбюро ЦК проводило в жизнь свои решения. Сталин не случайно подчеркивал, что "губкомы — это основная опора нашей партии, и без них, без губкомов, без их работы по руководству как советской, так и партийной работой партия осталась бы без почвы"²⁴. Интеграция партии и ее аппарата во властные органы привела к бюрократизации партийной жизни, отрыву аппарата от масс и изоляции последних от политической жизни в стране. Деятельность Советов становится декларативной. Не случайно на рубеже 30-х гг. неоднократно ставился вопрос о ликвидации их в рабочих поселках и деревнях. Таким образом, при однопартийной системе диктатура класса эволюционирует к диктатуре партии, а затем к тоталитарной власти ее номенклатуры, которая вела к установлению режима личной власти.

Проблема вождизма у большевиков в 20-е гг. имела драматическую и подчас трагическую историю. Трудности развития многоукладного хозяйства привели к появлению в правящей партии различных точек зрения на их преодоление и, следовательно, группировок, которые могли парализовать в целом авторитарный режим. При жизни Ленина, благодаря непрерывающему авторитету существовало согласие противоборствующих сторон. После его смерти партия не могла функционировать без харизматического вождя. В утвердившейся партократии развернулась борьба, в которой приоритет захватила группировка во главе со Сталиным, занимавшим пост генсека партии. Троцкий и другие руководители большевизма, имевшие потенциальные возможности на лидерство, не только были разгромлены, изгнаны из партии, но и впоследствии физически уничтожены.

Утверждению единой идеологии и однопартийной системы власти способствовала государственная монополия на информацию, массовые коммуникации и организации граждан, которую большевики ввели с первых дней прихода к власти. Они стремились обеспечить тоталитарный контроль над социальной и духовной жизнью общества. При этом главное внимание уделялось надзору за периодической печатью, литературой, искусством, живописью, кино и другими видами духовной деятельности личности. Декретами Совнаркома были закрыты либеральные, правосоциалистические, религиозные газеты и журналы кадетов, эсеров, меньшевиков и других неугодных большевикам партий и организаций. Над всеми другими изданиями была установлена цензура. Введение последней, а также монополия партии на типографии, средства распространения превращало печать в объект целенаправленного и жесткого управления. Вместо трибуны общественного мнения, средства общенародного контроля за властью она стала рупором партии, а затем ее аппарата.

Запрету подверглись и организации граждан. Хотя Ленин и указывал, что "нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу", но эту свободу мыслил

в рамках диктатуры пролетариата. Поэтому он писал, что "свобода печати в РСФСР... есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров... Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации... значит облегчить дело врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и поэтому этого не сделаем"²⁵. В начале 20-х гг. были не только ликвидированы партии меньшевиков и эсеров, но и началась повсеместная борьба против религии, церковных организаций и объединений интеллигенции, которые были постепенно упразднены. Большевики считали себя обладателями всеобщей истины и поэтому не нуждались в советах со стороны мелкобуржуазных, либеральных и других партий. Отсюда их нетерпимость к чужому мнению, нежелание вести политический диалог. Политическая ткань общества, множественность идей, мнений, организаций были уничтожены. Объявив свободу печати, выборов, политических партий буржуазными пережитками и ликвидировав их, большевики навязали обществу свою идеологию. В итоге в условиях насильственного единомыслия, всеобщей окаменелости воззрений государственные институты к концу 20-х гг. приобрели крайне уродливый вид, а общество практически перестало развиваться, двигаясь в угодном большевикам направлении.

Вместе с тем большевики, понимая огромную роль политических и социальных организаций в консолидации общества и тотальном контроле над ним, укрепляли не только свою партию, но всемерно развивали существующие и создавали новые, но подотчетные им объединения — профсоюзные, комсомольские, кооперативные, женские, спортивные, художественные, атеистические и другие организации. Их вектор был направлен в сторону полного подчинения правящей партии. В 20-е гг. они стали "приводными ремнями", "рычагами", с помощью которых, по словам Сталина, партия как щупальцами охватывала все общество. Поэтому большевики уже в годы гражданской войны стремились привлечь в профсоюзы всех работающих. По этому поводу II Всероссийский съезд профсоюзов в январе 1919 г. принял специальное решение. Профсоюз железнодорожников в течение 1919—1920 гг. вырос с 500 до 1032 тыс. человек.²⁶ Приток граждан в общественные организации увеличился в восстановительный период. Только за один год к XII съезду партии (1923 г.) число членов профсоюзов выросло с 4,8 млн. до 6 млн. человек, делегатских собраний — с 16 до 52 тыс., РКСМ — до 400 тыс.²⁷ Если в 1927 г. к концу восстановительного периода партия насчитывала 1200 тыс. человек, то профсоюзы объединяли 10 млн., комсомол — 45% рабочей молодежи, до 96 тыс. выросло число делегатов-женщин²⁸. Эти организации действовали под непосредственным руководством коммунистов, партия через них проводила свою политику, тем самым стараясь контролировать каждого индивида общества.

Партия стремилась к всеохватывающему контролю над обществом, над всеми сторонами его деятельности. Эта тенденция особенно пагубно сказалась в решении национального вопроса. Для страны, в которой 57% населения составляли нерусские народы, национальная проблема приобретала принципиальное значение. Еще до прихода к власти большевики провозгласили для всех народов, населявших Россию, право наций на самоопределение вплоть до отде-

ления и образования самостоятельного государства. На практике этим правом после 1917 г. смогли воспользоваться только поляки и финны. Что касается остальных, то после победы в гражданской войне большевики сделали все, чтобы не допустить их выхода из состава России, а провозглашенное право превратилось в фикцию. Это особенно относилось к малым народам, проживавшим в центральных районах страны. Монополия на власть, массовые коммуникации и организации граждан, культ силы — основа идеологической доктрины большевиков, привели в решении национального вопроса к разрушению органических форм жизни и быта российских народов, к неестественной перекройке национальной карты России. Сознание вседозволенности породило сверхлегкомысленное отношение к определению истинных границ национальных образований, что резко усилило недоверие различных народов друг к другу и на современном этапе привело к вооруженным столкновениям во многих районах страны. В немалой степени этому способствовали российские традиции великодержавного шовинизма и аналогичная политика, в завуалированной форме проводившаяся по отношению к малым народам Наркомнацем во главе со Сталиным.

Главной опорой большевизма с первых дней прихода к власти стала система насилия и террора. Советская историография 60—80-х гг. на основе ленинских высказываний о вредности террора пыталась доказать несовместимость большевистской тактики с индивидуальным, а тем более массовым террором. Что же касается беззакония репрессий и повсеместного террора в годы гражданской войны, то некоторые историки пытаются представить их как "ошибки и извращения", которые якобы "не являлись системой"²⁹.

До последнего времени на один из главных вопросов — кто виноват в гражданской войне, поглотившей более 10 млн. человек, известный историк Ю.А.Поляков отвечает: "Нет логических оснований обвинять трудовые массы и большевиков в том, что они, совершив Октябрьскую революцию, тем самым развязали гражданскую войну"³⁰. Другие, оправдывая массовые репрессии и красный террор большевиков, исходят не из причины, а из следствия, по-прежнему руководствуясь ленинским тезисом — "революция должна защищаться". Ю.Поляков прав, что трудовые массы нельзя обвинять в Октябрьском перевороте и начале гражданской войны, но только не большевиков. Реальные политики (а не авантюристы), прежде чем решать глобальные задачи социальных преобразований, должны учитывать расстановку классовых сил. Общеизвестно, что большевики, начиная вооруженное восстание в октябре, не имели поддержки подавляющего большинства населения, в том числе и трудового народа. Тем не менее они захватили власть, сделав первый шаг к развязыванию гражданской войны. Проведя выборы в Учредительное собрание и получив меньше четверти голосов, они не отказались от притязания на власть, а разогнали собрание и сделали второй шаг к вооруженному столкновению в обществе. Наконец, развернув "красногвардейскую атаку на капитал" в городе и деревне, физически уничтожая целые классы и слои общества, они сделали третий и последний шаг к полномасштабному гражданскому пожару. Нужна была лишь искра, поводом к которой и явился так называемый "чехословацкий мятеж".

Диктатура пролетариата, установленная в стране, где рабочий класс составлял незначительное и политически ничтожное

меньшинство, неизбежно вела к угнетению огромного большинства. Репрессивный аппарат, созданный Лениным в виде ВЧК в декабре 1917 для преследования, а затем и уничтожения целых слоев населения, был заложен логикой, теорией и тактикой большевизма. Коммунисты хотели построить новое общество на началах равенства и справедливости. Однако правила эти могут действовать только при условии своей всеобщности. Но большевики выводили целые классы и сословия людей за рамки этого, якобы человеколюбивого посыла. Такая "справедливость" по отношению к одной части общества (пролетариату и беднейшему крестьянству) обернулась величайшей трагедией к другой — остальному населению в виде репрессий и террора. Наряду с этим террор был как бы запрограммирован отсутствием созревших социально-экономических условий для провозглашенного строительства социализма. Он явился и фактором сохранения незаконно созданной власти узурпаторов.

К этому необходимо добавить влияние традиций России — опричнина Грозного, крестьянские бунты и войны Разина, Пугачева и др. когда уничтожались целые деревни или дворянские роды ничем не повинных людей для того, чтобы схватить крестьянского вожака или строптивого дворянина. В истории сознания прошлое непосредственно продолжается в будущем, и всякое исторически значимое событие становится как бы фоном, на который проецируются предыдущие времена. Жестокость, применявшаяся в систематически повторяющихся схватках в истории российского общества, начала сразу сказываться в процессе утверждения Советской власти. Она выступила как репрезентант силы, поскольку в сознании большевиков и особенно поднявшихся на борьбу люмпенов суровость и жестокость являлись синонимами силы, ее олицетворением.

В первые месяцы Советской власти Ленин, другие видные большевики пытались представить террор как следствие возмущения народных масс, давления рабочего класса, что государственный террор лишь якобы вводил в известные правовые нормы неизбежный самосуд со стороны масс. Однако ставшие известными ранее за-секреченные заявления руководителей Советского правительства и другие источники опровергают эту точку зрения.

В начале 1918 г. большевистские лидеры разрабатывают научно обоснованную схему превентивного, устрашающего население, террора. Во все концы страны летят приказы Ленина: "...будьте образцово беспощадны", "расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты"³¹. Троцкий в ответ на книгу Каутского "Терроризм и коммунизм", давая идейное обоснование террора, писал, что "враг должен быть обезврежен", "устрашение является могущественным средством политики, и надо быть лицемерным ханжой, чтобы этого не понимать"³². Другой лидер большевизма — Зиновьев — после убийства руководителя Петроградской чрезвычайки Урицкого и ранения Ленина бросает в массы лозунг: "Вы, буржуазия, убиваете отдельных личностей, а мы убиваем целые классы"³³. Один из организаторов ВЧК и массового террора М.И. Лацис в своей книжке "Два года борьбы на внутреннем фронте", углубляя Ленина, теоретически обосновывает всякое насилие Советского государства. В этом "научном труде" с помощью статистики и диаграмм изображается вся репрессивная деятельность чрезвычайки, хотя и в сокращенном виде, дается число расстрелов,

распределение их по годам и месяцам, по полу, возрасту и сословию жертв³⁴.

Наряду с теоретическим обоснованием большевики создают разветвленную и крупную структуру органов насилия и политического произвола по всей стране. Представление об этом могут дать сформированные репрессивные органы на Урале. В ноябре—декабре 1917 г. борьбу с "контрреволюцией" начали созданные Военно-революционные комитеты. Затем на основе Декрета СНК от 7 декабря 1917 г. в феврале 1918 г. в Екатеринбурге стала функционировать первая губернская ЧК на Урале. Вслед за ней формируются ЧК в Пермской, Оренбургской, Челябинской, Тюменской губерниях. В мае 1918 г. организуется Уральская областная ЧК. Летом 1918 г. ЧК создаются во всех крупных городах и уездах Урала. В Пермской губернии, например, насчитывалось около 30 ЧК³⁵. В губернских ЧК формируются секретные и отделы наружной разведки, расширяется агентурно-осведомительный аппарат, создаются вооруженные отряды ЧК. О масштабах деятельности говорит тот факт, например, что за один 1919 год Екатеринбургская ЧК официально сфабриковала 3777 уголовных дел, репрессировав по ним 6229 "монархистов, шпионов, антисоветчиков, колчаковских карателей, меньшевиков, эсеров, саботажников" и др. Одновременно возникли аппараты ЧК и вспомогательные войска на транспорте, реквизиционные продовольственные отряды, конвойные вооруженные силы. Одновременно начали действовать революционные трибуналы и суды. Подобные структуры большевистского режима были сформированы в каждой из 52 губерний России. С началом полномасштабной гражданской войны оформляются ЧК фронтов и армий, руководством которыми с января 1919 г. возглавил Особый отдел ВЧК. Таким образом, в 1918 г. большевики сформировали крупный и разветвленный аппарат, создали систему тотального контроля и массового насилия над обществом по всей стране. К концу 1920 г. численность войск внутренней охраны республики составляла 360 тыс. человек, объединенных в 14 дивизий, 18 бригад, которые дислоцировались в девяти военных округах, на трех фронтах, семнадцати железных дорогах и в двух водных бассейнах.

Актом невиданного полицейского произвола и зверства явился расстрел большевиками бывшего императора России Николая II и всей семьи Романовых в Перми, Екатеринбурге и Алапаевске, осуществленный чекистами Урала по указанию Ленина и Свердлова³⁶. Эту дикую и безжалостную расправу над Романовыми и его приближенными (всего 40 человек) уже на другой день — 18 июля 1918 г. одобрило "историческое" заседание ВЦИКа во главе со Свердловым и безоговорочно "приняли к сведению" все члены Совнаркома (31 человек) с его председателем Лениным.

В советской историографии утверждается, что красный террор начался как ответ на белый только после убийства Урицкого и покушения на Ленина летом 1918 г. На самом деле террор и массовые репрессии начались с приходом большевиков к власти. Это расстрел министров Временного правительства, демонстрации трудящихся в поддержку Учредительного собрания, подавление 245 крестьянских выступлений в первой половине 1918 г., убийство царской семьи и др. Даже член Советского правительства Штейнберг вынужден был признать: "Нет сомнений в том, что период

от марта до конца августа 1918-го был период фактического, хотя и неофициального террора³⁷.

Приложила свои руки ЧК и к Г.В.Плеханову — отцу российской социал-демократии, на произведениях которого воспитывалось поколение русских марксистов. Вот как свидетельствует об этом жившая тогда в Петрограде известная русская писательница Зинаида Гиппиус в своем дневнике 21 мая 1918 г.: "Умер Плеханов... Он умирал в Финляндии. Звал друзей, чтобы проститься, но их большевики не пропустили. После Октября, когда "революционные" банды 15 раз вламывались к нему, обыскивали, стаскивали с постели, издеваясь и глумясь, — после этого ужаса внешнего и внутреннего, — он уже не поднимал головы с подушки... Его убила Россия, его убили те, кому он, в меру силы, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру: 1) быть честным, 2) культурным, 3) держаться науки и любить ее. Нельзя ему быть — европейцем. Задушат. Еще при царе туда-сюда, но при Ленине — конец"³⁸.

С развертыванием крупномасштабной гражданской войны официальное декретирование красного террора с лета 1918 г. давало возможность ВЧК в центре и на местах ввести институт заложников и расстреливать их без суда и следствия. В Петрограде в сентябре 1918 г. было расстреляно 500, в Кронштадте — 400, Москве — 300 заложников и подозрительных лиц. В этом же месяце последовало распоряжение Ф.Э.Дзержинского, где уточнялось, что в своих действиях (обысках, арестах и казнях) ЧК совершенно независима³⁹. Поэтому в приказах ЧК вместо определенного мотива нередко значились слова: "расстрелять в порядке красного террора"⁴⁰. Большевики упразднили буржуазный суд и адвокатуру, а введенные "народные суды" при самоуправстве ВЧК оказались нежизнеспособными. Террор превращается в разнузданную кровавую бойню, которая вызвала возмущение даже в рядах большевиков. Матрос Дыбенко в газете "Анархия" в конце июля 1918 г. писал: "Неужели нет ни одного честного большевика, который публично заявил протест против восстановления смертной казни"⁴¹. С протестом выступил Ф.Ф.Раскольников и другие большевики. А.М.Горький констатировал, что "в Петрограде ныне произвол возведен в принцип"⁴². По данным С.П.Мельгунова, который собирал материалы о терроре по всей стране (20 центральным губерниям), ЧК в сентябре—декабре 1918 г. расстреляли более 50 тыс. человек⁴³. Этот произвол властей был узаконен в Конституции, принятой 10 июля 1918 г., в 23-й статье которой записано, что, руководствуясь интересами всего рабочего класса, РСФСР лишает отдельных граждан и социальные группы прав, которые они могут использовать в ущерб социалистической революции⁴⁴. Установка Ленина — "поощрять энергию и массовидность террора" — раскручивала маховик репрессивной машины большевиков. Ладис в своей книжке утверждает, что по постановлениям ЧК в 1919 г. расстреляно 3456 человек. Но это чистейшая ложь. На Украине, где он руководил ВУЧК, на самом деле расстреляны многие тысячи, в том числе только в Киеве по данным русского Красного Креста — 3 тыс. человек. Одесская чрезвычайка насчитывает 2200 жертв красного террора только за три месяца 1919 г. В Астрахани в марте 1919 г. рабочие, недовольные политикой Советской власти, организовали митинг, а затем забастовку. На

запрос местных властей Троцкий телеграммой дал установку: "Расправиться беспощадно". В итоге кровавой расправы с рабочими было расстреляно или потоплено в Волге около 4 тыс. человек. В Саратове печально известным стал овраг на окраине города, в котором за 1918 и 1919 гг. расстреляно 1800 человек. Если учесть, что Россия насчитывала 52 губернии, в каждой из которых действовали чрезвычайки, то вполне можно согласиться, что общее число расстрелянных ВЧК на 20 марта 1919 г. составило 138 тыс. человек. (эта цифра была опубликована в Англии)⁴⁶. В 1920 г. репрессивная машина большевистского режима работала уже на полную мощность. В этот год особенно наглядно сказались все лицемерие большевистских деятелей. В январе за подписью председателя ВЧК Дзержинского было опубликовано постановление, адресованное всем Губчека "О прекращении применения высшей меры наказания (расстрела) в связи "с разгромом Юденича, Колчака и Деникина"⁴⁶. Однако ЧК тайно продолжала "расстрельную кампанию" в тюрьмах или увозя осужденных в прифронтовую полосу, где расстрелы официально не запрещались. С началом наступления на Польшу большевики 24 мая 1920 г. вновь ввели смертную казнь. В сентябре был жестоко подавлен "мятеж" красного гарнизона в Смоленске, расстреляно 1200 солдат и офицеров. По сообщениям "Известий", на основе решений трибуналов в центре за май-октябрь 1920 г. расстреляно 3887 "контрреволюционеров", офицеров и солдат. В Петербурге в течение года казнили около 5 тыс. человек. В Архангельске и Холмогорах по указанию чекиста Кедрова уничтожено более 1000 офицеров. В Одессе после разгрома Деникина число жертв ЧК составило около 7 тыс.⁴⁷. Наибольшего размаха репрессии достигли в Крыму после разгрома Врангеля. В городах были организованы облавы, за которыми последовала самая настоящая резня. Число жертв чекистов только в Симферополе, Севастополе и Балаклаве составило около 41 тыс. человек.⁴⁸. Расстрелы продолжались и в 1921 г. Беззаконие, взятие заложников, массовый террор, тотальное насилие здесь приобрели такие масштабы, что даже вызвали особую ревизию со стороны ВЦИКа. Но действия карателей были одобрены, а некоторые из них в 1921 г. награждены орденом боевого Красного Знамени⁴⁹.

В докладе о работе ВЦИК и Совнаркома 2 февраля 1920 г. Ленин заявил, что "террор был нам навязан терроризмом Антанты... и как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали"⁵⁰. Это заявление лидера большевиков не соответствует исторической действительности. Во-первых, террор ВЧК, как это показано выше, начался с момента ее организации, т.е. с декабря 1917 г., в то время как Антанта вторглась в Россию с марта 1918 г. Во-вторых, смертную казнь большевики вновь ввели с мая 1920 г., когда штыками попытались прошупать Европу. В-третьих, после ухода Антанты в 1920 г. террор приобрел огромные масштабы, особенно при подавлении выступлений рабочих и матросов в Кронштадте, крестьян на Украине, в Тамбовской области, в Сибири и других районах.

После окончания гражданской войны Советская власть, пытаясь действовать в "рамках закона", в 1922 г. переходит к внешним

формам правового государства. IX Всероссийский съезд Советов в конце 1921 г. принял решение о реорганизации ВЧК и повышении роли съездов как законодателей. В феврале 1922 г. был принят декрет ВЦИКа об упразднении ВЧК и создании Государственного политического управления (ГПУ). В эти годы были приняты Уголовно-процессуальный, Уголовный и Гражданский кодексы законов РСФСР, Положение о судеустройстве, учреждены прокуратура, арбитраж. В стране формально воссоздается структура "нормального права", а в 1924 г. принимается новая Конституция РСФСР. Однако на практике стремление к праву и законности превратилось в фикцию.

После гражданской войны недовольные формирующимся большевистским тоталитарным режимом в стране активно выступили все классы и слои населения. Самым крупным восстанием явился знаменитый кронштадский мятеж в марте 1921 г., в ходе которого рабочие и матросы выступили против политических репрессий и экономического развала. Он был жестоко подавлен большевиками с помощью 50-тысячного отряда Красной Армии. Раньше при уничтожении "врагов Советской власти", "контрреволюционеров" в приговорах ЧК и трибуналов иногда говорилось о снисхождении к отдельным лицам, принималось во внимание их "пролетарское происхождение". Это было своеобразной вывеской, демагогией, рассчитанной на обман народа. В 20-е гг. в процессе подавления рабочих и крестьянских выступлений большевики разоблачили свой "классовый подход" в борьбе с контрреволюцией. Именно этим можно объяснить их особую жестокость при расправе с восставшим народом. Еще 22 октября 1919 г. в письме к Троцкому Ленин писал: "Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставив позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича"⁶¹. Именно эта бесчеловечная, патологическая жестокость использовалась в Кронштадте, когда отказавшиеся наступать роты были поставлены под пулеметы других "верных" подразделений и погибли под пулями "своих" и "чужих". После взятия форта более 2 тыс. восставших было расстреляно, около 6 тыс. отправлено на Соловки. Из них через год осталось в живых только 1500 человек.⁶² Террор по отношению к рабочим начался еще с 1918 г., когда при расправе с ижевским мятежом в ноябре—декабре было расстреляно 800 человек. За протест против насилия большевиков в декабре расстреляли 100 мотовилихинских рабочих близ г. Перми⁶³. Затем начались массовые расстрелы класса, в чьих руках по заявлениям большевиков якобы находилась власть, в Самаре, Астрахани, Саратове и других городах. Не менее жестоко расправлялись большевики с выступлениями крестьян. После подавления крестьянского движения под руководством Махно было принято решение выслать в Сибирь 200 тыс.⁶⁴ Еще больше убитых и сосланных оказалось после разгрома Красной Армией и отрядами ЧК-ОГПУ всем известных крестьянских восстаний в Тамбовской области, Западно-Сибирском крае и других районах⁶⁵.

"Позаботились" большевики и об интеллигенции. В мае 1922 г. Ленин предложил широкомасштабную акцию: выслать за рубеж всех представителей свободномыслящей интеллигенции, "расширить применения расстрела... по всем видам деятельности меньшевиков,

с-р и т.п.", "арестовать несколько сот профессоров и писателей" и "без объявления мотивов" "выслать за границу безжалостно"⁵⁶. ЦК партии и правительство создали Особую комиссию, осуществлявшую несудебные репрессии по отношению к лицам, "причастным к контрреволюционным преступлениям", к деятелям "антисоветских политических партий", был принят Декрет об административной высылке. ГПУ подобно ВЧК было наделено чрезвычайными полномочиями внесудебной расправы вплоть до расстрела. Подобное насилие еще более усиливало социальную напряженность в обществе, неприятие большевистского насилия. Об этом, в частности, делится впечатлениями великий русский ученый В.И.Вернадский, также арестованный Петроградской ЧК в июле 1921 г. "Только побывав в большевистской тюрьме, — пишет ученый, — сознаешь, до какой степени она плодит и раздувает эту ненависть и чувство мести... — масса невинных людей, страданий, бесцельных и бессмысленных, роста ненависти, гнева и полной, самой решительной критики строя"⁵⁷.

В феврале—марте 1921 г. ВЧК арестовала около 2 тыс. членов меньшевистской партии, в том числе весь состав ЦК. Десяти членам ЦК было разрешено выехать за границу, остальные были отправлены на Соловки и другие лагеря. В июне 1922 г. большевики организовали крупный публичный процесс над эсерами с целью возложить на них вину за покушение на Ленина и доказать их виновность в сотрудничестве с белым движением. Партия была разгромлена, а многие ее члены репрессированы или тайно выехали за рубеж. Подобную участь разделили анархисты. В 1921 г. только на Украине было расстреляно свыше 5 тыс. членов их партии⁵⁸. Были расстреляны сотни представителей интеллигенции, имена которых были известны всей образованной России, более 150 ученых выслано за рубеж. По далеко не полным подсчетам, в целом из России в 1917—1922 г. эмигрировало или выслано более 2 млн. чел.⁵⁹.

Для репрессированных или оставленных в стране ВЧК, на основе приказа Троцкого от 4 июня 1918 г., создала трудовые лагеря, получившие впоследствии огромное развитие. В сентябре 1918 г. в разгар красного террора создание лагерей было одобрено Совнаркомом. Функционировало два вида лагерей: одни находились в ведении НКВД с осужденными трибуналом, другие — ВЧК, куда помещались "потенциальные классовые враги", "чуждые элементы", "паразиты", арестованные на всякий случай в административном порядке. Первые лагеря появились на Соловках, в Холмогорах, Муроме и Арзамасе. Общее число находящихся в административной ссылке на 1 июля 1923 г. составляло 72685 человек, из них две трети составляли политические, 40% приходилось на рабочих и крестьян⁶⁰.

В конце гражданской войны Советское правительство начало депортацию больших групп населения, несмотря на провозглашение демократических принципов развития общества. Началом кровавого геноцида послужило печально знаменитое письмо Оргбюро ЦК РКП(б), подписанное Я.Свердловым 24 января 1919 г. Одной из первых акций такого рода стало выселение терских казаков (русских по происхождению) в ответ на их выступления против Советов. Весной 1920 г. были насильно выселены три казачьих станицы (Акл-Юртовская, Тарская и Сунженская), а их земли

переданы крестьянам Ингушетии. В октябре 1920 г. по распоряжению Г.К.Орджоникидзе Кавказская трудовая армия расправилась с казачками пяти станиц. В начале 1921 г. последовали новые репрессии. Земли казаков переданы населению Чечни. Жалоба казаков к Ленину, в которой они сообщали о произволе властей, что "брошено жилье, казачество ютилось по чужим домам, заброшены озимые посевы, на новом месте не было зимних посевов", осталась без ответа⁶¹. В итоге 70 тыс. казаков обоего пола и всех возрастов насильственно депортированы с Северного Кавказа в Казахстан за Урал⁶². Были ликвидированы на Северном Кавказе Сунженский, Казачий, Зеленчукский, Ардонский казачьи округа, а земли, ранее принадлежавшие русскому населению, были переданы создаваемым новым национальным автономиям. Репрессии подверглись казаки других районов России. Всего за годы гражданской войны уничтожено 1 млн. 250 тыс. казаков, не считая павших в сражениях, как белых, так и красных⁶³. Насильственные меры по расказачиванию нанесли тяжелый урон населению, его хозяйству, быту, нравственным устоям, традициям российского казачества. В 1918—1920 гг. депортации подверглась часть азербайджанского народа, из Ереванской и Занзиурской областей Армении было выслано более 200 тыс. азербайджанцев⁶⁴. Депортация народов в этот период явилась одной из разновидностей репрессивной политики формирующегося тоталитарного режима, которая получила наибольший размах в 30—40-е годы.

По своим зверствам репрессивные органы большевиков далеко превзошли царскую охранку и средневековых инквизиторов. В книге С.П.Мельгунова на основе неопровержимых документов и фактов выявлены многочисленные формы и методы истязаний советских людей, от которых стынет кровь и мутнеет рассудок человека. Картину дикой расправы чекистов — "рыцарей революции" полностью подтверждает доклад русского Красного Креста Международному Красному Кресту в Женеве от 14 февраля 1920 г. В нем дается следующая оценка ВКЧ: "Этот своеобразный институт, отчасти повторяющий средневековую инквизицию, составляет политическую опору Советской власти. Полное отсутствие каких бы то ни было правовых понятий, какой бы то ни было тени законности, безнаказанность палачей, беззащитность жертв, жестокость, порождающая садизм, — вот главные особенности чрезвычайной комиссии"⁶⁵.

Невольно вспоминаются слова легендарной народоволки Веры Николаевны Фигнер, чье имя было окружено особым ореолом в глазах демократической интеллигенции. В апреле 1925 г. в газете российских рабочих организаций США и Канады "Рассвет" она писала: "Вы спрашиваете — что делать? Нужна революция. Да, снова революция. Но наша задача слишком грандиозна. Революция слишком необычна и надо серьезно готовиться к ней. Что толку, если снова угнетенные сядут на место бывших властников? Они сами будут зверьми, даже может быть худшими"⁶⁶. Безусловно, среди чекистов находились работники, которые поверив в необходимость борьбы за революцию, старались честно трудиться, выполняя свой партийный долг. Таким, например, был выходец из рабочих, ревизор по обследованию ГПУ тов. Скворцов, который, не желая разделять всю ответственность за бесчеловечные преступления чрезвычайки, 16 февраля 1923 г. покончил жизнь

самоубийством. В предсмертной записке на имя ЦК РКП(б) он писал: "Товарищи! Поверхностное знакомство с делом производством главного учреждения по охране завоеваний трудового народа, обследование следственного материала и тех приемов, которые сознательно допускаются нами по укреплению нашего положения..., вынудили меня уйти навсегда от тех ужасов и гадостей, которые применяются нами во имя высоких принципов коммунизма... Искушая смертью свою вину, я шлю вам последнюю просьбу: опомнитесь... и не отталкивайте массы от социализма"⁶⁷. Подобные факты среди работников ЧК имели место и ранее. Но большевистское руководство не прислушалось к этому голосу совести, разума и правды. Более того, на собрании московской организации большевиков в августе 1922 г. Сталин, оправдывая массовые аресты интеллигенции, заявил: "Наши враги дождутся, что мы вновь будем вынуждены прибегнуть к красному террору и ответим на их выступления теми методами, которые практиковались нами в 1918—1919 гг. Пусть они помнят, что мы приводим в исполнение наши предупреждения"⁶⁸. Сталин, став генсеком, стал выполнять свое обещание.

Во второй половине 20-х гг. репрессивная политика, исходившая от партийного руководства, усиливается. В 1926 г. была ужесточена редакция Уголовного кодекса РСФСР. В 1927 г. ЦИК в "Положении" о государственных преступлениях значительно расширил понятие о контрреволюционных акциях. В 1928 г. по инициативе ЦК партии в стране развернулись репрессии против троцкистов и других оппозиционеров, вводится применение чрезвычайных мер, расширяется строительство концентрационных лагерей, в которых сосредотачивается дешевая рабочая сила для начинавшейся индустриализации. В связи с хлебозаготовительным кризисом 1927—1928 гг. репрессивная машина обрушивается на зажиточное крестьянство, затем на инженерно-техническую интеллигенцию, усиливаются репрессии в национальных республиках.

Свидетельством непрекращающихся репрессий, грубейшего нарушения законности, произвола ОГПУ во второй половине 20-х гг. являются письма в Политбюро ЦК общественных деятелей, обращения бывших политкаторжан в Президиум ЦИК СССР, воспоминания чудом оставшихся в живых репрессированных в тот период "троцкистов" и др. Например, 10 марта 1926 г. Вера Фигнер в письме Е. Ярославскому с болью в душе констатировала: "Мне стыдно, стыдно, потому что и теперь существуют изоляторы, в которых должны оставаться социалисты 5 и даже 10 лет", что по разным углам России томятся в ссылке тысячи политических заключенных и "воспитываются в неприязни к существующему строю"⁶⁹. В обращениях старых революционеров в 1927—1928 гг. к Президиуму ЦИК отмечалось неоднократное применение к политическим заключенным смертной казни, отсутствие законности в судопроизводстве, произвол власти, невыносимые условия существования заключенных и ссыльных⁷⁰.

Как видим, в первые годы Советской власти большевиками была разработана и осуществлялась целая система насилия в обществе, включавшая тюрьмы, изоляторы, концентрационные лагеря, ссылку, изгнание из страны, депортацию и массовый террор. Несколько смягченная и завуалированная внешними формами правового поряд-

ка, она продолжалась и во второй половине 20-х гг. Эту политику насилия и террора Сталин "научно" обосновал теорией обострения классовой борьбы и ужесточил в период хлебозаготовительного кризиса 1927—1928 гг.

Дмитрий Волкогонов в книге "Триумф и трагедия", весьма убедительно и правдиво нарисовавший политический портрет И. Сталина, утверждает, что он "пионер, организатор, непревзойденный актер", "главный режиссер судебных политических спектаклей" 1937—1938 гг. Рисуя справедливо этого восточного деспота на российской земле как первого, главного виновника жесточайших репрессий, автор все время противопоставляет его Ленину, как демократу, гуманисту, непримиримому противнику террора, навязанного стране якобы внутренней контрреволюцией и странами Антанты⁷¹. В работе вскрываются многие причины этого феномена сталинизма, но к сожалению, не анализируются его истоки, которые, на наш взгляд, кроются в большевизме периода революций, гражданской войны и первых лет НЭПа. Выше об этом по периоду войны уже говорилось, теперь остановимся на начале 20-х годов.

После победоносной войны, когда внутренняя контрреволюция разгромлена, интервенты изгнаны, не кто иной, как Ленин в записке наркому юстиции Курскому Д.И. в середине 1921 г. требует "расширить применение расстрела", который должен охватить лиц "содействующих" и "способных содействовать" борьбе с большевиками, т.е. "кого угодно"⁷². Через несколько месяцев, 20 февраля 1922 г. в письме Курскому, а также членам Политбюро Цюрупе, Рыкову и Енукидзе (ВЦИК) Ленин, "с особой просьбой: не размножать, только показывать под расписку", настаивает: "Усиление репрессии против политических врагов Советской власти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по скорости и силе репрессии, по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии; все это должно вестись систематично, упорно, настойчиво, с обязательной отчетностью..."⁷³. Какой по-ленински емкий, всеохватывающий документ, целая программа действий. И эта программа, как известно, была при Ленине выполнена. Думается, что если бы Д. Волкогонов внимательно изучил его, то у него отпало бы желание противопоставлять сталинский террор ленинскому "красному террору".

Какое удивительное совпадение их организаторов. Во-первых, борьба против политических врагов Советской власти. Оба организуют террор, особенно против тех, с кем вместе трудились на революционной ниве. Ленин с меньшевиками был в одной партии, с эсерами в одном правительстве. Сталин с троцкистами и правыми не только в партии, но и в ЦК и даже в Политбюро. Во-вторых, расправа по возможности быстрая, в одном случае "революционно-целесообразным" порядком, в другом — ускоренным темпом, и тут и там — беззаконие и произвол. В-третьих, оба вождя идут на обман народа путем подготовки его через печать и другие средства массовой информации. В-четвертых, в режиссуре обоих авторов

организация "образцовых", "показательных" спектаклей (процессов) в Москве, Петрограде (Ленинграде) и других крупных центрах страны. В-пятых, оба вождя хотят остаться в тени, а террор репрессивной машины осуществлять от имени партии, с "санкций" народа, причем "систематически", упорно, "настойчиво". Все это достаточно убедительное свидетельство того, что в организации произвольного полицейского террора, репрессий одна цель, одни средства, методы, тактика у обоих лидеров. Большевики во главе с Лениным проложили торную дорогу для Сталина, который, следуя по ней, довел советский тоталитаризм с его массовым террором до апогея.

Заложив основы тоталитарной власти в политической, социальной и духовной жизни советского общества, большевики оказались перед необходимостью монополизации собственности и централизованного управления хозяйством, т.е. введения тоталитарных структур управления в области экономики. Ленин неоднократно до и после Октябрьского переворота говорил, что Россия не готова к непосредственному введению социализма, что в ней отсутствуют экономические и культурные предпосылки для этого⁷⁴. Ему хорошо известно было марксистское положение, что волевое, внеэкономическое обобществление собственности при недостатке средств производства и низком уровне развития производительных сил с неизбежностью приведет к развалу народного хозяйства, всеобщему распространению бедности и в итоге может "воскреснуть вся старая мерзость"⁷⁵. И тем не менее большевики после захвата власти сразу же приступили к национализации и обобществлению производства. Объяснить это можно только желанием удержать власть любой ценой. Они пошли на чудовищный эксперимент создания государства-коммуны и формирование тоталитарных структур управления. Именно поэтому Ленин не устал говорить о необходимости завоевания Советской властью командных высот в области экономики.

Уже с конца 1917 г. сравнительно осторожная социально-экономическая политика уступает место "кавалерийской атаке на капитал". Не имея программы экономического преобразования, при отсутствии какого бы то ни было опыта руководства народным хозяйством страны, большевики развернули повсеместную национализацию промышленности, банков, транспорта и обобществление производства. Один из сотрудников созданного в декабре 1917 г. ВСНХ, опытный юрист А.Гурович свидетельствовал: "порядка в этом вопросе не было абсолютно никакого. "Национализировал" всякий, кто хотел: местные "совнархозы", "исполкомы", "военкомы", — даже чрезвычайка в порядке карательных конфискаций... Национализированное прежде всего подвергалось потоку и разграблению со стороны разнообразных местных властей, и лишь спустя продолжительное время ВСНХ отвоевывал... и получал это предприятие обыкновенно в совершенно разобранном виде"⁷⁶.

Первой была национализирована промышленность Урала — наиболее крупного индустриального региона России. К июлю 1918 г. здесь были обобществлены орудия и средства производства 25 основных из 34 горнозаводских округов, в результате чего 85% предприятий металлургической отрасли перешло в руки государства⁷⁷. К концу гражданской войны все отрасли народного хо-

зяйства страны, кроме аграрной, были национализированы. К 1 октября 1919 г. было национализировано 2500 предприятий. В ноябре 1920 г. новый декрет СНК распространил национализацию на все "предприятия с числом рабочих более десяти или более пяти, но использующих механический двигатель", которых оказалось около 37 тыс.⁷⁸ Они попали в управление неграмотной и некомпетентной партийно-советской бюрократии. Бывшие владельцы предприятий, фирм и руководящие кадры подверглись репрессиям или эмигрировали за границу, оставшаяся часть технической интеллигенции оказалась отстраненной от управления производством.

Для централизованного руководства национализированной промышленностью наряду с ВСНХ были созданы губернские и уездные совнархозы. Однако в силу некомпетентности и отсутствия опыта Высший совет и местные СНХ к выработке единого хозяйственного плана так и не приступили до конца гражданской войны. Составляемые программы для отдельных отраслей по производству и снабжению друг с другом не увязывались. Более или менее организованно работала только военная промышленность и обслуживающие ее предприятия. В итоге "то, что было, разорялось, нового не возникало"⁷⁹. Результатом такой деятельности явилось катастрофическое падение производительности труда и сокращение выпуска продукции во всем народном хозяйстве, которое усилилось с началом гражданской войны. Эксперимент не только не дал желаемых результатов — высокопроизводительного социалистического производства, а наоборот, по существу привел к развалу народного хозяйства. Тем не менее большевики выполнили задачу тотального контроля в экономике — обеспечили обобществление производства, получили в свои руки экономику, установили централизованное управление.

Окончание гражданской войны, глубокий политический и социально-экономический кризис в стране, вызванный внедрением тотальных форм властвования в политике и управления в экономике, а также технико-экономическая отсталость и разруха заставили большевистское руководство заменить военно-коммунистическую модель перехода к социализму на основе НЭПа. В начале 20-х гг. имело место некоторое отступление в централизации управления экономикой. В сельском хозяйстве продразверстка заменялась твердым налогом, разрешалась торговля "в пределах местного округа", в мелкой и части средней промышленности — денационализация предприятий с использованием частной собственности, аренды и концессий. В общей сложности по стране частным предпринимателям было сдано около 145 тыс. предприятий. Это было незначительное отступление, если учесть, что к концу НЭПа частный сектор давал 9,5% валовой продукции, а число рабочих в нем составляло 6%. Но это нововведение, с помощью которого удалось восстановить разрушенное войной народное хозяйство, не устраивало большевистское руководство.

В целом экономика страны была неэффективной. Национальный доход СССР в 1928 г. оказался на 12—15% ниже уровня 1913 г., душевое потребление (с учетом роста населения на 5%) — на 17—20%. Годовая производительность труда упала на 23%, а фондоотдача — на 25%. Из-за низкой эффективности экономики крайне ограниченными были денежные ресурсы страны. Если в

1913 г. рентабельность индустрии равнялась 19,7%, то к 1925 г. она снизилась до 10,9%. Прибыли в народном хозяйстве сократились в среднем в два раза. В стране практически сложилась ситуация застоя. В этих условиях вместо того, чтобы усилить экономические формы регулирования, внедрение рыночной экономики в народном хозяйстве, сталинское руководство в партии и государстве пошло на усиление монополизма в промышленности и укрепление тоталитарных структур. Под предлогом "производственной необходимости" частные и арендные предприятия передавались в госсектор, концессии свертывались, ограничивалась самостоятельность промышленных объектов, на местах вводилось жесткое централизованное планирование.

Процесс обобществления и монополизации собственности завершился на рубеже 30-х гг. во всем народном хозяйстве. Вслед за промышленностью в результате насильственной коллективизации в сельском хозяйстве была создана колхозно-кооперативная собственность, которой фактически распоряжалось государство. Введенное внеэкономическим путем обобществленное производство при отделении непосредственных работников от средства производства могло функционировать только при наличии командно-административной системы управления, формирование которой также завершилось в начале 30-х гг. Такая система могла быть эффективной лишь при сверхцентрализации, неукоснительном выполнении плановых директив и команд центра. Поэтому в практику руководства хозяйством с конца 20-х гг. вошло планирование народного хозяйства по пятилеткам, осуществляемое партийно-советской номенклатурой. Тем самым при тотальной монополизации собственности экономические позиции в стране были прочно закреплены за командно-бюрократическим аппаратом.

Анализ становления тоталитарной системы будет неполным, если не сказать о ее милитаризационной направленности. Советский тоталитаризм смог выстоять благодаря милитаризации социально-политической и экономической жизни общества. Это явилось следствием расстановки классовых сил внутри страны, влияния на революционный процесс в России мирового воздействия и идеологических воззрений лидеров большевизма.

В первую очередь необходимо отрешиться от априорного большевистского постулата, что в 1917 г. идеи марксистского социализма и мировой пролетарской революции якобы увлекали большинство народа. В действительности это положение не имеет под собой конкретно-исторического обоснования. В самом деле, о какой социальной базе для подобного изучения можно говорить, если фабрично-заводской пролетариат в нашей стране в это время составлял около 3 млн. человек, или 2% населения. Примечательно, что далеко не весь пролетарит, будучи малограмотным, понимал и разделял эти идеи. Что касается крестьянства — основной массы населения, — то оно, как известно, в своем большинстве на выборах в Учредительное собрание отдало голоса партии эсеров. Более того, в 1918 г. зафиксировано 245 массовых выступлений крестьян против большевиков. Последним было хорошо известно классическое положение марксизма, что идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Но если они этому плохо поддаются, тогда массами можно овладеть силой. История России была достаточно богата подобным опытом. И чтобы в

создавшейся ситуации удержать власть в стране, большевикам потребовалась вооруженная сила.

Идя на захват власти, лидеры большевистской партии рассчитывали на поддержку западного пролетариата, на развитие "мировой пролетарской революции". Эта оценка международной обстановки не была иллюзорной, т.к. революционное брожение на почве тягот первой мировой войны seriously ощущалось, особенно в странах австро-германского блока. В этих условиях среди лидеров большевизма появилась идея неизбежности мировой революции, в которой Россия должна оказать поддержку пролетариату других стран. Выступая на VI съезде РСДРП, Н.И.Бухарин говорил: "Перед победившей рабоче-крестьянской революцией (в России — А.Б.) на очередь станет объявление революционной войны, т.е. вооруженная помощь еще не победившим пролетариям... Революционной войной мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции"⁸⁰. После Октября 1917 г. мировая революция, которую ждали большевики, не состоялась. Как действовали большевики в этих условиях, дает ответ в июле 1921 г. на III Конгрессе Коминтерна Ленин: "Мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знаем, что работаем не только для себя, но и для международной революции"⁸¹.

В период гражданской войны, особенно после ее успехов в 1920 г. интенсивно обсуждается проблема экспорта революции и делаются попытки "советизации" ряда стран Восточной Европы. Об этом убедительно говорят материалы IX конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. Выступая на ней с докладом, Ленин отмечал, что "мы должны штыками нащупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?", развивать "прямую дорогу революции" в Чехословакии и Венгрии, и "несмотря на полную неудачу первого случая, нашего первого поражения (в Польше — А.Б.), мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца"⁸².

В связи с этим большой интерес представляет направление деятельности тайной дипломатии и контрразведки большевиков. В феврале 1920 г. был подписан первый мирный договор между Россией и Эстонией. Ленин заявил, что этот факт имеет "гигантское историческое значение", т.к. "мы доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насилия для перехода к мирной политике, завоевав симпатии буржуазного правительства маленького государства"⁸³. В Эстонию была направлена для работы советская миссия. Однако вместо "добросовестной" и "мирной" работы в правительственной инструкции "Об условиях работы советской миссии в Эстонии" от 29 сентября 1920 г. ее роль за рубежом была четко определена с позиций классовой борьбы и экспорта революции: "когда разворачивается пролог мировой революции", торговые и дипломатические миссии должны выполнять разведывательные и контрразведывательные функции. Поэтому ее сотрудники должны стремиться к установлению прямых контактов со всеми революционными партиями и заниматься "партийно-коммунистической" разведкой, включающей финансово-экономическую, военную и политическую. В каждой миссии должна сплетаться "сложнейшая сеть интриг, подвохов и подкопов, отражающих в себе военно-политическое соревнование на почве финансово-экономической кон-

курении современных буржуазных государств"⁸⁴. Как видим, молодая советская дипломатия с первых дней своей деятельности была ориентирована не на "мирное сосуществование" "на основе добрососедства и сотрудничества", как об этом твердили официальные большевистские органы, а на организацию революционного взрыва, чтобы проложить дорогу для "мировой пролетарской революции".

Эти установки пытались осуществить на практике в 20-е годы ОГПУ совместно с Коминтерном. После поражения революции в Германии в ноябре 1918 г. и провала попыток "штыками нащупать" народы Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы, большевики вновь делают ставку на организацию переворота в Германии в 1923 г. Они считали, что победа коммунизма в этой стране подтолкнет его распространение по всей Европе. В середине августа Зиновьев — председатель ИККИ инструктирует руководителей ГКП (Германской коммунистической партии) о подготовке революционного выступления. 23 августа по данному вопросу проходит секретное заседание Политбюро с докладом Карла Радека — члена Коминтерна, специалиста по германским вопросам, на котором Троцкий заявил: "Вот наконец, товарищи, то самое потрясение, которого мы с нетерпением ждали так много лет. Ему предначертано изменить облик земли... Немецкая революция означает крах капитализма"⁸⁵. Было принято решение направить в Германию группу из четырех человек с секретным заданием по подготовке революции, Уншлихту — заместителю Дзержинского — создать вооруженные "красные сотни" для ее осуществления, Шмидту В. — наркому труда (немцу по происхождению) — создать революционные ячейки для превращения их в советы в ходе революции, Пятакову Г. — обеспечить координацию деятельности и связи между Москвой и Берлином⁸⁶. Этот план, как и следовало ожидать, полностью провалился, поскольку в 1923 г. никаких предпосылок для революции в Германии не было, ГКП пользовалась поддержкой лишь незначительной части рабочего класса, а германское правительство занимало прочное положение. Однако и это поражение не остановило большевистских фанатиков. В 20-е годы они продолжали организацию различного рода провокаций в других странах, о чем говорят, например, действия ОГПУ и советской торговой миссии в Лондоне в 1927 г., вызвавшие неприязнь и соответствующий отпор английского правительства.

Чтобы строить социализм в стране, не имевшей ни экономических, ни культурных предпосылок для этого, ни поддержки основной массы населения, и чтобы обеспечить экспорт революции в другие страны, нужно было Россию превратить в военный лагерь. И большевики делали все, чтобы милитаризировать общество, экономику и духовную жизнь. Сначала вооруженной опорой диктатуры явилась Красная гвардия из рабочих, солдат и матросов, которая, по заявлению Ленина, была "наполовину большевистской"⁸⁷. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, утвержденной ВЦИК 3 января 1918 г., до наступления немцев на Петроград и задолго до развязывания крупномасштабной гражданской войны, было объявлено об образовании регулярной Красной Армии на добровольческих началах. Но оказалось, что народ, совершивший Февральскую революцию, не хотел добровольно защищать власть большевиков, а тем более нести ее на штыках

в Европу. Известная русская писательница З. Гиппиус, внимательно следившая за событиями тех дней в Петрограде, 12 февраля 1918 г. отмечает в своем дневнике: "Пишут, что "массы" рабочих пошли в "Красную Армию"; но пока эти массы — 140 человек... и никогда "ни малейшей "красной армии" Троцкие не устроят себе, пока не объявят в своем "социалистическом отечестве" принудительный набор"⁸⁸. Прогноз автора оправдался — действительно последовало воззвание СНК СССР "Социалистическое отечество в опасности", на основе которого началась всеобщая мобилизация в армию. Уже в апреле она насчитывала 200 тыс. человек. В мае было принято постановление ВЦИК об обязательном наборе в армию на основе воинской повинности, и в октябре 1918 г. она имела около 3 млн.⁸⁹ К концу гражданской войны в Красной Армии насчитывалось 5,5 млн. человек.⁹⁰ Наряду с этим имелась Рабочекрестьянская милиция, вооруженные отряды ВЧК, части особого назначения (ЧОН). Необходимо отметить, что служба в армии и война были непопулярными, особенно среди солдат-крестьян. В 1920 г. количество дезертиров достигло примерно 1 млн. чел. Председатель высшего военного совета Троцкий установил жесткую дисциплину, не останавливаясь даже перед террором и введением системы заложников, когда за дезертира отвечали члены его семьи⁹¹. Для того, чтобы укрепить и политизировать вооруженные силы республики, ЦК РКП(б) ввел в армии институт красных комиссаров, которые с помощью коммунистов обеспечили тотальный контроль за действием каждого красноармейца.

С первых месяцев Советская власть установила монополию на вооружение и милитаризовала труд. Это не было открытием большевиков, а исходило из традиций российского абсолютизма, формирования централизованного государства, которое имело всегда в своем ведении казенные военные заводы. Декретами Совнаркома в первую очередь были национализированы и переданы в военное ведомство заводы, производившие оружие, в том числе в Петрограде, Туле, Ижевске, Златоусте, Перми. Ленин непосредственно участвовал в распределении оружия, обеспечивая им красногвардейские отряды, устанавливавшие Советскую власть в различных районах страны, контролировал работу и давал задания по увеличению производства оружия на оборонных заводах. В промышленности в целом вводилась милитаризация труда, с ноября 1918 г. она охватила железнодорожный транспорт, затем и другие отрасли народного хозяйства. По постановлению СТО от 27 февраля 1920 г. на Урале, например, во всех ведущих отраслях промышленности бронь получили 41226 рабочих, а на ряде предприятий от 50 до 80% списочного состава⁹². В 1920—1921 гг. на базе воинских частей Красной Армии большевики организовали трудовые армии в Петрограде, на Урале, Украине, Кавказе, Донбассе, в Сибири, Туркестане. Централизация управления, милитаризация труда, монополия на вооружение дали возможность Советской власти обеспечить победу в гражданской войне. Но вместе с тем это способствовало утверждению тоталитаризма, что было характерной чертой Советской власти в течение многих десятилетий.

После неудачной попытки пробиться "штыком в Европу" и окончания гражданской войны в 1920 г., расправы с кронштадским "мятежом" и подавления крестьянских восстаний в 1921—1922 гг. количественный состав армии уменьшился, ее усилия были на-

правлены на повышение боеспособности и защиту "завоеванных рубежей" от Прибалтики до Сахалина. В обществе на основе решений X съезда РКП(б) большевистская пропаганда старалась внедрить ленинскую идею неизбежности нападения на СССР империалистических стран и необходимости быть готовым к его отпору. На XV съезде партии в 1927 г. Сталин прямо заявил, что "усиление интервенционистских тенденций в лагере империалистов и угроза войны" (в отношении СССР) "есть один из основных фактов нынешнего положения"⁹³. Не забывало большевистское руководство и о мировой революции, что "Европа явным образом вступает в новую полосу революционного подъема", и это требует от партии, советского народа борьбы за укрепление единого фронта рабочих против наступления капитала"⁹⁴. С одной стороны, идеологическая обработка масс, с другой — провокационные мероприятия сталинского руководства по отношению к некоторым странам (разрыв отношений с Англией, Францией, Китаем), неуклюжие попытки связать их с "террористическими актами империалистических наймитов" внутри страны — все это создавало состояние военного психоза и использовалось для милитаризации страны, усиления принудительного труда в обществе, увеличения расходов на вооружение.

Таким образом, на рубеже 20—30-х гг. завершился процесс становления тоталитаризма в СССР. Политическая власть от партии перешла к номенклатуре, а затем к автократическому режиму Сталина, большевистская идеология охватила не только всех граждан, но и все стороны жизнедеятельности общества, утвердилась государственная монополия на массовые коммуникации. Вместо правового государства и рыночной экономики получило развитие широкомасштабное насилие, монополия на собственность и командно-административная система управления, милитаризовалась экономическая и социально-политическая жизнь в обществе. На этапе генезиса советского тоталитаризма четко просматриваются две стадии. Первая — от большевистского переворота в октябре 1917 г. до окончания гражданской войны. В эти годы были заложены в России основы тоталитарного государства. Вторая — 20-е годы, когда в результате всеобщего недовольства народа, политического и социально-экономического кризиса была сделана попытка перейти к правовому государству. Однако действие заложенных основных принципов тоталитаризма и стремление большевиков к сохранению своей власти, основанной на насилии, привели в начале 30-х гг. к утверждению советского тоталитаризма с режимом личной власти Сталина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 8.

² Баллестрем К.Г. Апории теории тоталитаризма // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 18-19.

³ Историки спорят. М., 1988; Страницы истории советского об-ва. М., 1989; Осмыслить культ Сталина. М., 1989.

⁴ Основы политологии. М., 1992. С. 190.

⁵ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 121.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 516.

⁷ Там же. Т. 42. С. 116.

⁸ Известия. 1993. 31 марта.

⁹ КПСС в резолюциях... М., Изд. 7. 1953. Ч.С. 733.

- 10 Там же. Ч. С. 737.
- 11 Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1977. Т. У. С. 33, 64.
- 12 Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отчет. М., 1962. С. 174.
- 13 Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 150-151.
- 14 Известия ЦК РКП(б). 1920. № 24. С. 5; № 25. С. 5.
- 15 Там же. № 23. С. 1.
- 16 КПСС в резолюциях... Ч. 1. Изд. 7. М., 1953. С. 628.
- 17 Там же. С. 704.
- 18 Там же. С. 683.
- 19 Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 210.
- 20 Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190.
- 21 На Урале после освобождения Харитонова М. М. летом 1925 г. ЦК направил первым секретарем Уралобкома Антипова Н. К., осенью 1925 г. — Сулимова Д. Е., в феврале 1927 г. — Шверника Н. М., в 1928 г. — Кабакова И. Д.
- 22 Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 169.
- 23 См.: Сталин В. И. Соч. Т. 10. С. 328.
- 24 Там же. С. 215.
- 25 Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 79.
- 26 Труды ЦСУ. Т. XVIII. Сб. статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 246.
- 27 Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 201-203.
- 28 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1961. Ч. 1. С. 92, 99, 101, 108, 110.
- 29 Кораблев Ю. И. Гражданская война 1918—1920 гг.: новые подходы // Страницы истории советского общества. М., 1989. С. 80.
- 30 Отечественная история. 1992. № 6. С. 38.
- 31 Цит. по: Комсомольская правда. 1991. 12 февраля.
- 32 Цит. по: Мельгунов С. П. Красный террор в России... С. 33.
- 33 Архив русской революции. М., 1991. Т. 3. С. 150.
- 34 См.: Лацис М. И. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.
- 35 Уральский рабочий, 1920. 15 июля.
- 36 До предела наивными выглядят утверждения некоторых исследователей, заявляющих о непричастности Ленина к этому акту, что распоряжение о расстреле Николая II и его семьи санкционировал Свердлов без ведома Ленина.
- 37 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 39.
- 38 По печати установлено, что Плеханова обыскивали 3 раза, арест его Ленин не разрешил. ("Черные тетради" Зинаиды Гиппиус // Звенья. Исторический альманах. Выпуск 2. М., 1992. С. 101, 102, 162).
- 39 Верт Н. История советского государства. 1900—1991. М., 1992. С. 130.
- 40 Архив русской революции. М., 1991. Т. 6. С. 251.
- 41 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 39. П. С. Дыбенко стал командармом второго ранга и был расстрелян в 1937 г.
- 42 Архив русской революции. М., 1991. Т. 3. С. 182.
- 43 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 45.
- 44 Верт Н. История советского государства. 1900—1991. С. 129-130.
- 45 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 47-52.
- 46 Известия, 1920. 15 января.
- 47 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 57-62.
- 48 Там же. С. 67-68.
- 49 Там же. С. 66.
- 50 Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 101.
- 51 Там же. Т. 51. С. 68; Комсомольская правда, 1991. 12 февраля.
- 52 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 160.
- 53 Там же. С. 96, 103.
- 54 Там же. С. 74.
- 55 См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 265; История отечества. Вып. 1. С. 73; Комсомольская правда. 1992. 12 февраля.
- 56 Звенья. Исторический альманах. Выпуск 1. М., 1991. С. 481, 484.
- 57 Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 75.

- 58 Исторический архив. 1992. № 1. С. 89.
- 59 Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 170.
- 60 Отечественная история. 1992. № 4. С. 37-38.
- 61 Независимая газета. 1991. 12 мая.
- 62 Известия. 1991. 28 января.
- 63 Так это было. Национальные репрессии в СССР в 1919—1952 годы. М., 1993. Т. 1. С. 28.
- 64 Архив русской революции. М., 1991. Т. 6. С. 340.
- 65 Ненапечатанный труд: Из архива В.Н. Фигнер. // Звенья. Исторический альманах. Выпуск 2. М., 1992. С. 426-427.
- 66 Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 186.
- 67 Там же. С. 80.
- 68 Звенья. Исторический альманах. Выпуск 2. М., 1992. С. 432.
- 69 Там же. С. 434, 437.
- 70 См. Волкогонов Д. Триумф и трагедия. 1988. № 12. С. 115, 116, 127, 131 и др.
- 71 Цит. по: Бунин И. Золото партии. СПб., 1992. С. 69.
- 72 Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 396-397.
- 73 Там же. Т. 45. С. 380, 401.
- 74 К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т. 3. С. 33; См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 33. С. 48.
- 75 Архив русской революции. Т. 6. С. 311. Автор далее с болью пишет, что "когда-нибудь архивы Высшего Совета Народного Хозяйства раскроют перед историком всю трагическую картину "обобществления".
- 76 Национализация промышленности на Урале. Свердловск, 1958. С. 287.
- 77 Верт Н. История советского государства. 1900-1991. С. 123.
- 78 Архив русской революции. М., 1991. Т. 6. С. 310.
- 79 Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 104.
- 80 Ленин В.И., ПСС. Т. 44. С. 36.
- 81 Исторический архив, 1992. № 1. С. 17, 22, 24, 27.
- 82 Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 91.
- 83 Исторический архив. 1992, № 1. С. 67.
- 84 Цит. по: Эндрю Кристофер, Гордиевский Олег. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. 1992. С. 102.
- 85 Там же. С. 102-103.
- 86 См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 9.
- 87 "Черные тетради" Зинаиды Гиппиус // Звенья. Исторический альманах. Выпуск 2. М., 1992. С. 73.
- 88 Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 99.
- 89 Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1989. С. 296.
- 90 Верт Н. История советского государства. 1900-1991. С. 121.
- 91 РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 101. Л. 5, 101-103.
- 92 Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. Ч. 1. С. 52.
- 93 Там же. С. 52, 54.

GENESIS OF SOVIET TOTALITARISM

The article is devoted to a Soviet totalitarian regime, being established from 1917 up to the early 1930s. The following peculiarities of totalitarianism have received much consideration: 1) the concentration of power in the hands of a single party set up on the principle of the cult of a leader; 2) the propagation of the Bolshevik ideology, single and equally binding for all; 3) the monopoly of the state on mass communications and people's organizations; 4) free and lawless terror of the police aiming to put the population in permanent fear; 5) centralized planned economy based on the state property; 6) militarization of economy, social and political life of the society.

A.V. Bakunin

М. О. Акишин

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОТНОШЕНИИ АБОРИГЕНОВ СЕВЕРА ЗАУРАЛЬЯ К РУССКИМ ВЛАСТЯМ. XVII—XVIII в.

Обдорские остяки и самоеды — воины, охотники, рыболовы и оленеводы-кочевники — с древнейших времен находились в важнейшем пункте северного пути русской колонизации Сибири. Со времен новгородских промышленников и до начала XVIII в. сохранившиеся источники рассказывают не только об обширной торговле русских с населением этой земли, но и о постоянных вооруженных столкновениях: погибших в "полуночных странах" ратях, разгромленных караванах служилых людей, взятых на abordаж судах промышленников и т.д. Русская колонизация края сопровождалась христианизацией аборигенов. Среди населения Северного Приобья только жители Обдорской волости смогли в начале XVIII в. противостоять православным миссионерам и сохранить свою веру, а позднее обдорские аборигены безжалостно мстили своим соплеменникам—"новокрещенам", разоряя их городки, убивая жителей. Где-то в 30-х гг. XVIII в. воинственных аборигенов Обдорска удалось "замирить"; только в середине XIX в. спокойствие в этом крае нарушил Ваули Пиеттомин, но это уже был последний и единичный случай.

История и современность обдорских аборигенов неизменно вызвала интерес у краеведов, историков и этнографов. Наибольший вклад в изучение истории этих народов внесли С.В.Бахрушин¹ и Н.А.Миненко². Однако до сих пор многие проблемы истории Северного Зауралья остаются остродискуссионными, чувствуется большой недостаток в публикациях источников об Обдорске. Цель настоящей заметки — введение в научный оборот новых документов по истории Обдорской волости.

Первый публикуемый нами документ (Отписка тобольских воевод о разгроме "воровскими людьми" отряда письменного головы П.Айгустова, посланного в Обдорск) характеризует те конфликты, которые возникли у казны с вольными промышленниками в начале колонизации Сибири. Промышленники были, безусловно, первыми в русском движении на восток, им были хорошо известны пути "за Камень", они обладали "знакомцами" среди родовой верхушки аборигенов. Проникновение в Сибирь казенных администраторов-прибыльщиков подрывало налаженные связи промышленников среди охотников-аборигенов, главных поставщиков пушнины. Конкуренция с казной приводила иногда к острым столкновениям. Так, в 1600 г. русские и зырянские промышленники, издавна торговавшие и, возможно, собиравшие дань с населения будущего Мангазейского уезда, организовали нападение самоедов на отряд воевод кн. М.Шаховского и Д.Хрипунова в 150 служилых людей. В происшедшем бою воеводы потеряли 30 человек, бежали и спаслись "падчи на оленев душой да телом"³.

Публикуемый ниже источник (№ 1) рассказывает, как около 40 "воровских людей" разбили и ограбили в 1633 г. отряд

письменного головы Петра Аигустова, посланного в Обдорск собирать таможенные пошлины. После этого "воровские люди" обошли казачьи заставы, но столкнулись "на Камени" с мангазейским сотником Алексеем Шафраном и торговыми людьми, которые ехали из Москвы в Сибирь. "Воры" напали на отряд А.Шафрана, смогли даже его взять в осаду. Но опытный сотник организовал своих людей и разгромил "воров".

Отметим, что после разгрома 1633 г. П.Аигустов все же добрался до Обдорска и занялся обычными для администраторов того времени злоупотреблениями — стал торговать вином и мехами. В 1635 г. тобольский воевода А.Голицын писал в Москву, что уличил таможенного голову в незаконной торговле вином и конфисковал у него 6-ведерную бочку этого напитка. Но в бочке оказались "заделаны два мешка с соболями (312 шкурок — М.А.), а наверху тех соболей поставлен с вином галеночек". П.Аигустов на допросе показал, что соболей купил на Обдори у промышленных людей и положил в бочку для провоза, опасаясь воров (а также, видимо, не желая платить пошлин). Меха конфисковали, а Петра велели "в съезжей избе бить батоги нещадно"⁴.

Следующий публикуемый документ рассказывает о нападении самоедов на русских служилых людей в Обдорске в 1644 г. с целью похитить у них хлеб. В XVII в. обдорские самоеды славились своей воинственностью, они нападали на своих соседей — остяков (хантов), вогулов (манси), русских — и в случае успеха жестоко расправлялись с побежденными. Думается, важной причиной таких набегов было то, что даже комплексное хозяйство охотников и оленеводов-кочевников не было застраховано от неудачных лет и связанного с ними массового голода. С.В.Бахрушин писал, что "худые людишки", кочевавшие по берегам Тазовской губы, в значительной мере питались тем, что выбрасывало море, и кормились "разбойным хлебом", т.е. хлебом с разбитых непогодой русских судов⁵.

Третий публикуемый источник — челобитная новокрещенного Григория Ваюсева — новый документ о знаменитом восстании 1607 г., когда мятежные остяки два месяца осаждали русский гарнизон в уездном Березове. Об этих событиях ярко писали Г.Ф.Миллер, С.В.Бахрушин, И.И.Смирнов, В.И.Корецкий⁶. В публикуемой челобитной Г.Ваюсева раскрывается механизм предательства рядом остяков своих соплеменников (сам Ваюсев предал отца, позднее повешенного, и был поверстан за это в казаки), названо точное число казненных — 12 человек.

Публикуемый рапорт 1751 г. березовского заказчика протопопа Андрея Васильева сибирскому митрополиту Сильвестру Главацкому (№ 4) рассказывает об освящении церкви во имя св. Василия Великого в Обдорске, строительство которой началось при митрополите Антонии по его распоряжению от 3 августа 1745 г.⁷ Сам факт строительства церкви свидетельствует об изменении отношения обдорских остяков и самоедов к православию; все предшествующие попытки сибирского апостола Филофея Лещинского обратиться с проповедью Евангелия к этим народам заканчивались неудачей. Церковь св. Василия стала в 1832 г. основой для деятельности Обдорской миссии, именно с этой миссией связано возникновение письменности у самодийских народов.

Наконец, мною публикуется письмо 1767 г. сибирского губер-

натора Д.И.Чичерина его брату генерал-полицмейстеру и сенатору Н.И.Чичерину о посылке депутатами в Уложенную комиссию обдорского князца Тайшина и куноватского — Артанзиева (№ 5), а также приговор Сената о поднесении Екатерине II доклада о подтверждении княжеского достоинства этих владельцев (№ 6). Письмо Чичерина написано в шутиливом тоне, с характерной для придворной переписки того времени нарочитой безграмотностью. Приговор Сената — официальный документ, составленный опытным канцеляристом по узаконенному формуляру. Остановлюсь на двух аспектах изучения этих источников.

Во-первых, письмо и приговор — определенный этап в отношениях русских монархов и князцов обского Севера. Слово "Обдорский" в официальном титуле русских самодержцев, появившееся в XVI в., никогда не было пустым звуком. Еще в конце XVI в. князец Василий Обдорский ездил в Москву для крещения, в его волости была построена церковь. Правда, Василий был одним из организаторов восстания 1607 г., и русские власти казнили его после провала восстания. Но уже его сын Мамрук Васильев, предав отца и сохранив власть, получил от царей Бориса Годунова и Василия Шуйского две грамоты на княжеское достоинство (1591, 1606). В 1679 г. в Москву ездил обдорский князец Гында Моликов и получил жалованную грамоту, которой ему была дарована привилегия "для больших дел", которых нельзя решить на Березове, обращаться прямо в Москву. Екатерина II в 1767 г. своим дипломом лишь подтвердила прежнюю власть Тайшиных в Обдорске. Такие отношения обдорских князцов и русских самодержцев сохранялись и в XIX в. Интерпретировать этот ряд фактов можно только одним образом — монархи стремились включить аборигенных князцов в русскую политическую систему.

Второй аспект, на котором хотелось бы остановиться, связан с деятельностью князцов в Уложенной комиссии. В 1764 г. по заданию Екатерины II губернатор Д.И.Чичерин провел в Сибири ясачную реформу. Посылая князцов в Москву, Чичерин писал брату о том восторге, который вызвала эта реформа у аборигенов, т.е. фактически он посылал императрице свидетелей своего административного рвення. Однако позднее посол короля Франции в России граф Л.Ф.Сегюр так объяснял провал деятельности Уложенной комиссии: "...собрание депутатов, столь новое и неожиданное, не оправдало тех надежд, которые оно побудило, потому что члены его большей частью удалялись от цели, предназначенной правительством. Выборные от самоедов, дикого племени, подали мнение, замечательное своей простотой и откровенностью. "Мы люди простые, — сказали они, — мы проводим жизнь, пася оленей; мы не нуждаемся в Уложении. Установите только законы для наших русских соседей и наших начальников, чтобы они не могли нас притеснять; тогда мы будем довольны, и больше нам ничего не нужно". Между тем вследствие слухов о прениях крепостные некоторых вельмож, побуждаемые надеждой на свободу, начали во многих местах волноваться. Собрание было распущено..."⁸ Возможно, именно этим случаем объясняется высказывание члена императорского Кабинета Всевожского о ясачной реформе 1764 г.: "в отношении устройства по управлению не представляет никаких данностей улучшения"⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2.
- ² Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- ³ Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 17.
- ⁴ Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 32.
- ⁵ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3. Ч. 2. С. 7.
- ⁶ Бахрушин С.В. Научные труды... Т. 3. Ч. 2. С. 136; Смирнов И.И. Восстание Болотникова. М., 1951. С. 554-560; Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время "смуты" (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 56-58.
- ⁷ ТФ ГАТюО. Ф. 156. Оп. 1. 1746 г. № 30.
- ⁸ Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 322.
- ⁹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 243.

№ 1. 1633 г., не позднее 7 декабря. Отписка тобольских воевод А.Голицына "с товарищи" в приказ Казанского дворца о разгроме отряда письменного головы П.Аигустова, посланного в Обдорск.

Л. 54. Посуда]рю, ц[а]рю и великому кн[я]зю Михаилу Федоровичю всеа Руси холопи твои Ондрушка Голицын, Данилко Замыцкой, Сенка Копылов, Левка Полуехтов челом бьют. В н[ы]нешнем [посуда]рь во 142-м году июня в 1 де[нь] послали мы, холопи твои, ис Тоболска на Обдорь для збору твоеи [посударе]вы десятиные пошлины писмяново голову Петра Аигустова. И июня [посуда]рь в 14 де[нь] писали к нам, холопом твоим, в Тоболск писмяной голова Петр Аигустов, что июня ж в 9 де[нь] на реке на Иртыше ниже Самаровских гор ис протоки наехали ево, Петра, воровские люди ч[елове]к сорок и ево де, Петра, и служилых людей, которые с ним, Петром, посланы были на Обдорь, переграбили и держали связанных ден и хотели побить и судовые де [посуда]рь снасти, что ему, Петру, дано было в Тоболску на дощеник поимали и побежали вниз Обью рекою, а какие люди тово он в отписке своеи не писал. И мы, холопи твои, писали на Собскую заставу к тобольскому

Л. 55. с[ы]ну боярскому // к Ивану Рукину, которой послан с Тоболска на заставу с служилыми людьми, чтоб он стоял на Собской заставе с великим бережением и над теми беглецы промышлял с великим радением, чтоб тех беглецов мимо Собску заставу через Камень к Руси не пропустит и торговых бы и промышленных людей от грабежу береч. И июля [посуда]рь в 6 де[нь] писал к нам, холопом твоим, с Обдорские заставы тот Иван Рукин: обехали де [посудар]рь ево воровские беглые люди не доезжаючи Собские заставы выше княз Дмитревы вотчины Алачева, и он де, Иван, взяв на Березове к тобольским служилым людям в прибавку березовских служилых людей, поехал за ними на Собскую заставу наспех. И как де он, Иван, с служилыми людьми пришел на Собскую заставу, и от тех де [посуда]рь воровских беглых людей приехал с веру с Оби реки березовской казак Петрушка Иванов Палтырев, которово взяли было те воровские беглые люди в вожжи бегучи на Обе реке, и сказывал им, что ушли у них, у Ивана, те воровские беглые люди в пяти днях и волоки де все перешли. А

Л. 56. ему де, Ивану, с служилыми людьми // за теми беглыми гнать было не в чем, потому что таких судов и бечевы, в каких судах ходят чрез Камен, нет. И мы, холопи твои, писали ис Тоболска с нарочными гонцы в Казань к боярину и воеводам к Матвею Михайловичю Годунову с товарищи, да к Соли Камской к воеводе к Лаврентью Кологривому, чтоб они о тех беглых людех велели учинит заказ крепкой и на Волгу б их и на Дон не пропустит, и собрався б в тех городех какова дурна не учинили. И в н[ы]нешнем же г[осуда]рь во 142-м году августа в 4 де[нь] писал к нам, холопом твоим, в Тоболск с Собские заставы с[ы]н боярской Иван же Рукин: июля в 11 де[нь] приехали к нему на Собскую заставу с Руси мангазеинской сотник стрелецкой Олексей Шафран с торговыми и с промышленными людьми, которые для торгов своих и промыслов пошли в Мангазею, и сказывали де ему, Ивану, что они тех беглых людей за Каменем на реке на Усе побили. Да того ж г[осуда]рь числа тот же Иван Рукин прислал к нам, холопом твоим, в Тоболск с Собские заставы, которой изыман в холопстве твоего г[осударе]ва боярина кн[язя]

Л. 57. Бориса Михайловича Лыкова, Куземку // Андреева. А ехал де г[осуда]рь тот Куземка через Камень с теми ж торговыми людьми, которые тех воров побили. И мы, холопи твои, тово Куземку рспрашивали, которыми обычей они тех воров и побили и всех ли побили или иные утекли. И Куземка Андреев нам, холопом твоим, в роспросе сказал: отпущен де он был с Москвы в Мангазею в подячие и ехал через Камень на Собскую заставу с мангазеиским сотником стрелецким с Олексеем Шафраном, да с ними де шло в Мангазею торговых и промышленных людей сорок семь каюков. И идучи де с Руси через Камень, не доходя Собсково камени, до Петрова дни за неделю встретили они воровских людей на реке на Усе, едут в стругу ч[елове]к их сорок. И те де г[осуда]рь воры сказывалис им сперва, что едут они ис Томсково городка к тебе, ко г[осуда]рю, к Москве с твоею г[осударе]вою соболиною казною, а не беглыми людьми. И пристав к берегу, стали по них стреляти ис пищалей и отбили де у них четыре каючка с людьми и с товары, и тех людей побили, и отошед де от них с полверсты, стали и присылали де к Олексее Шафрану и к торговым и к промышленным людям, чтоб они

Л. 58. все свои животы // им отдали, а только де не отдадут и они де их всех поют. И Олексей де Шафран, поставя острожек, сидели от них три дни в осаде, и собрався с торговыми и с промышленными людьми пошли на них, чтоб им в осаде сидячи от тех воров з голоду не помереть. И тех всех воровских беглых людей побили, толко де г[осуда]рь ушли у них на лес три ч[елове]ка, которые на стороже стояли, да четыре ч[елове]ка раненых ушли за Усу реку на лес же. А какие г[осуда]рь люди ис Томсково города побежали — служилые или какие сыльные опальные люди, тово г[осуда]рь в Тоболску подлинно не ведомо, потому что г[осуда]рь им Томсково города столник и воевода княз Микита Егупов Черкасской с товарищи о том к нам, холопом твоим, в Тоболск не писывали.

Л. 54 об. Резолюция приказа Казанского дворца: "Отписат, чтоб они за теми беглыми воры послали и по городам отписали, чтоб тех воров так же послали сыскиват, чтоб они нашли и к г[осуда]рю, к Москве писали б именно какие люди...".

Адрес: "Г[осуда]рю, ц[а]рю и великому кн[я]зю Михаилу Федоровичю всеа Руси".

Помета: "143-го г[оду] декабря в 7 де[нь] подал тоболской...".

РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 54-58. Подлинник.

№ 2. 1644 г. Отписка березовского воеводы М.Квашнина в Сибирский приказ о нападениях самоедов на русских и остяков.

Л. 337. Г[осуда]рю, ц[а]рю и великому кн[я]зю Михаилу Федоровичю всеа Руси холоп твой Мелешка Квашнин челом бьет. Приезжает г[осуда]рь в Березовской уезд на Обдорь в зимнее время каменная и карачейская самоед, которые живут летом подле Мангазеинское море и по край реки Оби ниже Обдора и в островах и платят они твой г[осударе]в ясак поволно ясачным зборщиком небольшой, и с прошлого со 149 году почали та самоед вороват: твой г[осударе]вы ясашные казны на Камени громили и служилых людей побили и на морском заморозе твой ж г[осударе]вы хлебные запасы грабежом имали. Да в н[ы]нешнем г[осуда]рь во 152 году апреля в 7 де[нь] писали ко мне, холопу твоему, на Березов с Обдори тоболские и монгазеинские служилые люди Ивашко Михайлов с товарищи, которые в прошлом во 151-м году оставлены на Обдори для бережения твоих г[осударе]вых хлебных запасов, что в н[ы]нешнем же во 152 году зимою, после того как съехали с Обдори на Березов ясачные зборщики березовские служилые люди с[ы]н боярской Федор Игнатьев с товарищи, приезжали на Обдорь воровская самоед, а они,

Л. 338. служилые люди, были в твоём // г[осударе]ве хлебном анбаре на карауле. И как де они вышли из анбара под вечер в ызбу ужинать и та самоед к ним, к ызбе пришли за щитами, и у избы окна снегом заметали, и сени заперли, и у твоего г[осударе]ва хлебного анбара двери высекли, и взяли твоего г[осударе]ва хлеба мешков с пятнатцат и болши муки ржаной. И как де они, служилые люди, из избы выбились, и щиты отбили, и вышли к самоеди на берег, и самоед от анбара отбили, и в то время самоед на бою ранили их, служилых людей, четырех ч[елове]к. И я, холоп твой, в н[ы]нешнем же во 152 году посылал з Березова на Обдорь березовских служилых людей с[ы]на боярсково Родиона Лихачова да с ним дватцат ч[елове]к казаков для бережения твоих г[осударе]вых хлебных запасов и для сыску тое воровские самоеди. И велел я, холоп твой, с[ы]ну боярскому Родиону Лихачову сыскат на Обдори обдорскими остяки по их вере правду, которые остяки в то время как воровская самоед твой г[осударе]вы хлебные запасы имали на Обдори были, и которые остяки ж в то время были недалече от Обдори,

Л. 339. которого роду и хто // именем, и сколько ч[елове]к воровские самоеди на Обдорь приезжало, и о которое время, и сколько мешков твоих г[осударе]вых хлебных запасов взяли. И раненых служилых людей велел я, холоп твой, с[ы]ну боярскому Родиону Лихачову досмотрет. И с[ы]н боярской Родион Лихачев прислал ко мне на Березов сыск свои за знамены обысканных ясачных остяков. И в сыску обдорские остяки сказали, что приезжала на Обдорь воровская самоедь роду Карачей Харва да Вена да Мауня, да роду Адоров самоедин Тутида, да зят ево Харвин роду Лохеев с товарищи. И к служилым людям к ызбе

приступали и ранили служилых людей четырех ч[елове]к, и твои г[осударе]в хлеб имали, а сколько ч[елове]к все воровской самоеди приезжало тово де они ясачные люди не ведают. И с[ы]н боярской Родион Лихачов приехав сказал то ж, что четырех ч[елове]к служилых людей самоед ранили. Да в н[ы]нешнем же г[осуда]рь во 152-м году весною приезжали к обдорскому к лутчему остьюк х князцову Мамрукову с[ы]ну Молику иная воровская ж самоед, и убили у остьяка у Молика до смерти с[ы]на. Да и вперед де г[осуда]рь та ж самоед грозят Березовскому уезду, Обдорским, да Куноацких, да Ляпинских волостей ясачным остьюком убивством и грабежем. А посылат

Л. 339а. г[осуда]рь мне за тою самоедоу з Березова // служилых людей неково, потому что в летнее время, о которую пору самоеди искат, березовские служилые люди живут на твоих г[осударе]вых службах в Тоболску для сплавки хлебных запасов, и на Кыртаской и на Собской заставах, и для ясачного збору в волостех, и на Березове у всяких твоих г[осударе]вых дел, а досталные служилые люди у твоеи г[осударе]вы казны и в остроге на карауле.

Л. 337 об. Резолюция Сибирского приказа: "Г[осуда]рь слушал отписки и указал писати в Тоболеск к воеводам ко кн[яз]ю Григорию Куракину с товарищи, а велел на самоед воровскую, которые его г[осударе]вы казны грабили и служилых людей до смерти побивали, и в прошлом во 152-м году уже воровством на Обдор приходили и у служилых людей ево, г[осударе]в, хлеб грабежом поимали, и служилых людей ранили, и Моликова с[ы]на до смерти убили послат тоболских и березовских служилых людей сколько ч[елове]к пригож, смотря по тамошнему делу, из тех воров пущих воров погромит и привести в Тоболеск за их воровство ч[елове]к двух или трех повесит, чтоб на то смотря та воровская самоед

Л. 338 об. на Камен и на реку на Обь вороват унялася // служилых людей с ево г[осуда]ря ясачною казною и хлебными запасы, и торговых всяких и промышленных людей не грабили и до смерти не побивали, а что мяжкие рухляди и хлебных запасов та воровская самоед поимали, про то по прежнему указал г[осуда]рь сыскиват, а сыскав на тех людей взяв прислат к себе, ко г[осуда]рю, к Москве в Сибирской приказ".

Адрес: "Г[осуда]рю, ц[арю] и великому кн[яз]ю Михаилу Федоровичу всеа Руси".

Помета: "153 ноября в 19 де[нь] подал березовской с[ы]н боярской Федор Игнатов".

РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 337-337-а. Подлинник.

Н 3. 1657 г., июнь. Челобитная новокрещенного отставного казака Григория Ваюсева о поверстании его сына в казаки по Березову.

Л. 58. Ц[арю], г[осуда]рю и великому кн[яз]ю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу и г[осуда]рю ц[аревичю] и великому кн[яз]ю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии бьет челом холоп ваш Березова города новокрещен отставленой казак Гришка Ваюсев. Из давних г[осуда]ри лет, при блаженные памяти при прежнем г[осуда]ри ц[аре] и великом кн[язе] Василе Ивановиче всеа Руси, а на Березове при воеводе, при кн[язе] Петре Ахамошуквиче Черкасском была на Березове, Березовского уезда в ясачных людех, в остьяках

шатость великая, хотели они, те остяки всех волостей, Березов город и острог выжеч, а воеводу и служилых людей хотели побит всех без остатку. И я, холоп в[а]ш, в те поры, не хотя такова дурна и православного хри[с]стьянства в погибели видети, проведаль у ясачных остяков и у отца своего Ваюся такое заводное воровское умышление, сказал на Березове воеводе кн[яз]ю Петру Черкасскому, что в остяках и отца моего шатость и измена велика. И воевода кн[яз]ь Петр Черкасской послал з Березова служилых людей в Березовский уезд в волости взят лутчих людей остяков по княз Василю Обдорскому и по с[ы]на ево, по княз Молика, и по иных лутчих людей из Коды и иных волостей, и по отца моего. И те ясачные люди по моему извету, кн[яз]ь Василии Обдорской с товарищи и от[е]ц мой, на Березов привезены были, и в том их воровском заводном деле, в ымене роспрашиваны и пытаны, и в роспросе и с пыток во всем против моего извету винились. И те остяки, лутчие люди — обдорской кн[яз]ь Василии с товарищи и от[е]ц мой, и за их измену на Березове перевешаны двенатцет ч[елове]к. А я, холоп в[а]ш, за ту

Л. 59. службу // к вам, г[осуда]рем, и за извет на остяков и на отца моего был пожалован, и поверстан в в[а]шу г[осударе]ву в казачю службу и в православную хрестьянскую веру крещен, и в казаки поверстан. И служил я, холоп в[а]ш, вам, г[осуда]рем, на Березове болши дватцати лет в казаках, и в прошлом г[осуда]ри во 137 году бл[а]ж[ен]ные памяти при отце твоем г[осударе]ве, при великом г[осуда]ре, ц[ар]е и великом кн[язе] Михаиле Федоровиче всеа Руси, меня, холопа в[а]шего, на Березове воевода кн[яз]ь Михаил Белоселской за старость отставил. А н[ы]не г[осуда]ри у меня, холопа в[а]шего, в в[а]шу г[осударе]ву службу поспел с[ы]нишко мой, Купрюшка, и поверстан был при воеводе, при Сергее Малово, внов в казаки, а н[ы]не де по в[а]шему г[осударе]ву указу новиков, которых верстал на Березове воевода Сергей Малово, ис казаков велено выметать. М[илосер]дныи г[осуда]рь, ц[ар]ь и великий кн[яз]ь Алексей Михайловичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец и г[осуда]рь ц[аревич]ь и великий кн[яз]ь Алексей Алексеевичь всеа Великия и Малыя и Белья Росии, пожалуйте меня, холопа своего, за прежнее к вам, г[осуда]рем, службишко, велите г[осуда]ри быт сынку моему в своей г[осударе]ве службе, в казаках, на Березове по прежнему, чтобы мне, бедному, з женишкою и з детишками в[а]шим г[осударе]вым жалованем с[ы]нишка моего окладом прокормитца и голодною смертию не умерет. Ц[ар]ь, г[осуда]рь и великий кн[яз]ь...

Л. 58 об. К сей челобитной вместо новокрещенова Гришки Ваюсова по ево велению Васка Романов руку приложил.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 505. Л. 58-59. Подлинник. Датируется по отписке воеводы. (Там же. Л. 57).

*Н 4. 1751 г., января 20. "Репорт" (рапорт) березовского за-
казчика протопопа Андрея Васильева сибирскому
митрополиту Сильвестру об освящении церкви во имя св.
Василия Великого в Обдорске и полученной из Сибирской гу-
бернской канцелярии утвари для церкви.*

Л. 46. Великому господину преосвященному Силвестру митрополиту Tobолскому и Сибирскому из града Березовского ду-ховного заказу от закащика протопопа Андрея Васильева

Покорнейший репорт.

По данной мне за власною вашего преосвященства рукою декабря от 3 дня прошлого 1750 года благословенной грамоты велено вновь построенную Березовского ведомства в Обдорском городке казенным ея императорского величества коштом церковь во имя святого Василия Великого врученным мне от вашего преосвященства святым антимином по надлежащему чиноположению освятить и отправить в ней Божественную службу. Токмо пред освящением смотреть, чтоб престол в ней был построен в указную меру. Тако ж и посланную от Сибирской губернской канцелярии в Березовскую канцелярию для отдачи в помянутую церковь по приобщенному при оной грамоте реэстру церковную утварь взяли. Она в получении и в отдаче есть, оное обще тоя церкви со священником, с причетники свидетельствовать и учинить

Л. 46 об. всему тому // надлежащую опис за общими нашими руками, хранит во оной церкви, а такую ж прислат до вашего преосвященства за руками при репорте.

И по оной вашего преосвященства благословенной грамоты упомянутая в Обдорском городке церковь во имя святого Василия Великого врученным мне святым антимином по надлежащему чиноположению генваря первого дня сего 1751 освящено. И посланная от Сибирской губернской канцелярии в Березовскую воеводскую канцелярию для отдачи во упомянутую церковь церковная утварь по свидетельству моему тоя церкви со священником Федором Кузнецовым явилас в приеме сходственно, а что чего порознь принято прилагаю при сем имянной за общими нашими руками реэстр. Вашего преосвященства нижайшим послушник протопоп Андрей Васильев.

Генваря 20 дня 1751 году.

Л. 47. Реэстр приемной из отправленной от Березовской воеводской канцелярии в новопостроенную Обдорского городка в Василиевскую церковь церковной утвари.

Святых образов.

Христа Спасителя межвратной.

Чюдотворца Николая.

Христа Спасителя Царя Царствующих.

Двунадесятых Господских и Богородиевых праздников.

Царские и двои малые, южные и северные, врата с написанием образов святых. На царских — архистратига Гавриила и четверых евангелистов, на малых — Стефана и Лаврентия архидиаконов.

Распятие Господне.

Христа Господа источающего из ребра пречистую кровь свою.

Два креста напестолные. Один — медной под серебром, а другой деревянной.

Напестолного одеяния.

Срочица белого и тонкого полотна. Одеяние голевое, покров голевой же. Три перемены воздухов штофных. Голя доброго три четверти под святой антимином.

Святые облачения.

Четыре перемены риз с подризниками и епитрахиями, поручами и с понками.

Два кадила медные. Два подсвешника железные.

Водосвятная чаша медная.

Книг новоисправных, дестевых.

Евангелие на престолное в надлежащей оправе.

Апостол.

Двенадцат Минеи месячных.

Устав.

Два Октоиха.

Требник. — Вместо одного прислан Требник четвертной.

Псалтырь со следованием.

Триодь цветная.

Триодь покаяная.

Евангелие воскресное толковое.

Год Прологов.

Полудестевых.

Служебник Ирмологии.

Псалтырь.

Четвертных.

Часослов.

Требник.

Малой Катихисис.

Скрепки: "Закашик протопоп Андрей Васильев, священник Федор Петров".

ТФ ГАТЮО. Ф. 156. Оп. 1. 1746 г. № 30. Л. 46-47.

Подлинник.

Н 5. 1767 г., июля 9. Письмо сибирского губернатора Д.И.Чичерина брату, генерал-полицмейстеру и сенатору Н.И.Чичерину о посылке в Москву депутатами в Уложенную комиссию князьев Обдорской и Куноватской волостей Березовского уезда Матвея Тайшина и Якова Артанзиева.

Л. 123. Братец, [госуда]рь мой Николай Иванович!

Паехали от меня два принца дипломированные даже от царя Годунова и далее на княжество — один Обдорской, а другой Куноватской Березовского ведомства, кочующие к самому северному океану по устьям реки Оби. Выезд их по силе манифеста о депутатах, однако ж, ни нужды, ни павренности, ни чего при себе не имеют. А только меня спросили: ездит ли ГОСУДАРЫНЯ по улицам? И как им сказано, что изволит выезжать, то упав в ноги про-

Л. 123 об. силы, что б я их конечно отправил. // Желание их в том, что б в проезд увидеть ГОСУДАРЫНЮ. И повезли в подарок шесть лисиц черных, и дипломы с сабою повезли ж объявить у вас: пушай де узнают, что мы князья, а не подлые. Не могу братец изъяснить сколько здешние дикие народы искренности и верности имеют К ГОСУДАРЫНЕ, и как освящают все то, где указ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ написан. И так принужден, когда в дикие улусы указы пишу, прописывать ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ, как туда доидет, сходятца великими толпами с женами и детьми, целуют губами и лбом написанное ИМЯ и малинких детей прикладывают, и тот день, когда в указе им ИМЯ ГОСУДАРЫНИНО упомянуто, — великое торжество. Вот что сделала МИЛОСТЬ ГОСУДАРЫНИНА

Л. 124. учреждением // по ясашной комиссии, что они покойнейшею жизнью доставлены. Вы найдете в сих моих принцах двух диких зверков: странным видом, странным и одеянием. ПО

ИМЯННОМУ указу велено их, ежели полной ясак заплотют без доимки, дарить. Почему и подарил я их по сукну, и зделали себе платье своим покровом: знаю, как пойдут в Москве по улицам, запрут проезд. И дядку с ними я послал. Как ГОСУДАРЬНЯ изволит обо всех подробностях любопытствовать, то кажется не излишнее вам при случае об них донести, может быть не будет ли СОИЗВОЛЕНИЕ их видеть. Я за своих принцов ручаюсь, што не ударят себя лицом в грязь: фигуру сделают при дворе не хуже французских, а особливо танцевать и песни петь: не италианцам вашим чета. В протчем братец пожалуй их, приласкай и не аставь, а особливо квартерю их снабди, по их дикости не могут наитить места.

Ваш верный брат и Денс Чичерин.

ч[исла] 9-го июля

1767 года,

Тоболск.

РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 35. Л. 123-124. Подлинник.
Сохранено выделение имени императрицы как в оригинале.

№ 6. 1767 г., октябрь. Приговор Сената о поднесении Екатерине доклада о подтверждении жалованных грамот на княжеское достоинство князьям Обдорской и Куноватской волостей Березовского уезда Матвею Тайшину и Якову Артанзиеву с их потомством.

Л. 406. 1767 года октября... дня в собрании Правительствующему Сенату докладывано, что по имянному ея императорского величества высочайшему указу объявленному сентября 4 от господина генерала-поручика, сенатора, генерала-полициimestера и ковалера Николая Ивановича Чичерина повелено: по всеподданнейшему прошению Сибирской губернии Обдорской и Куноватской волостей остяцких князей Матвея Тайшина и Якова Артанзиева о подтверждении им жалованных от прежних государей грамот Сенату, приняв оныя, рассмотреть, и есть ли найдутся какие-либо сомнения или заподлинно невозможно утвердить действительно ли они потомки тех князей, коим грамоты пожалованы, то взять о сем осведомление от сибирского губернатора и выправится с делами бывшего Сибирского приказа, равномерно ж и о том, не было ль на оныя в послелюция правления от государей подтверждения, и доложить ея императорскому величеству. Правительствующий Сенат, рассматривая приложенныя при том высочайшем указе жалованныя грамоты и данныя Артанзиеву из бывшего Сибирского приказа, а Тайшину из Березовской воеводской канцелярии указы, приказали: ея императорскому величеству поднести всеподданнейший доклад, в котором представить, что означенныя грамоты жалованы были от прежних

Л. 406 об. государей // предкам оных Тайшина и Артанзиева: в 7094-м — Куновата города князю Лугую, в 7109-м — князю Мамруку Васильеву сыну, в 7114-м — ему ж князю Мамруку, в 7187-м — князю Гынду Моликову, из которых по взятым от них, Тайшина и Артанзиева, родословным росписям значит, что князь Лугуй Артанзиеву прапрадед, и князи Мамрук Васильев Тайшину пращур, а Гында Моликов прадед родные, во свидетелство чего представленному Артанзиеву из Сибирского приказу в 1753-м, а Таишину в 1761-м годах из Березовской канцелярии в подт-

верждение помянутых жалованных грамот даны указы за печатями. От описи ж бывшего Сибирского приказа дел показано, что кроме вышеписанного о поновлении грамот других дел не оказалось. Почему Правительствующий Сенат, имея о их происхождении от предписанных князей подлинные доказательства, в названии их князьями никакого сумнения и не находит. И для того, не соизволит ли ея императорское величество означенным остяцким князьям Якову Артанзиеву и Матвею Тайшину в подтверждение упомянутых данных предкам их

Л. 407. жалованных грамот всемилостивейше пожаловат внов // грамоты ж и за смертью из них Тайшина сделать наследникам его.

Г. Петр Салтыков.

Граф Петр Панин.

Николай Чичерин.

Адам Олсуфьев.

Кн[я]зь Иван Вяземской.

Пометы: на Л. 406 - "исполнян"; на Л. 406 об - "чтено"; на Л. 407 - "подписан 2 ноября 1767", "надворный советник Николай Мотонин", "о подаче доклада о подтверждении сибирским князьям Артанзиеву и Тайшину жалованных грамот", "секретарь Иван Рослов", "с сего определения в герольдию копию принял копист Иван Петров"

РГАДА.Ф.248.Д.3775.Л.406-407.Подлинник.

И.В.Побережников

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (XVIII в.)

Базовой характеристикой народной политической культуры XVIII в. являлся монархизм — представление о самодержавном строе как об идеальном; сакрализация государя; восприятие монарха как отца-«батушки», строгого, но справедливого в отношении к своим «детушкам» — крестьянам, казакам, заводским рабочим; отождествление собственных интересов с интересами царскими. Вместе с тем народный монархизм существенно отличался от официального эталона. Народная политическая культура допускала, в частности, противопоставление правящему самодержцу другого — более «истинного» и «справедливого», но в силу каких-то прикровенных дворцовых интриг вынужденного оставить престол и скрываться. Идеализация покойного государя могла сопровождаться неприязненными высказываниями в адрес ныне царствующего. Подобные случаи описываются документами № 1—2 нашей публикации.

Известно, что в конце 1740-х — 1760-е годы в народной среде циркулировали смутные слухи о том, что в 1730 г. вместо императора Петра II был погребен другой человек; самого же государя — отнюдь не умершего — князя Долгорукие и другие «злые бояре» увезли за море (в Италию), где и заточили: в столп, в стену, в палатку. Легенда распространялась в Вологодском, Пошехонском, Юрьевском, Костромском, Балахнинском уездах, на Урале, в Восточной Сибири (в Киренском монастыре). В 1764 г. в Нижегородской губернии даже появился самозванный Петр —

в действительности однопорец из Кром Иван Михайлов (или Иев Евдокимов)¹. Нам удалось обнаружить более ранний вариант хождения социально-утопической легенды о царе-"избавителе" Петре II (см. документ № 2). В 1736 г. ссыльный Афанасий Охлеста произнес "слово и дело" на другого ссыльного же Василия Тимофеева. По словам Охлесты, В.Тимофеев в присутствии Охлесты и ссыльного М.Колобова говорил на Алапаевском заводе следующее: "Второй де Петр Император жив и обретается на Дону у казаков. Также де и Перваго Петра Императора не было семь лет, а потом воц[а]рился". В.Тимофеев первоначально отрицал обвинение целиком, однако затем признал, что определенные разговоры по поводу Петра II велись. По версии В.Тимофеева, дело обстояло так. В тюрьме Алапаевского завода ссыльный Стефан Васильев якобы рассказал такую историю: "Я де был в Астрахане, и тут приехал с войском светлейший кн[я]зь и пошел в гости к губернатору, и губернатор стал его спрашивать о имяни; и светлейший кн[я]зь за то хотел его кортиком сколот, что де тебе дела о имяни спрашивать; и тут де другие господа сколоть не допустили". На вопрос Василия о возрасте "светлейшего князя" С.Васильев отвечал, "что де молод и весел з глаз". Якобы именно после этого В.Тимофеев сказал: "Не второй ли де Петр Император жив, что не велит спрашивать". Кроме того, В.Тимофеев в дополнение сообщил о слухах, ходивших в солдатской среде по поводу Петра I. Образ Петра Великого идеализируется: Он "чины все производил, также и потом стал все нужды знать"².

Другое "секретное" дело возникло в 1736 г. на Алтае в связи с критической характеристикой ссыльным Василием Марковым императрицы Анны Ивановны: "Н[ы]не де бабье дело; императрица ничего не знает, а заведает все судьи, и в народе стало худо". Антимонархические настроения вообще были распространены в 1730-е гг. Так, в 1739 г. рязанский крестьянин Герасим Истомина отказался выпить за здоровье Анны Ивановны, объясняя это тем, что "...я де про бабье здоровье пить не стану, у нас де ныне на царстве царя нет, а баба де что знает, у бабы де волос долог, да ум короток... она де нас разоряет". Очень откровенно высказался по поводу Анны Ивановны крепостной крестьянин Темниковского уезда М.Тимуков: "Какая де она царица, ее де бабье дело, собака де она не Анна Ивановна, взяв бы де ее тут же изрубил". Проанализировав антимонархистские заявления крестьян 1730-х гг., П.К.Алефиренко резюмировала: "Основное нареkanie среди крестьян вызывали несправедливые действия судей, так как последние, по мнению крепостных, должны были защищать их от произвола крепостников, чего они, однако, не делали. Интересно отметить, что крестьяне наивно объясняли преступные действия судей и чиновников тем, что царствовали женщины, лишённые, по их мнению, способностей для такого большого и ответственного дела, как управление государством. Это настроение было довольно широко распространено среди крестьян. Особенно непопулярны были Анна Ивановна и ее правительство. Крестьяне ругали императрицу "канальей", "собакой" и другими "непочтительными" словами³. В случае В.Маркова критика царствовавшей государыни сопровождалась явной идеализацией Петра I: "Первой де Государь император Петр был старовер — и для того де он долго жил на царстве; его де народом любили — и было добро"⁴.

Следствие по делам В.Тимофеева и В.Маркова проводил на

месте — на Урале — начальник канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов В.Н.Татищев. Заметим сразу, что Василий Тимофеев так и не дождался его окончания: не выдержав многочисленных пыток — дыбы, кнута, жжения огнем, — он скончался 7 декабря 1736 г. в тюрьме. На основе татищевских "экстрактов" по секретным делам в Тайной канцелярии была составлена выписка. 20 мая 1737 г. присутствовавшие в Кабинете Ея императорского величества господа министры и начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков вынесли окончательный приговор по делам. Доноситель А.Охлеста был приговорен к отсечению головы за то, что ответчик В.Тимофеев так и не признал до смерти всех предъявленных ему обвинений, а также за то, что Охлеста произнес "слово и дело" не сразу, а по прошествии определенного времени. Свидетель по тому же делу М.Колобов, менявший в ходе следствия свои показания, был приговорен к наказанию кнутом, урезанию языка и каторжным работам навечно. Извет по второму делу — В.Маркова — был признан справедливым, вследствие чего В.Марков был приговорен к отсечению головы. Указы из канцелярии тайных розыскных дел о учинении казни В.Н.Татищев получил лишь 2 июля по дороге из Екатеринбурга (Екатерининска) в Самару. Приговоры были приведены в исполнение⁵.

Слухи о Петре III — "избавителе", как известно, не прекратили циркулировать в народной среде сразу же после казни Петра III — Е.И.Пугачева; они продолжали распространяться и во второй половине 1770-х и в 1780-е гг. Публикуемый ниже документ №5 повествует о подобных слухах, бродивших в среде российской среднеазиатской (в "Ташкинии", "Ташкинской стороне") диаспоры в начале 1780-х гг. Некий ссыльный казанский поп Алексей Иванов, возможно, бывший участник Пугачевщины, сделавший вполне успешную карьеру в Бухарском ханстве (стал "муллой"; завел гарем из 6 жен), со ссылкой на русского же человека "Гришку" сообщает россиянину посельщику С.Калинину, "будьто бы тот бывшей император Петр Федорович жив, в Ташкинии". С.Калинин, по его собственным словам, не поверил священнику-мулле. Однако, едва очутившись в российской стороне, в Семипалатинской крепости, С.Калинин, "напився пьян", начинает задавать вопросы сержанту Федоровскому о Петре Федоровиче: "Нет ли ево в Ташкинской стороне?" Документы №6 и 7 также связаны с циркуляцией слухов о "Петре III". В конце июля 1789 г. в Камышинскую комендантскую канцелярию явился человек, называвший себя запорожским казаком Тимофеем Сергеевым сыном Метлиным. Затем "казак" стал называться не запорожским, а яицким. Наконец, 6 августа уже в канцелярии генерал-губернатора Воронежского и Саратовского генерал-поручика В.А.Черткова "казак" признался, что в действительности он беглый крепостной князя П.М.Волконского из Симбирской губернии Тимофей Сергеев сын Грошев. Давая показания, Т.Грошев первоначально оговорил атамана Уральского казачьего войска и казачьих старшин в подготовке заговора против государства с использованием имени "Петра III". Обвинение оказалось ложным. Затем последовал фантастический рассказ о 200-тысячном корпусе "Петра Федоровича", который якобы дислоцируется в киргиз-кайсацкой степи на р. Эмбе. Военное и гражданское начальство не очень поверило в правдивость показаний Т.Грошева. Тем не менее караулы были

усилены, в сторону р.Эмбы была организована специальная разведывательная миссия - конечно, "Петра III" не нашли. Но данное разглашение во многом совпадает с прочими слухами, циркулировавшими в России в 1770-е — 1780-е гг. Согласно этим слухам, "Петр III" со своей "силой" располагался то у Черного моря, то на Дону, то в Оренбургском ведомстве, то в Средней Азии и Казахстане, то возле Усть-Каменогорской крепости⁶. Можно предположить, что Т.Грошев, конструируя собственную версию, использовал слухи, которые носились в народной среде. Уникальность разглашения Т.Грошева заключалась в том, что он пытался детализировать описание "силы" "Петра Федоровича" — случай редкий в истории распространения социально-утопических легенд об "избавителях". Нам известно, пожалуй, еще единственное описание "силы" "избавителя", принадлежащее сибирскому самозванцу П.Е.Хрипунову-Головенко, разглашавшему, кстати, тоже в 1780-е гг. По рассказам Хрипунова, "сила" формировалась из донских и запорожских казаков, а также из солдат; при "государе" служили одетые в немецкое платье офицеры и иностранные волонтеры; у "Петра III" имелось около 15 орудий; армия жила зимой в больших казармах, а летом в палатках; сам же "государь" обитал в горнице, охраняемой пешими казаками с ружьями⁷. Описание корпуса "Петра III" Т.Грошевым выглядит менее эффективно: "При моем самозванце находится людей русских сот до двух, живут на острове в шалашах из камышу поделанных, вооруженные ружьями, саблями и копьями. И при палатке две медные небольшие пушки. Где будучи, слышал он, Грошев, что тот самозванец намерен будущего 1790 года осенью, умножа силу, войти ночью в Оренбург".

Вера народа в справедливость государя сопровождалась недоверием к местной администрации, что, в свою очередь, порождало надежду на "милостивый" царский указ, вмешательство непосредственного царского посланника. Подобная надежда создавала благоприятную почву для появления нецарственных самозванцев. Такой самозванец появился в 1765 г. — "сенатский фурьер" Михайло Ресцов, в действительности чебаркульский казак Ф.И.Каменщиков-Слудников. В 1761 г. казак Каменщиков подал жалобу на старшин, обвиняя их в злоупотреблении властью. Следствие по жалобе велось долго — в конце концов самого жалобщика наказали плетью и посадили в тюрьму в Троицкой крепости. К заключенному стали обращаться приписные крестьяне Масленского острога и Барневской слободы, вотчины Далматовского Успенского монастыря с просьбами о помощи против заводчиков и духовных властей. В апреле 1765 г. с помощью крестьян Ф.И.Каменщиков-Слудников бежал из тюрьмы, пробрался в Далматовскую вотчину, а затем под именем "сенатского фурьера" появился в с.Охлупневском ведомстве Масленского острога, где возглавил крестьянское волнение. Не публиковавшиеся ранее документы №3 и 4 содержат новые сведения о контактах между Каменщиковым и крестьянами накануне побега, а также об обстоятельствах самого побега и самозванческой эпопеи чебаркульского казака⁸.

Публикация подготовлена в соответствии с "Правилами издания исторических документов в СССР" (М., 1990). Все даты приводятся по старому стилю. Документы озаглавлены составителем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 130-132; Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 63-64.
2. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 475. Л. 25-27 об.
3. Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30 — 50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 300-308.
4. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 475. Л. 28-28 об.
5. Там же. Л. 29, 32-39 об.
6. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические ... С. 174-185; Побережников И.В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. Новосибирск, 1989. С. 14-16.
7. Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. С. 97.
8. Дело о самозванце Ф.И.Каменщикове-Слудникове. Екатеринбург, 1992.

№ 1. 1736 сентября 25. Доношение начальника Канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов В.Н.Татищева императрице Анне Ивановне о следствии по секретным делам.

(Л. 23). Ея Императорскому Величеству всемилостивейшей г[осу]д[а]р[ы]не самодержице всероссийской

Всеподданнейшее доношение.

Здесь явились некоторые плуты ис колодников по секретным делам по 1-му пункту, которыми по указу Вашего Императорского Величества я следовал и розыскивал. И оные явились в поношении вашего императорского величества. И те дела к окончанию приведены, ис которых учиня краткой экстракт, всеподданнейше при сем посылаю. И прошу Вашего императорского величества о всемилостивейшем указе, что с оными ваше императорское величество учинить повелит.

Вашего императорского величества всемилостивейшей г[осу]д[а]р[ы]ни всенижайший слуга.

В.Татищев

Сент[ября] в 25 де[нь] 1736.

Екат[еринбург]

РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.475. Л.23. Подлинник.

№ 2. Не позднее 25 сентября 1736 г. Экстракт из роспросных и пыточных речей по секретным делам по 1-му пункту.

(Л. 25). 1. Присланных из Алапаевского завода ссыльных Афонасей Охлесты с товарищчи.

Маия 21 числа 1736-го присланным доношением из Алапаевской заводской канторы управитель Калачев объявил, что ссыльной Афонасей Охлеста 4 числа в ночи в 6 человеках с того Алапаевского завода бежал и, будучи в том побеге, учинил с прочими грабеж и две татбы, а на третьей 7 числа пойман. И после роспроса сказал за собою слово и дело г[осу]д[а]р[е]во, по которому суда оного 21-го числа и прислан. А здесь об оном показал, что знает слово и дело такое. В бытность ево в Алапаевском заводе в тюрьме сказывал ему ссыльной же Василий Тимофеев: "Второй де Петр Император жив и обретается на Дону у казаков". А

зачем — того не сказал. "Также де и Перваго Петра Императора не было семь лет, а потом воц[а]рился". И как те слова говорил, при том был ссыльной же Матвей Колобов. И оные де Тимофеев и Колобов остались в Алапаевском заводе.

И потому для взятъя и привозу оных суда под крепким караулом послан туда нарочной того ж числа.

24 числа оной посыланной, возвратясь, объявил, что оных ссыльных привез, токмо из них Василей (Л. 25 об.) Тимофеев дорогою перерезал топором себе горло, которой топор положил в деревне ямщик для починки дорогою телеги. Но привезен жив. И как зашили, спрашиван и сказал, что таких слов Афонасею Охлесте не говаривал и на Матвея Колобова в том шлется.

Того ж числа Матвей Колобов сказал, что между собой оные Охлеста с Тимофеевым какие слова о [осу]д[а]рях Первом Петре и Втором Императорах говорили ль, не слышал.

Того ж числа Матвею Колобову с Афонасьем Охлестой дана очная ставк[а], на которой показали, а имянно.

1. Охлеста сказал, что те слова подлинно слышел.

2. Колобов сказал, как те слова говорил Василей ему, Охлесте, как от него, Охлеста, показано в доносе, подлинно слышел, а перво де не сказал бояся розыску.

Того ж числа оной Колобов пытан и сказал: Василей Тимофеев на Алапах говорил, что Первой де Петр Император не был в Москве 7 лет и ц[а]р[и]цу де брюхатую сослал в м[о]н[ас]т[ы]рь; и как родила с[ы]на, то де ево сослали на дон — и Петр де Второй Император на Дону уже; а болше того не говорил. Дано ему 10 ударов.

31 числа Матвею Колобову с Васильем Тимофеевым дана очная ставка, на которой показали.

Колобов сказал против последнего своего роспроса, а болше де не слышал.

Тимофеев сказал, что тех слов, как Колобов и Охлеста показали, не говаривал, токмо говорил, (Л. 26) сидя в тюрьме в Алапаевском заводе к словам ссыльного Стефана Васильева, которые он говорил, а имянно: я де был в Астрахане, и тут приехал с войском светлейший кн[язь] и пошел в гости к губернатору, и губернатор стал ево спрашивать о имяни; и светлейший кн[язь] за то хотел ево кортиком сколоть, что де тебе дела о имяни спрашивать; и тут де другие [оспо]да сколоть не допустили. И он, Василей, ево, Стефана, спросил: каков он собою — молод или стар. То он сказал, что де молод и весел з глаз. И Василей сказал: Не второй ли де Петр Император жив, что не велит спрашивать. А и о первом де Петре Императоре у старых салдат он, Василей, слышал, что чины все происходил, также и потом стал все нужды знать, а болше того ничего не говорил. И как те слова говорил, при том оные Колобов и Охлеста были.

Колобов сказал: В тюрьму к нему Василью и другим ходил, токмо он, Василей, те слова говорил ли, не слышал.

Охлеста сказал, что с ним, Васильем, в тюрьме на Алапаевском заводе сидели, а как те слова, которые он показал на очной ставке, говорил с Степаном Васильевым, не слышал.

Августа 21-го числа оные Тимофеев с товарищ[и] пытаны и с пытки показали.

Тимофеев утверждался на том, как в очной ставке сказал. Дано ему 36 ударов.

Колобов сказал, что таких слов от него, Тимофеева, не слышал. А что прежде сказал напрасно — испужавшись. Дано 18 ударов. (Л. 26 об.) Охлеста утверждался на прежних своих словах, что подлинно от него, Василья, слышел. Дано 27 ударов.

26 числа свидетель Колобов в третьей раз пытан и сказал, что он в прежнем роспросе показал о ц[а]р[и]це брюхатой и пр[очее] — оное затеял на себя напрасно и таких слов ни от кого не слышал. Дано ему 29 ударов.

28 числа Василью Тимофееву с доносителем Афонасьем Охлестой в застенке дана очная ставка, которые с пытки показали, а имянно.

Тимофеев сказал против первой очной ставки. И оной де Стефан Васильев, котораго к словам те речи говорил, остался от нево в Алапаевском заводе в тюрьме. А на хлеве вместе с ним, Охлестой, и Колобовым не бывал. И колобову таких слов, что хозяин де с[ы]на своего бранит, а тебе де, Матвей, наветки (ветошь, поношенная одежда — Прим. сост.) дает, чтоб ты шел навоз возить, — не говаривал. И хворой на другом хлеве был ли и как зовут — не знает. Дано 40 ударов.

Охлеста сказал против первого своего доноса, что подлинно от него, Василья, те слова слышел в то время, как вышли ис тюрьмы и сидели на хлеве при Матвее Колобове. И после де тех слов он, Матвей, как хозяин с[ы]на своего стал бранить — для чего де долго лошади к воске из двора навоза не впрагал. И на оное ему, Колобову, Василей Тимофеев сказал: Тебе, де, Колобов, наветки дает, чтоб ты шел навоз возить. И он, Колобов, с того от них пошел и навоз стал возить. При том же на другом хлеве саженьях в 10-ти лежал хворой колодник Антон, а чей (Л. 27) не знает и слышел ли те их слова — не знает же, ибо он, Антон, весьма был болен. Дано 35 ударов.

Колобов сказал: На хлеве с ними, Тимофеевым и Охлестой, бывал не один раз, токмо таких слов от Тимофеева не слышал; и хворый колодник на другом хлеве лежал в красные дни всякой день и остался от него хвор. От Тимофеева таких речей, что с[ы]на де хозяин бранит, а тебе де наветки дает, чтоб ты шел навоз возить — не слышал; и навозья возил из двора до обеда, а вместе сидели перед вечером.

Сентября 7 числа Афонасей Охлеста вторично за собою слово и дело [посу]д[а]р[е]во сказал, такое, что в прошлом 1734 году в вешнее время ходил он, Афонасей, Нижегородской губернии с городецким жителем — посадским человеком Васильем Петровым сыном Кошкиным (которой Городец от Нижнева 30 верст) — из Нежнева в Ярославль на хлебном судне в работе. И, поворотясь, пошли с ним в дома. И, будучи у него в Городце в доме ево, жил дни с три. Показывал он ему, Афонасью, как делают д[е]нги малые оловянные копейки. И при том же и чеканы старых полушек. И оными не делает. А делает оные копейки у себя под избой в погребе. И кладет те чеканы и денги в том погребе в стене за каменья и замазывает глиною. Зделанные же д[е]нги, от[ъ]ехав, в других городех употребляет на всякую покупку. И его после того он, Афонасей, не видал. И о том прежде сего никому не доносил затем, что он, Василей, при показании онаго ево страсчал: что ежели де про то кому скажешь, то де жив не будешь. И более донести кроме того (донести не знает).

И потому в Нижегородскую губернию писано.

(Л. 27 об.) Сентября 9 числа определено на помянутой Алапаевской завод для взятъя и привозу суда ссыльных Стефана Васильева и хвораго Антона под крепким караулом послать на рочного салдата немедленно. По которому и послан того ж числа.

13 числа Алапаевского завода управитель Калачев объявил, что из ссыльных хворой Антон Макаров послан, а Стефана Васильева при том заводе не имеется, а послан с протчими на Томские заводы сего ж году мая 24 числа.

Того ж числа оной хворой Антон Макаров сказал: Что в тюрьме с ними, Васильем и Афонасьем, в Алапаихе сидел; и Василей Тимофеев с Охлестой и Колобовым во дворе на хлеве бывали ль, и что вместе говаривали ль — не упомнит за тем, что одержим был тяжкою болезнию; и о ꙗꙋсуд[а]рях блаженные памяти Петре Первом и Втором императорах говорили ль — не слышал.

15 числа Тимофееву с Охлестой вторично в застенке дана очная ставка, которые с пытки и зжения огнем показали.

Тимофеев утверждался против первых своих роспросов.

Охлеста также утверждался на прежних своих словах. И о хвором Антоне сказал: слышел ли он те слова — не знает. Причем спрашиван — как оные слова от него, Тимофеева, слышел, для чего о том вскоре не доносил, а доносил уже как сам пойман в побеге, грабеже и трех татбах. На оное сказал, что оное вскоре не доносил — в том виноват; токмо те слова от него, Василья, подлинно слышел. Дано им по 42 удара и зжены огнем.

Хворой Антон Макаров сказал: Как от них, так и от других никаких слов о их величествах блаженные памяти не слышал.

(Л. 28) 2. Присланных ис Томскаго горнаго началства колодников ссыльных Михаила Алексеева с товарысчи.

Сего 1736-го году иулия 25 числа в присланном доношении ис Томскаго горнаго началства объявлено, что ссыльной Михайло Алексеев при допросе о умышлении к побегу сказал за собою слово (и дело) ꙗꙋсуд[а]р[е]во по первому пункту, а знает оное за ссыльным Васильем Марковым; и по тому делу свидетелем ссыльной же Алексей Володимиров, по которому оные роспрашиваны и показали.

1. Августа 26 числа доноситель Михайло Алексеев, что знает слово ꙗꙋсуд[а]р[е]во такое. Будучи на Колыванском заводе перед святою неделею на яме, ссыльной Василей Марков говорил: Первой де ꙗꙋсуд[а]рь император Петр был старовер — и для того де он долго жил на ц[а]рстве; ево де народом любили — и было добро; а н[ы]не де баб[ь]е дело; императрица ничего не знает, а заведает все судьи; и в народе стало худо. А говорил те слова при ссыльном же Алексее Володимирове. И они его за те слова бранили, что нехорошо врет, чего и слушать нелзя. А болте того не знает. И от других никого не слышал.

2. Василей Марков сказал: Памятуется ему, говорили Алексей Володимиров или Михайло Алексеев — подлинно не помнит, — толко де у нас пожил долгонко император Петр Первый, а эте де светы немношко поц[а]рствовали. А он, Василей, на те слова сказал: в старые годы по старой вере жили, а ныне по новой вере живут. И как те слова говорил, тогда о ꙗꙋсуд[а]р[ы]не императрице выше помянутых слов не было. А были такие слова перед масленицей в мясоед. И оное было в яме ж. И кроме

Алексея и Михаила при том других, кто б оное слышел, не было. И из оных, Алексей или Михайло, не упомнит, тут ево стали бранить, что де ты дурак, сукин с[ы]н, врешь, за то голову отсекут. (Л. 28 об.) И он, Василей, сказал: За что голову отсечь — никого не браню. И после того долго спустя в великой пост перед святою н[е]д[е]лею, будучи при машине, побранился он, Василей, с Алексеем, и в той брани Алексей сказал: добро де, помню я, что ты в яме говорил. А после того, идучи в яму с Михайлом, спрашивал, чем ему, Василью, грозит Алексей и на тебе де ссылается. И Михайло ему сказал: Помнишь ли де, что в мясоед говорил — то де худо очень ты говорил. А болше того ничего не бывало. И после того взяли его, Василья, с того, как он, Михайло, хотел бежать и по тому делу рспрашивали. И он тогда на него, Василья, показал, хотя про то яму никто и не сказывал — токмо он сам догадался с той брани и памятовал. От других же ни от кого таких противных речей не слышал. А сам что з глупа врал — в том пред Ея императорским величеством винен.

3. Свидетель Алексей Володимеров сказал. Как они были на руднике, и он работал с Михайлом Алексеевым, а Василей Марков с Архипом Якимовым, и Василей говорил о императоре Петре Втором: Что ездил на охоту — бог де ему не дал долгова веку. Да при том же говорил: Император де Петр Первый — бог ему век продлил для того, что де старины держался или старой веры (того подлинно он, Алексей, сказать не может для того, что бил молотом и не все выслушал). И те слова были зимю, а когда подлинно — не упомнит. И как Василей те слова говорил, то он, Алексей, сказал ему: Знал бы ты свое — бил молотом; что тебе такие слова говорить. А слышел ли то или нет — не знает, для того что он, Василей, ему на то ничего не сказал. И после того, как работали на машине все трое вместе, то оной Василей лениво работал и много говорил. И хотя не было никаких непристойных слов, токмо он, Алексей, ему говорил: Полно тебе, Василей, врать, и так ты уже много наврал. И как те слова о императорах слышел — доносить не смел, думал, что ему в том не поверят. А от других ни от кого таких слов не слышал.

Того ж числа доносителю Алексееву с Марковым же дана очная ставка, на которой показали.

1. Михайло Алексеев сказал: Чаёт, что те слова были в великий пост, а подлинно не упомнит.

2. Марков сказал, что подлинно не помнит — до масленой или в великой пост на первых н[е]д[е]лях.

3. Алексеев о словах про го[су]д[а]р[ы]ню императрицу сказал, что подлинно он, Василей, те слова говорил при Алексее. И как он те слова выговорил, то Алексей ево выбранил. И он болше ничего не стал говорить.

4. Марков сказал, что виноват — подлинно те слова говорил.

Того ж числа оной Марков пытан и сказал, что говорил те все слова з глупа, а з другими ни с кем не говорил. И от других никого не слышал. Дано ему 35 ударов.

РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.475. Л.25—28 об. Подлинник.

(Л. 373) Иваном де ево зовут Дмитриев сын по прозванию Пушкарев, от роду ему пятьдесят лет. В службе находился в Уфимском драгунском полку драгуном, ис которого и отставлен в прошлом 1764-м году в осеннее время. И в верности службы Ея Императорскому Величеству присягал и военной артикул ему читан был. И жителство он имеет Уйской линии в степной крепости, где имеет дом, жену и детей. А сего 1765-го году великого поста на страстной неделе просился он, Пушкарев, у градскаго той крепости командира подполковника Коверина, чтоб отпустить для собственных ево надобностей до города Казани, почему и отпущен был с пашпортом. И едучи в Казань, в Варламовой слободе в доме крестьянина Долганова, а как зовут, не знает, в то ж время был же показанной по сему делу чебаркулской казак Федор Иванов сын Слудников (Л. 373 об.) и Алтынной Глаз, которой содержался в Троицкой крепости под караулом. А что де он под караулом был и бежал, о том де ему сказывал сам. И подзывал ево, Пушкарева, чтоб с ним ехать в Петербург, объявляя ему, что де он едет для прозбы по ево делу за неполучением от Троицкой градской канцелярии удовольствия. И обещал ему за тое езду дать денег на месяц по рубли. А при том проговаривал, чтоб во первых с ним съездит Долматова монастыря х крестьянину Козме Мерзлякову. И быв они в той слободе Слудников у Долганова и он, Пушкарев, у разных людей три дни. И взяв он, Слудников, у Долганова две лошади, мерина соловаго, да жеребца серого, а пятен не упомнит, а за денги ль или без денег, про то не знает. И ехали они мимо Челябинской крепости по загороду, а в крепости ни у кого не были. И, приехав в Мияскую крепость, он, Пушкарев, во оной у казака Ипата, а чей пишется, не знает, начевал одну ночь. А оной Слудников, не начевав, поехав, сказал ему, чтоб дожидатся в Калматской Броде и ево бы тут доискался. И по начевании он, Пушкарев, приехал в Калматской Брод и оного Слудникова доискался в доме у крестьянина, а как зовут, не знает. И по приезде ево оной Слудников, не мешкав ни минуты часа, поехали обще. И дорогою он, Пушкарев, ево, Слудникова, спрашивал, как он ис Троицкой ушел, на что он сказал, что ис команды ево приезжали (Л. 374) драгун два человека и ходили об нем к полковнику Воейкову, чтоб ево отдал. Но он де, полковник, ево не дал. И оные драгуны якобы приходили к нему в тюрьму и велели, ежели де можно, выходить, почему он и ушел. И приехали на монастырской двор к вышепоказанному крестьянину Козме Мерзлякову, у которого были два человека Буткинских крестьян Семен, да Никита, а чьих пишутся, не знает. И начевали ночи с четыре. И один раз оной Слудников обедал той займки у пономаря, а как зовут и чьих пишется, не знает. И в то ж время он, Пушкарев, у него, Слудникова, спрашивал, с чем де он в Петербург едет, дабы им не было какой худости. На что он сказал, чтоб с ним еще ехал Усть Теченской деревни до крестьянина Дениса Жернакова, где он — зачем в Петербург едет — ему, Пушкареву, и объявить, а оттоль чтоб с ним ехать и в Масленскую слободу.

А у него де есть команда и товарищ генерал Дмитрий Васильев сын Волков. А между тем приехал ко оному Мерзлякову оной канцелярии роты салдат Алексей Фрушкин, которой с ними у Мерзлякова отобедав, и поехали все обще и оной Мерзляков. Приехав в Устьтеченскую деревню в дом к вышеписанному крестьянину Жернакову, где салдат Фрушкин, отобедав, уехал в Долматов монастырь. А он, Пушкарев, с показанным Слудниковым начевал одну ночь. И, видя ево в словах несправедливость, и не объяв в той деревне никому, что оной — беглой казак, возвратился пешком обратно. А Мерзляков на лошади домой поехал. А оной Слудников дал (Л. 375) ему, Пушкареву, на дорогу денег пятнатцать копеек. И остался з буткинскими крестьянами у оного Жернакова. И оттоль куда уехал — не знает. А он, Пушкарев, не дошед до дворца, набежав на него Шадринской канцелярии служители, а кто они таковые, не знает, толко из них одного прозывает Бутной, и взяли ево и привезли в Шадринскую канцелярию, в которой и был допрашиван, а в допросе то ж сказал, что и выше сего показал. Напред сего он, Пушкарев, в воровствах, штрафах, подозрениях и в криксректах, фергерах и наказаниях нигде не бывал. И в сем допросе сказал сущую правду и ничего не утаил.

ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1808. Л.373-375. Копия.

№ 4. 1765 не ранее 20 июня. Допрос крестьянина Масленского острога Михаила Бухвалова по делу самозванца Ф.И.Каменщикова-Слудникова в следственной комиссии капитана С.Метлина и прапорщика С.Посохова.

(Л. 326 об.) Михайло Бухвалов со увещеванием добровольно и за необъявление истинны под битьем плетми показал. В прошлом 1764-м году в мае месяце по выбору Маслянского острогу и Барневской слободы старостами Маслянского Ивана Торопова, Барневской Ефима Шахматова с соотники и мирскими людьми для сочинения и лутчаго составления ко отбывательству от заводских работ к посылке куда надлежит челобитной к содержащемуся под караулом казаку Слудникову в Троицкую крепость Барневской слободы крестьянина Ивана Дежнева з данным ему выбором посылали. Також и случившемуся под сквозом отправленной из Масленского острогу подушного збору денежной казны крестьянину Осипу Морковкину от народу было приказано, чтоб по отвозе в Ысецкую провинцию оной казны, быть ему, Морковкину, в реченной Троицкой крепости и во всем по данному означенному крестьянину Дежневу приговору иметь к тому согласию общество. И что при том происходит будет, по возврате обо всем ему в народ объявит. Почему он, Морковкин, возвратяс ис Троицка в Маслянской острог обще с крестьянином (Л. 327) Дежневым, вышеписанным старостам Торопову, Шахматову, сотникам и мирским людям объявили, что с вышеписанным казаком Слудниковым в Троицке видялис и к сочинению ко отбыванию от заводских работ челобитны согласие имели и выхваляли. А потом и вторично в сентябре месяце по мирскому Маслянских и Барневских крестьян согласию к реченному ж казаку Слудникову в Троицкую крепость для сочинения и лутчаго составления ж челобитны выбранные человеки — Маслянского острогу Василей Качилов, Барневской слободы Иван Дежнев — посыланы были. Он, Бухвалов, в тех согласиях и выборах

был. И с теми челобитчиками до Троицкой крепости он, Бухвалов, от миру с выбором (с писанным Маслянского острогу пищиком Максимом Калгановым) послан был же. И в той крепости он со оными челобитчиками, Качиловым и Дежневым, к показанному содержащемуся под караулом казаку Слудникову к тюрьме для совету к лучшему согласию и составления ко отбывательству от заводских работ челобитной ходили и ево о том просили. На что от него, Слудникова, им было объявлено, что он к вышеписанному их намерению во всем вспоможение учинит был готов, но за содержанием ево под караулом то учинит не может. Почему он, Бухвалов, с вышепоказанными челобитчиками в Маслянской острог и возвратились. А по возврате об оном мирском старосте Максиму Лобанову с сотники и мирскими людьми от них обо всем том объявлено. По которому их объявлению оными старостою Лобановым с сотники и мирскими людьми для посылки вышеписанных челобитчиков в Санкт Петербург со стороны Маслянской (Л. 327 об.) крестьянину Качилову распоряжаемо и збирано было денег с наличных по пятнадцати копеек с человека. А что собрано и старостою Лобановым оному Качилову отдано, також и со стороны Барневских крестьян челобитчику ж Дежневу денег сколько дано, он, Бухвалов, не знает. А потом оных челобитчиков с данным о челобитье ко отбывательству от заводских работ мирским приговором и с черною челобитною отправили в Петербург того ж 764 году ноября в первых числах. И где оные их челобитчики ныне находятся, и что происходит о том — он не знает. А сего 1765 году по приезде означенного казака Слудникова из Троицка в село Охлупневское он, Бухвалов, обще с крестьянином Осипом Морковкиным для составления ж от отбывательства от заводских работ челобитной в Маслянской острог для взятых прежде производимых ими о упорствах дел ездили. И оные дела от мирских пищиков Конана Авдюшева и Еремея Шишкина взяли и вышепоказанному казаку Слудникову по привозе отдали при бывших тогда у одного Слудникова крестьянех Якове Матросове, Василе Ульянове, Саве Жукове, которые к тому написанию и составлению челобитя одного казака обще с ними, Бухваловым и Морковкиным, просили. А как оной Слудников из Троицка приехал, то о переименовании фурииром согласие у него, Бухвалова, обще с крестьянами Осипом Морковкиным, Семном Тюшняковым, Максимом Лобановым, Назаром Максимовым, Илей Биринцовым было. А Василя Козмина, Якова Горбовских и Егора Пугина при том их согласии (Л. 328) не было. Будучи ж ныне у них, реченной казак Слудников с Буткинского озера по зву л чьему он или сам собою вторично и кем в село Охлупневское к крестьянину Константину Жукову приезжал, и священник Пинжаков волею ль или из за принуждения к присяге крестьян приводил (за не бытием ево при том), в которое время был он в поле, зачем и у присяги не был. Также и Шадринской канцелярии розсылщик Иван Чернавской тем казаком Слудниковым плетми сечен был и об означенном беглом казаке и самозванце Слудникове хозяин, где он квартиру имел, Константин Жуков, что он беглой казак и самозванец, знал ли, и каким случаем он к нему на квартиру приехал или кто ему по отводу показал, или ж ис пути привезен кем, да и Шадринской канцелярии от присланных для сыску и поимки одного беглого казака и самозванца Слудникова розсылщик Михайла Черкашенина с товарищи в предосторожность

им собравшимся Маслянским и Барневским крестьяном объявлено было л, чтоб ни в чем ево беглого казака не слушатся, но изловя привести в Шадринскую канцелярию под караулом, а крестьян, которые им, Слудниковым, посажены под караул, всех ис под караула освободить, на что тем розсылщиком от народа объявлено было л же, да и тех крестьян они выпускают без ведома помянутого ложноназывающего фуриира не смеют, да и где он (Л. 328 об.) находится необъявляли, а хотя бы де оной Слудников розсылщиками и отыскан был, но взять ево и в Шадринскую канцелярию отвезть, не знаемо для чего, не отдали б — за небытием ево. Бухвалова, в приезд означенных розсылщиков обо всем том он не знает. А в то время был он, Бухвалов, в доме своем. С крестьян на оного казака Слудникова по шести и Буткинского крестьянина Семена Косенка по одной копейке с человека располагаемо и збирано не было. А одежда на оном казаке была казачья: кафтан синего сукна и волосы подстрижены по казачьи и вместо сабли на нем имелась шпага. Ко отбывательству ж от заводских работ протчих приписных к заводам слобод крестьяна согласия с ними не имели. Напряме сего он, Бухвалов, по силе учиненной Его сиятельством генерал квартирмейстером князь Александр Алексеевичем Вяземским за ослушание ко отбывательству от заводских работ резолюции наказан был плетми, а в протчем утвердился на прежде взятом от него в Шадринской канцелярии допросе.

ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1808. Л.326 об.-328 об. Копия.

№ 5. 1782 ноября 14. Донесение Тобольского и Пермского генерал-губернатора Е.П.Кашикина генерал-прокурору Сената князю А.А.Вяземскому по делу о поселщике С.Калинине.

(Л. 1) Сиятельнейший князь! Милостивой государь!

В отправленном от меня с сею почтою донесении к вашему сиятельству имел я честь упомянуть о вывезенном из Ташкинии поселщике Степане Калинине, который прислан ко мне от господина генерал порутчика Огарева в том, что называл он себя полковником и генералским сыном и имел непристойной разговор: во-первых, спрашивал о его высочестве государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче — он ли н[ы]не государем; потом — о бывшем третьем императоре, что нет ли его в Ташкинской стороне, не берут ли рекрут и нет ли какой баталии. По произведенным же в Тобольском наместническом правлении в присутствии моем допросам показал он, что полковником и генералским сыном называл себя для того, что в проезд его из Ташкинии с ташкинцем (Л. 1 об.) Сахыжаном оной киргисцами был спрашиван, какой человек и откуда везется. То боясь, чтобы, узнав его, не захватили, просил сказанного ташкинца объявить им, что везет в Россию потому, что полковник и генералской сын, — почему киргисцы и пропустили. А кроме сего случая нигде он не назывался. По привозе же в Семиполатную крепость напився он, Калинин, пьян и, будучи в квартире сержанта Федоровскаго, в разговорах спрашивал, его ли высочество Павел Петрович н[ы]не царствует — на что ему Федоровской ответствовал, что царствует государыня Екатерина Алексеевна. Напротив того еще им, Калининым, спрошено было о бывшем Третьем Императоре Петре Феодоровиче. А когда от Федоровскаго объявлено, что Петр Федорович давно скончался, то и он, Калинин, выговорил: Нет ли ево в

Ташкинской стороне? А сие произошло от того, как он, Калинин, был в Ташкинии, то слышал от находящегося там муллою ссыльного казанского попа Алексея Иванова (у которого ноздри рваны и на лбу, и на щеках имеются знаки; которой носит на себе платье ташкинское и имеет жен числом шесть), будто бы (Л. 2) тот бывшей император Петр Феодорович жив, в Ташкинии. На то он, Калинин, сказал ему, что он лжет; в России был Третьей Император и давно скончался; а хотя именем его ложно и назывался Емелка Пугачев и имел войну в России, но и тот пойман и казнен. За то оной ссылкой поп ударил его, Калинина, в лицо и при том выговорил, что ему сказывал про то русской же человек, пришедшей из Бухарии, Гришка, а чей прозывается — не знает, а только сказывается из бурлаков с Волги. С чем и разошлись. И более никаких ни о чем разговоров у них не было. Что ж оной Калинин у вышеписанного сержанта Федоровского спрашивал о баталии в России и о рекрутском наборе, то, во-первых, о баталии — потому, что ему в киргизской стороне в Табуыллинской волости у старшины Букончиби один киргизец выговаривал, якобы их киргисцов в российские крепости захватили, и они будут за то держать бой; а о рекрутском наборе употребил речь с простоты, по глупости своей.

(Л. 2 об.) Из вышепрописанных случаев, хотя и не предусматриваю ничего достойного уважения, — а самой простолюдной разговор после семилетней из отечества отлучки. Но, упомянув о сем посельщике в первом моем донесении, должностью себе поставил и о сем бывшем обстоятельстве донести. С совершеннейшим высокопочитанием и преданностью называясь.

Милостивой государь!

Вашего сиятельства покорнейший слуга Евгений Кашкин.

В Тобольске 14-го ноября 1782-го.

Помета на л. 1 сверху: По секрету.

РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2614. Л.1-2 об. Подлинник.

№ 6. 1789 июля 31. Рапорт камышинского коменданта премьер-майора А.Панчулидзева правителю саратовского наместничества генерал-поручику И.Г.Нефедьеву о допросе беглого крестьянина Т.Грошева ("Метлина").

(Л. 9) Высокородному и высокопревосходительному господину генерал порутчику Саратовскаго наместничества правителю и разных орденов кавалеру Илье Гавриловичу Нефедьеву.

Камышинского коменданта примьер майора Панчулидзева

Рапорт

Сего июля 30 числа явился ко мне назвавшийся запорожским козаком Тимофеем Сергеевым сыном Метлиным, которому в канцелярии и учинен мною допрос. Но как оной Метлин показал весьма великое несогласие с подлинным ево состоянием, то и навлек на себя мое внимание и подозрение. И потому, окончав я начатой ему допрос, взял ево к себе и начал спрашивать одного секретно, доказав ему наперед, что он действительно козак не запорожской, потому что я в Сечи сам бывал и что я знаю многия там города, селения и их положение — следовательно и укрыть себя от точного звания никак не может. В чем он, Метлин, тотчас и признался и показал, что он именно яицкой козак, зовут ево также Тимофеем

Сергеевым сыном Метлиным; бежал он из самого Урала из тюрьмы назад тому недели с три, а которого числа — не упомянул. В тюрьму же посажен был атаманом Данилою Дмитриевым сыном Донским за то, что он, Метлин, и с братьями приглашаем был к важным (Л. 9 об.) и злоумышленным предприятиям, на которые мы и не согласились. А после того, будучи я на вестях у него ж, атамана Донского, и видя, что он идет через сени с старшиною Степаном Ранневым и говорят блаженной памяти о покойном императоре Петре Третьем, что я услыша — приклонился к уголку, чтоб меня не видали. А они говорят: Согласны ли все. На что Раннев сказал, что все согласны, только де малая часть партии Окутиных с братьями не согласны. А когда де они окончили речь, то я сказал им, что из етова опять выйдет дурное и что де будет, есть ли узнает все милостивейшая государыня. То оной атаман, осердясь, закричал караульным и велел посадить меня в тюрьму, из которой я помощью судьи Семена Окутина, да есаула Давыда Мартемьянова ночью выкраден. Которые и сказали мне: Ступай де туда, куда сам знаешь. На что я им сказал, что я де пойду прямо в Сенат. А они де мне сказали: Хорошо. Ступай с богом. А потому я ту же ночь и выпроважен был в одной рубахе означенным судьей и есаулом на их собственной подводе и с их работником до самых Узеней на озеро Комыш Самару. И оставя меня у тамошних роскольников стариков, у которых и пробыл я с неделю. А после того пошел прямо в город Камышин объявить о себе, дабы из оного доставлен был к главной команде. А на конец сказал, что де я, где следует, и более объявлю, и что опять выйдет скоро прежнее злоумышление, которое весна и откроет. (Л. 10) Я, отобрав у него сей допрос, читал ему два раза, напоминая, точно ли он в том стоит и утверждает. На что сказал мне, что точная то правда, и что, хоть голову отсекут, а я в том стою. Которого при сем за строжайшим присмотром, а равно как прежней, так и сей допросы с сотником Чебировым при сем к вашему высокопревосходительству препровождаю. Подлинной подписал комендант Александр Панчулидзе. Читал секретарь Василий Антонов.

Ч[исла] 31 июля 1789 года. Камышин.

Помета на л. 9 над текстом: По секрету.

РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2751. Л.9-10. Копия.

№ 7. 1789 августа 6. Допрос беглого крестьянина Т.Грошева в канцелярии генерал-губернатора Воронежского и Саратовского генерал-поручика В.А.Черткова.

(Л. 5) Присланной от господина генерал поручика Саратовскаго губернатора и кавалера Ильи Гавриловича Нефедьева показавший себя у него уральским козаком Тимофеем Сергеевым сыном Метлиным в канцелярии его высокопревосходительства господина генерала поручика правящаго должность генерала губернатора кавалера Василья Алексеевича Черткова 6 числа августа 1789 года показал:

Что уроженец он Симбирской губернии, вотчины князя Петра Михайловича Волхонскаго, Головцевой Покровскаго тож, крестьянина Сергея Иванова сына Грошева сын Тимофей, веры греческаго исповедания, грамоте читать и писать не умеет. Назад тому восемь лет, оставя жену свою Варвару и сына Егора Грошевых, бежал из показаннаго села Головцевой и, пришед в город Уральск, жил у разных тамошних старшин, яко то у Степана Иванова

сына Бударина, у Абрама Мартемьянова сына Бродина и у Ивана Федорова сына Банного, по фальшивому паспорту под именем Потапа Крашенинникова по март месяц сего года. А из Уральска с братом своим родным Маркелом, из военной службы бежавшим, прежде его, Тимофея, в Уральск пришедшим, да сверх того еще с четырьмя товарищами, откуда они родиною — ему неизвестны, всего в шести душах, пошли в марте месяце для плотничной работы в город Гурьев. Которым в дороге, не доходя 15 верст фарпоста Привор[от]ного, попались в виде разбойников на лошадях шесть человек похожие на запорожцов, вооруженные, у коих имелись ружья, сабли и пистолеты, а лошадей у каждого по две. (Л. 5 об.) И по поимке его, Тимофея Грошева, с товарищи, посадя на свои лошади, увезли мимо Гурьева степью к своей станции у Каспийского моря лежащей, называемой Черни. А оттуда перевезены уже на киргискую сторону в лотках бежавшими из Урала прошлой осени татарами и доставлены в станцию, называемую Ембу. Где теми татарами представлены были по примечанию его Грошева к какому то козаку (которой росту средняго, лицом бел с рябинами, волосы ж вокруг подрезанные, на голове и на бороде черные, глаза карие, нос с горбом орлиной), называемому теми татарами именем якобы покойнаго Петра Федоровича. Который, вышед из палатки к нему, Грошеву, с товарищи, подал руку, которую с приказания предстоящего при нем какого-то казака целовали. И пробыви при сей станции дней шесть. При коем самозванце находится людей из русских сот до двух, живут на острове в шалашах из камышу поделанных, вооруженные ружьями, саблями и копьями. И при палатке две медныя небольшие пушки. Где будучи, слышал он, Грошев, что тот самозванец намерен будущего 1790 года осенью, умножа силу, войти ночью в Оренбург. О чем он, Грошев, узнав, старался всячески уйти. И с двумя товарищами его, Васильем и Яковом Васильевыми, оставя своего брата и прочих двух товарищей, бежали. И по побеге он, Грошев, явился у Камышинскаго коменданта Панчулидзева с таковым же показанием по увещанию тамошнего протопопа, по имени и прозванию ему неизвестнаго, к коему приходил с просьбою (Л. 6) о отпетии молебна. А оные Васильевы остались в болотных местах Комыш Самары у кочующих тамо разных беглых людей, называющихся старцов, которые ему, Грошеву, объявили, что ежели они за побегу прощены будут, и исходатайствует он, Грошев, в том высочайший указ, то они с собратиею готовы, когда повелено будет, итти в воинскую службу и того самозванца при данной им команде поймают и представят. Который допрос ему, Грошеву, читан неоднократно даже и в присутствии его высокопревосходительства господина генерала порутчика и кавалера Василья Алексеевича Чертова. И он, Грошев, на сем допросе утвердился, сказывая, что точная то правда, и что он жизнию в том отвечает.

Читал с подлинным секретарь Василей Антонов.

РГАДА. Ф.7. Оп.2. Д.2751. Л.5-6. Копия.

К.И.Зубков

КАК РОЖДАЛАСЬ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО ХАРТЛЭНДА

В ряду многих известных — и менее известных — имен, с которыми на рубеже XIX—XX вв. было связано рождение гео-

политики как принципиально нового концептуального взгляда на природу и смысл мировых империалистических противоречий, англичанину Хэлфорду Джону Маккинтеру (1861—1947) принадлежит особое место. Скромный университетский преподаватель географии, он в течение своей долгой творческой жизни сумел сохранить позицию разумной трезвой середины, оставаясь, по существу, чуждым и славы шумного проповедника национальной имперской идеи, и репутации уединившегося от мира профанов эзотерика. То, что в его время существовало еще только в виде предчувствий и смутных идей, Х.Дж.Маккиндер, пожалуй, первым сумел выразить ясным рационалистическим языком науки, основываясь на строгом сопоставлении исторических и географических фактов. Свое видение пронизывающих мир геополитических взаимодействий ученый раскрыл через построение целостной "картины мира", впервые придавшей последнему характер устойчивой, исторически сложившейся силовой структуры.

Эта структура, по Х.Дж.Маккинтеру, прочно покоится на базе физической географии, на противопоставлении "суши" и "моря" — двух природных стихий, с которыми в течение тысячелетий было связано развитие человеческой цивилизации. Если в разделении "сухопутных" и "морских" народов и есть нечто мистико-символическое, то эти значения все-таки всецело принадлежат только собственным, внутренним закономерностям "высшего", идеального мира культуры. В принципе, если попытаться реконструировать связи детерминации между физико-географическим фундаментом истории и идеями национальной судьбы, то логика вызревания соответствующих культурных парадигм неизбежно обнаружит свою связь с топографией через механизм формирования различных типов исторической мобильности обществ, а, следовательно, через различные способы мобилизации их ресурсного потенциала в процессе борьбы за существование. Именно такое понимание дихотомии "суши" и "моря" было характерно для Х.Дж.Маккинтера, пришедшего к нему через специфику своего предмета.

Этим концепция Х.Дж.Маккинтера заметно отличается от немецкой геополитической традиции, в которой всегда была довольно сильно романтическая тяга к объяснению "континентальной" идеологии Германии из самой себя — из философского смысла "среднеевропейской" германской культуры, призванной "преодолеть в высшем единстве ее национального духа все противоположности духовной жизни Европы"¹. Одновременно взгляды английского геополитика обнаруживают в объяснении генезиса "сухопутных" и "морских" цивилизаций несомненные параллели с концепцией его младшего современника, выдающегося русского историка, географа и экономиста евразийской школы П.Н.Савицкого (1895—1968). Причем в данном случае мы имеем дело скорее не с заимствованием идей, а с их онтологическим сходством, прежде всего, в анализе культурогенетических свойств географической среды и выводах, следующих из обозрения многовековой пространственной динамики цивилизаций. Идея Х.Дж.Маккинтера о преемственной связи "давления", производимого номадическими племенами из степных глубин Евразии на окружающие ее "приморские" земли, с императивами территориального роста Московской Руси, а затем и Российской империи, по существу является "евразийской", хотя и окрашена она у него совсем иным пафосом. Симптоматично и то, что проецируемые Х.Дж.Маккинтером на историю новейшего времени геополитические закономерности экономически нашли свое подтверж-

дение в проведенном П.Н.Савицким блестящем анализе различий между "океанической" и "континентальной" моделями внешней торговли".

До сих пор самым сложным в обосновании особого аналитического метода геополитики остается вопрос о том, насколько и в какой своей части является научно состоятельным допускаемое ею натуралистическое объяснение истории, казалось бы, навсегда изжитое социальными науками к концу XIX в. Подспудно эту уязвимость геополитического метода ощущал и сам Х.Дж. Маккиндер. В конце концов, много размышляя над этой проблемой, он свел действие геополитических закономерностей, во-первых, к определенному, достаточно крупному, масштабу измерения исторического пространства и времени, во-вторых, не столько к самостоятельной сущности исторических процессов и явлений, сколько к их соотношениям, или корреляциям (см. следующую статью этого сборника). Неслучайно и сам процесс разработки оригинальной геополитической концепции растянулся у английского географа на несколько десятилетий, в течение которых он скрупулезно наблюдал, обобщал и уточнял факты, выстраивая их в линии геополитической судьбы народов и государств. И самым смыслом каждой из этих судеб становится не столько самодовлеющая внутренняя жизнь государства, сколько логика его существования и самоохранения во внешнем окружении подобных себе по масштабу центров силовой организации пространства.

Другое важное замечание, касающееся специфики геополитического метода, связано с военно-стратегическим аспектом силового соперничества государств. Именно в военном измерении их политики географически определенные пространственные и ресурсные факторы способны напрямую, или с минимумом опосредствующих звеньев, определять исход открытой силовой борьбы. Осознание этого факта, разумеется, происходило не сразу, но лишь по мере того, как борьба великих держав все более переносилась из тесной Европы на театры военных действий, охватывающие целые континенты и океаны, а военная доблесть уступала первенство крупномасштабному стратегическому планированию. Географически господствующие или, что не менее важно, защищенные позиции приобретали в этих условиях особую ценность.

Подобные — несколько прямолинейные — трактовки сущности геополитики сегодня имеют своих сторонников и в западной, и в российской политической мысли³. Безусловно, и для Х.Дж.Маккиндера военно-стратегический фактор был почти универсальным, весьма простым в процедурном отношении критерием геополитической устойчивости государств. Используемая им формула "геополитической уязвимости", выведенная из отношения размеров государственной территории и общей протяженности границ (сухопутных и морских) к ширине потенциальных "коридоров" вторжения, имеет много общего с формальными методами измерения, применяемыми в современной политической географии⁴. Однако для "отца" геополитики это была все-таки ограниченная в выводах, пояснительная абстракция, раскрывающая инвариантный сущностный признак геополитического субъекта; в главных же своих построениях и выводах Х.Дж.Маккиндер остается на почве анализа конкретного исторического и географического многообразия, выявления более сложных, системных геополитических взаимозависимостей.

Публикуемая ниже статья Х.Дж.Маккиндера "Круглый мир и

достижение мира" относится к числу его поздних работ: она была опубликована в июле 1943 г., в разгар второй мировой войны, в американском журнале "Foreign Affairs" ("Иностранные дела"), представлявшем актуальные материалы по вопросам мировой политики и международных отношений. Но именно это обстоятельство сообщает статье характер своеобразного творческого отчета, суммирующего научные выводы исследователя и — главное — позволяющего из рассказа самого автора, без лишних домыслов и предположений, проследить логику и этапы формирования его геополитической концепции. Особого значения исполнено и время выхода статьи в свет — время завершения коренного перелома в ходе войны в пользу держав антигитлеровской коалиции.

В этот период непрерывно питаемая ресурсами Урала и Сибири, далеко продвинутая на восток линия советской обороны, словно до предела сжатая пружина, обрела возвратную силу мощного контрнаступления против Германии. Одновременно англо-американские союзники увенчивают свое превосходство над врагом на морях созданием на подступах к Европе широкой сети опорных плацдармов, эшелонированных всей промышленной мощью Нового Света и связанных с последним надежными трансокеанскими коммуникациями. Тенденция была такова, что в ситуации колоссального военного напряжения (для Советского Союза едва ли не предельного) каждая из стран-участниц антинацистского наступления логикой борьбы вынуждена была развертывать в полную силу именно тот способ мобилизации ресурсов, который органически вытекал из ее первородной геополитической сущности — морской или континентальной. Этот момент истины, с полной ясностью открывшийся политикам и военным, сделал Х.Дж.Маккиндера в годы войны одним из самых ангажированных ученых-экспертов, слово которого в разработке перспективной стратегии войны отныне значило очень много. Вторая мировая война, таким образом, стала для английского географа временем подлинного научного триумфа.

Событийный контекст, логикой которого рождалась геополитическая концепция Х.Дж.Маккиндера, достаточно освещен им самим — от англо-русского позиционного противостояния в Азии в последней трети XIX в. до беспрецедентной по масштабам последней мировой войны. На наш взгляд, гораздо более существенны и не во всем еще до конца разгаданы и объяснены гносеологические особенности формирования взглядов Х.Дж.Маккиндера. Как известно, отправным моментом в анализе английским ученым геополитической структуры мира стало выделение им двух парных базисных понятий, лишь отчасти и условно определяемых морфологическим строением земной поверхности: "Мирового Острова", охватывающего всю громадную историческую сцену Евразийского мегаматерика, и омывающего последний "Мирового Океана" с гигантскими, но все-таки менее значимыми для мировой истории и политики "островами" — Африкой, Америкой, Австралией. (Уже из этого допущения видно, что структура мира по Х.Дж.Маккинтеру не базируется на чисто географических факторах и является в своей основе социоморфным образом). Дальнейшим концентрированным выражением континентальных свойств "Мирового Острова" у Х.Дж.Маккиндера становится понятие Хартлэнда — ландшафтно связанной, изолированной от морей сердцевины Евразии.

Географическое описание Хартлэнда, данное Х.Дж.Маккиндером, имеет свою достаточно жесткую логику, но оно, однако, не отвечает

на вопрос, почему именно эту часть суши он, европеец (к тому же европеец "островной" — британец), считал географической "осью" мировой истории и ключом к господству над "Мировым Островом". Географическим представлениям разных народов с глубокой древности были свойственны поиски подобной "оси", или "центра", Земли, и локализация таких территорий, как правило, следовала за историческим самосознанием отдельных народов и эпохи в целом. Поэтому помещение Х.Дж.Маккинндером географической "оси" мира в тогда еще "медвежьих углах" России и рассмотрение на этом фоне цивилизованной Западной Европы лишь в качестве одного из небольших полуостровов Евразийского материка выглядит поистине удивительным, особенно в свете господствовавшего тогда отчетливо европоцентристского мировоззрения.

Если, отвечая на эту загадку, попытаться вновь вернуться к чисто географическим критериям маккинндеровского геополитического структурирования мира, то и в этом случае методологические приоритеты географа не вполне объяснимы. Ведь почти в одно время с Х.Дж.Маккинндером совсем по-иному использовал тот же исходный географический материал американский адмирал А.Т.Мэхэн, объявивший геостратегическим "центром" мира морскую стихию — Атлантический океан, управляющий всей системой связей и отношений между Старым и Новым Светом⁶. Уже поэтому, кстати, с очень существенными оговорками Х.Дж.Маккинндера можно относить к "чистым" идеологам так называемого "атлантизма", или "талассократии" ("власти моря"), чем грешит современная популярная литература по геополитике. Мировоззренчески Х.Дж.Маккинндер все-таки опирался на некоторую среднюю объективистскую позицию, потому что в противовес американским идеологам "талассократии" и германским идеологам "теллуократии" ("власти земли") искал нечто более важное для целостного понимания и гармонизации мира, а именно — геополитическую структуру, обеспечивающую устойчивый баланс "морской" и "сухопутной" силы.

Безусловно, в параллельно выдвинутой Х.Дж.Маккинндером концепции "Срединного Океана" легко угадывается прообраз Североатлантического блока НАТО, но следует заметить, что этот геополитический конструкт рассматривался автором еще не столько в качестве геостратегического противовеса Хартлэнду, сколько в виде равновеликого ему по мощи западного фланга "удушения" германского агрессора. И даже с исчезновением в 1945 г. Германии как самостоятельного геополитического фактора и возникновения "холодной войны" геостратегическая оппозиция НАТО — Организация Варшавского Договора действительно, как показал исторический опыт, обеспечивала довольно строгий баланс сил в мире. По-видимому, именно в целостном понимании Х.Дж.Маккинндером мира как сбалансированной в силовом отношении дихотомической структуры и в прогнозируемой отсюда анатомии мировых конфликтов следует в конечном счете искать источник появления на свет концепции Хартлэнда. В помещении же земной "оси" не в Средней Атлантике, а в географическом сердце России можно видеть определенную переходную фазу в изменении господствующей геополитической "картины мира". Х.Дж.Маккинндер выступает здесь еще во многом традиционным европейцем (а не "атлантистом"), в раздумье остановившимся на полпути между признанием цивилизационной и геополитической зрелости Америки и осознанием потенциальной европейской уязвимости перед лицом растущего континентального колосса России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. А.Лассона по: Деборин А.М. Об одной философско- исторической "концепции" германских империалистов // Новая и новейшая история. 1963. № 1. С. 133.

² См.: Савицкий П.Н. Россия — особый географический мир. Прага, 1927.

³ Kogorecky I.S. Industrial Location Policy in the U.S.S.R. During the Postwar Period // Economic Performance and the Military Burden in the Soviet Union. WASH., 1970. P. 267; Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 58-59.

⁴ См.: Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. Л., 1988. С. 56-57.

⁵ Spykman N.I. The Geography of the Peace. N.Y., 1944. P. 35.

Х.Дж.Маккиндер

КРУГЛЫЙ МИР И ДОСТИЖЕНИЕ МИРА *

Меня просили развить далее некоторые из тем, которые я поднимал в своих предыдущих произведениях, в особенности рассмотреть вопрос о том, потеряла ли моя стратегическая концепция "Хартлэнда"¹ что-либо в своем значении в условиях современной войны. Для того, чтобы эта концепция не выглядела в отрыве от контекста, я должен начать с краткого сообщения о том, как она первоначально возникла.

...Сентябрьский день 1870 г. Будучи еще совсем маленьким мальчиком, я увидел тогда прибиту к дверям почтовой конторы телеграмму с сообщением о том, что Наполеон III и вся его армия сдались пруссакам под Седаном. Для англичан, которые умственно еще пребывали целиком под впечатлением Трафальгара и отступления из Москвы, это был шок, но подлинный эффект этого события был осознан лишь несколько лет спустя². Превосходство Британии на морях тогда еще не было оспорено вызовом с чьей-либо стороны, и единственной опасностью, которую она в это время усматривала для своей заморской империи, была азиатская позиция России. В течение всего этого периода времени лондонские газеты спешили обнаруживать свидетельство русских интриг в каждом слухе, приходившем из Константинополя, и в каждом волнении племен, расселенных вдоль северо-западных границ Индии³. Британская морская мощь и русская сухопутная мощь находились в центре международной сцены.

Тридцатью годами позже, на рубеже столетий, фон Тирпиц начал строить германский океанический флот⁴. Я в это время был начинающим преподавателем политической и исторической географии в университетах Оксфорда и Лондона и как преподаватель фиксировал текущие события для последующего обобщения. Германская инициатива, как я увидел, означала, что нация, уже обладающая величайшей организованной сухопутной силой и занимающая центральное стратегическое положение в Европе, была близка к тому, чтобы добавить к этому потенциалу и морскую силу, достаточно значительную, чтобы нейтрализовать британскую мощь. Соединенные Штаты также уверенно входили в ряд Великих Держав. Однако до сих пор это восхождение могло быть отмечено только по статистическим таблицам, хотя еще в моем детстве кто-то уже восхищался ловкостью американцев, так как я припоминаю в нашей классной комнате изобра-

* Перевод с английского, подготовка публикации и комментарии осуществлены кандидатом исторических наук К.И.Зубковым.

жение битвы между "Мерримакон" и "Монитором", первым броненосцем и первым кораблем с орудийными башнями⁵. Таким образом, наряду с Британией и Россией уже поднимались Германия и Соединенные Штаты.

Особенными событиями, из которых собственно и возникла идея Хартлэнда, были война англичан в Южной Африке и война русских в Маньчжурии. Южноафриканская война завершилась в 1902 году, а весной 1904 года уже ясно надвигалась русско-японская война. Поэтому прочитанный мною в начале этого (то есть 1904) года в Королевском Географическом Обществе доклад, озаглавленный "Географическая ось истории"⁶, оказался злободневным, но он имел под собой многолетние наблюдения и размышления.

Контраст, который представляли между собой британская война с бурами, ведомая за шесть тысяч миль за океаном, и война России на сопоставимом расстоянии через сухопутные пространства Азии, естественным образом намечал параллельный ему контраст между экспедицией Васко де Гамы, обогнувшего мыс Доброй Надежды во время путешествия в Индию примерно в конце XV века, и походом казака Ермака с его всадниками⁷ через Уральский хребет в Сибирь в начале XVI столетия⁸. Это сравнение, в свою очередь, заставляло обозреть длительный непрерывный ряд набегов, совершаемых кочевыми племенами Центральной Азии на протяжении классической древности и средних веков на оседлые популяции Полумесяца⁹ субконтинентов: полуостровной Европы, Ближнего Востока, Индии и собственно Китая.

Мое заключение было таково, что "...в настоящее десятилетие мы впервые оказываемся в состоянии попытаться, с известной степенью полноты, установить корреляцию между наиболее крупными географическими и наиболее крупными историческими обобщениями. Впервые мы можем постичь нечто о реальном соотношении характерных черт и событий на всемирной сцене и можем взяться за поиски формулы, которая бы выражала определенные — по меньшей мере — аспекты географической причинности во всемирной истории. Если нам повезет, эта формула будет иметь практическую ценность с точки зрения помещения в перспективу некоторых из конкурирующих сил в текущей международной политике".

Слово "Хартлэнд" упоминается в докладе 1904 года лишь однажды, но случайно и как описательный, а не технический термин. Вместо него были использованы выражения "центральная территория" и "центральное положение"¹⁰ — так, как приведено ниже: "Нарушение баланса силы в пользу центрального государства, имеющее результатом его экспансию на маргинальные земли Евразии, будет предполагать использование обширных континентальных ресурсов для строительства флота, и тогда в перспективе возникнет мировая империя. Это могло бы произойти, если бы Германия соединила себя союзом с Россией.

В заключение можно также особо указать, что замена контроля России над внутренней территорией новым контролем не будет в тенденции уменьшать значения центральной позиции. Будь китайцы, например, организованы японцами для того, чтобы низвергнуть Российскую Империю и завоевать ее территорию, они могли бы составить вместе желтую опасность для мировой свободы¹¹ как раз потому, что они присоединили бы океанический фасад к ресурсам великого континента".

В конце первой мировой войны в Лондоне и Нью-Йорке была опубликована моя книга "Демократические Идеалы и Реальность" (новое издание с неизменным текстом было опубликовано в 1942 году нью-йоркским издательством "Генри Холт энд Компани")¹². Ясно, что ярлык "осевой", который был подходящим для академического тезиса в начале века, больше не был адекватен международной ситуации — такой, какой она возникла из первого великого кризиса нашего мирового круговорота: отсюда "идеалы", "реальности" и "Хартлэнд". Но тот факт, что даже при внесении дополнительных критериев для большей фундированности тезис 1904 года по-прежнему удовлетворителен в качестве основания для оценки положения пятнадцатью годами позже, подтверждает, что искомая формула найдена.

* * *

Теперь мы обращаемся к основной цели настоящей статьи — наброску некоторой промежуточной оценки ценности концепции Хартлэнда для обследования мира — как предварительного шага к его последующему переустройству. Это следует понимать в том смысле, что я затрагиваю стратегию, которая, конечно, эффективна в мирное время не меньше, чем в военное. Я не осмеливаюсь присоединиться к уже идущим безгранично широким дебатам, которые заглядывают вперед на целые поколения; я бы сосредоточил свои размышления на считанном числе лет, в течение которых враг должен быть подавлен,¹³ а его философия войны одновременно, говоря языком Касабланки, — уничтожена¹⁴.

Хартлэнд — это северная часть и внутренние области Евразии. Он тянется от арктического побережья вниз до центральных пустынь, а в качестве своих западных границ имеет широкий перешеек между Балтийским и Черным морями. Это понятие не допускает точной локализации на карте по той причине, что оно основывается на трех различных аспектах физической географии, которые усиливают и подкрепляют друг друга, но точно не совпадают. Прежде всего, мы имеем в этом регионе широчайшую низменную равнину на поверхности Земного шара. Во-вторых, через эту равнину протекают некоторые великие сухоходные реки; одни из них текут на север в Арктическое море¹⁵ и являются недоступными со стороны океана из-за того, что он блокирован льдами, в то время как другие впадают во внутренние водоемы, такие, как Каспийское море, не имеющее выхода в океан. В-третьих, здесь находится зона пастбищ, которая в пределах прошлого и половины нынешнего столетий представляла идеальные условия для развертывания высокой мобильности кочевников, разводящих верблюдов и лошадей. Из трех упомянутых характеристик речные бассейны легче всего могут быть представлены картографически; водораздел, который разграничивает целую группу арктических и "континентальных" рек на отдельные системы стока, аккуратно обособляет на карте обширную связанную территорию, которая, согласно этому особому критерию, и является Хартлэндом. Простое исключение морской мобильности и морской мощи дает, однако, лишь негативный, если вообще важный, отличительный признак; именно равнина и пояс травянистых пастбищ обеспечили позитивные условия, благоприятствующие иному типу мобильности, который присущ прериям. Что касается пастбищ, то они пересекают равнину на всю ее ширину, но не покрывают всей ее поверхности. Несмотря на эти очевидные несовпадения,

Хартлэнд обеспечивает достаточный физический базис для стратегического мышления. Двигаться же дальше по пути искусственного упрощения географии означало бы плодить заблуждения.

Для целей настоящей статьи достаточно правильным будет сказать, что территория СССР эквивалентна Хартлэнду, за исключением лишь одного направления. Чтобы отграничить это исключение — исключение огромное — давайте проведем прямую линию около 5500 миль длиной на запад от Берингова пролива до Румынии. В трех тысячах миль от Берингова пролива эта линия будет пересекать реку Енисей, текущую на север от границ Монголии до Арктического океана. К востоку от этой великой реки лежит по большей части суровая страна гор, плоскогорий и долин, поросших почти от края и до края хвойными лесами; я буду называть ее Леналэндом по названию ее центрального характерного элемента — великой реки Лены. Она не включается в Хартлэнд-Россию. Леналэнд-Россия охватывает территорию в 3 миллиона квадратных миль, но ее население лишь около 6 миллионов человек, из которых почти 5 миллионов расселены вдоль трансконтинентальной железнодорожной магистрали от Иркутска до Владивостока. На остальной территории на каждого жителя приходится в среднем свыше трех квадратных миль. Богатые природные ресурсы — древесина, гидроэнергия и минералы — пока еще практически не тронуты. К западу же от Енисея лежит то, что я описал как Хартлэнд-Россию, — равнина, протянувшаяся на 2500 миль с севера на юг и на 2500 миль — с востока на запад. Она охватывает территорию в 4,25 миллиона квадратных миль, а ее население — более 170 миллионов. Население это увеличивается на уровне трех миллионов человек в год.

Простейший и, вероятно, наиболее эффективный способ представить стратегические ценности Русского Хартлэнда — это сравнить их со стратегическими ценностями Франции. Однако в случае с Францией историческим фоном будет первая мировая война, а в случае с Россией — вторая мировая.

Франция, как и Россия, — компактная страна, столь же длинная, сколь и широкая, но не вполне так же хорошо окруженная, как Хартлэнд, и потому с гораздо более малой территорией в пропорции к длине границ, которые необходимо было защищать. Она окружена морем и горами, за исключением ее северо-востока. В 1914—1918 годах за Альпами и Пиренеями не было враждебных ей стран, а флоты Франции и ее союзников господствовали над морями. Поэтому французская и союзные армии, действовавшие через открытую северо-восточную границу, были хорошо защищены на любом фланге и имели безопасный тыл. Трагические низменные "ворота" на северо-востоке, через которые так много армий устремлялось в страну и из нее, расположены на 300 миль в ширину между Вогезами и Северным морем. В 1914 году линия фронта, имевшая свою ось на Вогезах, описывала круг назад, до Марны, а в конце войны, в 1918 году, она, наоборот, описывала круг вперед по той же самой оси. На протяжении четырехлетнего периода эластичный фронт прогибался и выгибался, но не лопнул даже под натиском величайшего германского наступления весны 1918 года. Таким образом, все это доказывает, что в пределах страны имелось пространство, достаточное и для обороны в глубину, и для стратегического отступления. Однако, к несчастью для Франции, ее главный индустриальный регион находился в этом северо-восточном секторе, где шла непрекращающаяся битва.

Россия повторяет в сущности модель Франции, но в более крупном

масштабе и с открытой границей, обращенной на запад, а не на северо-восток. В нынешней войне русская армия выстроена вдоль этой открытой границы. В ее тылу находится обширная равнина Хартлэнда, пригодная для обороны в глубину и для стратегического отступления. А позади нее, еще дальше на восток, эта равнина упирается в естественные бастионы, образуемые "недоступным" арктическим побережьем, дикой местностью Лена-Лэнда за Енисеем и грядой гор от Алтая до Гиндукуша, да еще подкрепленной пустыней Гоби, тибетскими и иранскими пустынями. Эти три барьера широки, надежны в качестве физических препятствий и далеко превосходят по своей оборонительной ценности побережья и горы, опоясывающие Францию.

Верно, что арктический берег не является больше недоступным в абсолютном смысле, как это было еще несколько лет назад. Конвои торговых судов с помощью мощных ледоколов и самолетов, осуществлявших разведку морских проходов через паковый лед, вели торговлю до Оби и Енисея и даже до реки Лены; но вражеское вторжение через обширную полосу льдов Полярного круга, по торфяным болотам тундры и таежным лесам северной Сибири кажется почти невозможным перед лицом базируемой на суше советской воздушной обороны.

Чтобы завершить сравнение между Францией и Россией, давайте рассмотрим относительные масштабы некоторых параллельных фактических величин. Хартлэнд-Россия имеет в 4 раза больше населения, в 4 раза большую ширину открытой границы и в 20 раз больше территории, чем Франция. Эта открытая граница не находится в диспропорции к русскому населению; и для того, чтобы компенсировать ширину советского противостояния, Германия должна была восполнить свои более ограниченные людские резервы путем разбавления их менее эффективными войсками, вытянутыми из подчиненных ей стран. В одном важном отношении, однако, Россия начала свою вторую войну с Германией не в лучшей позиции, чем та, которую занимала Франция в 1914 году; как и во Франции, ее наиболее развитые сельскохозяйственные и промышленные мощности лежали прямо на пути захватчика. Второй пятилетний план должен был исправить эту ситуацию, будь германская агрессия отложена на пару лет¹⁶. Вероятно, для Гитлера это и была одна из причин разорвать в 1941 году его договор со Сталиным.

Однако обширный потенциал Хартлэнда, не говоря уже о природных запасах в Лена-Лэнде, стратегически хорошо расположен. Промышленные отрасли быстро растут в таких местностях, как Южный Урал, в самом сердце центрального региона, и в богатом Кузнецком угольном бассейне — под защитой великих природных барьеров к востоку от верховьев реки Енисей. В 1938 году Россия производила больше, чем любая другая страна в мире, таких продовольственных запасов, как пшеница, ячмень, овес, рожь и сахарная свекла. В России было произведено больше марганца, чем в любой другой стране. Она поднялась на одну доску с США, на первые позиции по железу и стояла на втором месте по производству нефти. Что касается угля, то Михайлов заявляет, что ресурсы Кузнецкого и Красноярского угольных бассейнов, по некоторым оценкам, способны — причем каждые в отдельности — обеспечивать потребности всего мира в течение 300 лет¹⁷. Политика Советского правительства должна была в течение первого пятилетнего плана

сбалансировать импорт и экспорт. За исключением очень небольшого числа товаров, страна способна производить все, что ей требуется.

После рассмотрения всех этих вопросов неизбежно вытекает вывод о том, что если Советский Союз выйдет из этой войны победителем Германии, он должен достичь положения величайшей сухопутной Державы на Земном шаре. Более того, он станет Державой со стратегически сильнейшей оборонительной позицией. Хартлэнд является величайшей естественной крепостью на земле. Впервые в истории она укомплектована гарнизоном, достаточным и по численности, и по качеству.

* * *

Я не могу претендовать на исчерпание темы Хартлэнда, цитадели сухопутной мощи на великом материке мира в такой краткой статье, как эта. Но несколько слов нужно посвятить другому понятию, чтобы сбалансировать представление.

Из Касабланки недавно последовал призыв разрушить господствующую германскую философию. Сделать это можно только промыв германский ум чистой водой конкурирующей философии. Я предполагаю, что в течение, скажем, следующих двух лет будет отдан приказ "прекратить огонь", союзники оккупируют Берлин, подвергнут суду преступников, немедленно зафиксируют границы и завершат хирургическое лечение таким образом, чтобы старшее поколение немцев, умирающее нераскаившимся и ожесточенным, больше никогда не смогло исказить историю в глазах более молодого поколения. Но было бы явно хуже, чем даже просто бесполезно, оставлять работать в Германии чужих учителей для внедрения теории свободы. Свобода не может быть выучена или преподана; она может быть только предоставлена тем, кто умеет ею пользоваться. Тем не менее загрязненный канал можно было бы очень эффективно очистить, если контролировать его прочными дамбами могущества с обеих сторон — сухопутной мощью на востоке, со стороны Хартлэнда, и морской мощью на западе, из бассейна Северной Атлантики. Если германский ум столкнется с неизбежностью того, что любая война, ведомая Германией, станет войной на два непоколебимых фронта, то немцы сами будут решать проблемы.

Для того, чтобы это произошло, необходимо прежде всего, чтобы была налажена эффективная и долговременная кооперация между Америкой, Британией и Францией — первой как резервом глубины обороны, второй как окруженной водным рвом передовой твердыней, своего рода увеличенной в размерах Мальтой и третьей как удобным для обороны плацдармом. Последнее не менее существенно, чем первые два элемента, потому что морское могущество в своем конечном применении должно быть амфибийным, если оно стремится уравновесить сухопутную мощь. Затем необходимо, чтобы эти три страны и четвертый победитель, Россия, заручились решимостью немедленно прибегнуть к сотрудничеству, если возникнет какая-либо угроза нарушению мира — так, чтобы дьявол в Германии никогда больше не смог поднять голову и умер бы от собственного бессилия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Английский сложносоставной термин "Heartland", ставший благодаря работам Х.Дж.Маккиндера одним из базовых концептов геополитической теории, буквально

означает "сердцевинная (или срединная) земля" (от англ. "heart" — сердце и "land" — земля, суша).

² Седанская катастрофа, предreshившая исход франко-прусской войны 1870—1871 гг., одновременно знаменовала резкое изменение баланса сил на Европейском континенте в результате консолидации и расширения внешних границ Германской империи как сильного и единого милитаристского государства. Тем самым существенно сокращались прежние возможности Великобритании косвенно, при опоре на свою морскую гегемонию, управлять международной ситуацией в Европе с целью взаимного ослабления континентальных держав.

³ К 70-м гг. XIX в. два широких фронта экспансии — российский и британский — пришли в соприкосновение в горно-пустынных районах Средней Азии, что породило длительное геополитическое противостояние двух держав. Русское продвижение и закрепление в Средней Азии вплоть до начала XX в. рассматривалось Англией как непосредственная угроза ее владениям в Индии. Не выливаясь в прямое военное столкновение, напряженное позиционное противостояние Англии и России тем не менее явилось скрытой пружиной непрекращающихся милитарных всплесков и демаркационных переделов в протянувшемся между их владениями поясе нейтральных и "буферных" зон.

⁴ Альфред фон Тирпиц (1849—1930) — гросс-адмирал, с 1892 г. — начальник генерального штаба военно-морских сил Германии, с 1896 г. — командующий германской Восточноазийской эскадрой в Тихом океане. В 1897—1916 гг. — морской министр. Усилиями Тирпица к началу I-й мировой войны Германией был создан крупнейший (второй по значению после английского) военный флот.

⁵ Х.Дж.Маккиндер имеет в виду военно-технические новшества, появившиеся в США в период гражданской войны 1861—1865 гг. Низкобортное судно северян "Монитор" конструкции Дж. Эриксона, оснащенное вращающимися орудийными башнями, в ходе этой войны успешно оперировало против 6-пушечного броненосца Конфедерации "Мерримак", до этого легко направлявшегося с деревянными судами Севера.

⁶ В докладе 1904 г. под названием "The Geographical Pivot of History" Х.Дж.Маккиндером был использован и другой его популярный термин, утвердившийся в англо-американской геополитике для характеристики географически и стратегически господствующей центральной позиции — "pivot", означающий в переводе с английского буквально "центр", "ось вращения", "стержень". В дальнейшем при переводе понятия "осевой" и "центральный" (pivotal) следует рассматривать как синонимы.

⁷ Имеются в виду казаки. Известно, что продвижение отряда Ермака в Сибирь происходило на стругах по речной системе Чусовой, Тагила, Туры, Тобола и Иртыша и без использования лошадей. Х.Дж.Маккиндер ошибочно переносит на отряд Ермака стереотипное представление о казаках как носителях степной культуры всадничества.

⁸ Так в тексте. Ошибочная датировка Х.Дж.Маккиндером похода Ермака в Сибирь, совершенного в 1581—1584 гг., видимо, объясняется его стремлением синхронизировать периоды развертывания морской испано-португальской и сухопутной русской исторической мобильности и вытекает также из его весьма поверхностного знакомства со средневековой русской историей.

⁹ Термином "Полумесяц" (англ. Crescent) Х.Дж.Маккиндер обозначает пояс "маргинальных" приморских территорий, громадным полукольцом охватывающих так называемый "Мировой Остров" Евразии. По Маккиндеру, страны "Полумесяца" на всем протяжении истории являются объектом непрекращающейся борьбы между державами "суши" и державами "моря".

¹⁰ См. прим. 6.

¹¹ Представления о грядущем нашествии "желтой расы" на культурную Европу, являвшиеся симптомами духовного декаданса и соответствующей ему политической эсхатологии, были весьма распространены в предгрозовой атмосфере приближения I-й мировой войны.

¹² См.: Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality*. — N.Y., Henry Holt and Co., 1942.

¹³ Имеется в виду коалиционная война против Германии.

¹⁴ Х.Дж.Маккиндер ссылается здесь на решения англо-американской союзнической конференции в Касабланке (январь 1943 г.) о ведении войны с Германией до "безоговорочной капитуляции", что подразумевало полный военный разгром врага и искоренение нацизма.

¹⁵ Так в тексте. Имеется в виду Северный Ледовитый океан.

¹⁶ Ошибка Х.Дж.Маккиндера. Имеется в виду не 2-й, а 3-й пятилетний план развития народного хозяйства СССР, осуществление которого было прервано в июне 1941 г. нападением Германии.

¹⁷ Ссылка Х.Дж.Маккиндера на работу: Mikhaylov N. *Soviet Geography*. — L., Methuen. 1937.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА И ШКОЛЫ

С.П.Постников

ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (XV — НАЧАЛО XVI вв.)

Данная тема занимает важное место в вузовском курсе отечественной истории. Действительно, многие особенности российской государственности могут найти объяснение только на основе анализа экономических, политических и социокультурных процессов, происходивших в тот период. Без их выявления трудно понять дальнейший ход российской истории. Поэтому в вузовском учебном плане по истории России целесообразно указанной теме посвятить 4 часа: 2 часа — на лекцию, 2 часа — на семинар.

В данной методразработке речь идет о структуре и содержании (узловых проблемах) лекционного занятия. В план лекции предлагается включить 4 вопроса:

1. Основные этапы формирования централизованного государства.
2. Иван III — первый государь всея Руси.
3. Социально-политическое развитие государства и общества.
4. Культура и быт средневековой Руси.

Прежде чем переходить к изложению фактического материала по первому вопросу во вводной части лекции, необходимо подчеркнуть, что образование централизованного государства — закономерный этап в истории общества, как правило, периода позднего феодализма. В Западной Европе и России эти процессы хронологически примерно совпадали, однако в России они имели существенное своеобразие: образование централизованного государства происходило на многонациональной основе и на базе феодального способа производства.

Далее следует обратить внимание студентов на экономические и политические предпосылки складывания единого государства. Причем необходимо отметить, что в России (и в этом опять же ее особенность) политические факторы — внешние и внутренние — играли ведущую роль. Это было связано с особым геополитическим положением страны: срединное расположение между Востоком и Западом, разорение южных, наиболее развитых районов в результате монголо-татарского нашествия сопровождалось интенсивным процессом колонизации, освоения новых территорий в Северо-Восточной Руси. Постоянный отток населения из центра страны и сохранение в течение длительного времени военной опасности, необходимость объединения сил в борьбе с татаро-монгольской зависимостью предопределило огромную роль государства, которая оказалась значительно больше, чем в других европейских странах. Это породило и специфическую форму российской государственности в виде самодержавия, что убедительно показано в статье историков В.Б.Кобрин и А.Л.Юрганова¹, которая может быть рекомендована сту-

дентам для самостоятельного изучения. Более подробно на этих аспектах проблемы следует остановиться при рассмотрении третьего вопроса лекции.

Обычно в исторической литературе выделяют три основных этапа централизации: 1325—1380 гг. — подготовительный этап; 1380 — середина XV в. — решающий этап; вторая половина XV в. — завершение объединения русских земель под власть московского великого князя.

Первый этап централизации связан с государственной деятельностью московского князя Ивана I Калиты (1325—1340). Это весьма сложная и противоречивая историческая фигура. В литературе, пожалуй, справедливо указывают, что Иван I заботился не столько о собирании русских земель, сколько преследовал цель укрепления своей личной власти. Однако проводимые им мероприятия объективно способствовали объединению ранее раздробленных русских земель. Это весьма убедительно показано в недавно вышедшей монографии екатеринбургского историка В.Э.Лебедева². Получив полномочия от татарского хана на сбор дани с подвластного русского населения, Иван Калита приобрел значительные материальные средства и стал покупать новые села и даже города с округами, присоединяя их к своей вотчине. Он перенес в Москву митрополичью резиденцию, превратив ее таким образом в церковную столицу "всех Руси". При Иване Калите стал складываться новый порядок престолонаследия: старшему наследнику выделялась все большая часть княжества. А его внук Дмитрий Донской все великое княжение Владимирское безраздельно завещал старшему сыну Василию I.

Политику Ивана Калиты по укреплению Московского княжества продолжили его сыновья Семён Гордый (1340—1353) и Иван II Красный (1353—1359). Причем Семену Гордому даны были "под руки" все русские князья, а Иван II получил и судебную власть над князьями Северо-Восточной Руси.

Решающим этапом централизации и борьбы за единство Руси против монголо-татарской зависимости стало княжение Дмитрия Ивановича Донского (1359—1389). При нем завершилось соперничество за главенство в Северо-Восточной Руси с Тверским княжеством. Тверской князь признал себя "младшим братом" московского князя и не мог больше претендовать на великое княжение Владимирское, которое признавалось наследственным достоянием Дмитрия Ивановича.

Но главным событием решающего этапа была, несомненно, победа объединенного русского войска над татаро-монголами в Куликовской битве 8 сентября 1380 г. При этом следует обратить внимание студентов на огромную роль в идеологической подготовке победы Сергия Радонежского — церковного и политического деятеля Московской Руси, основателя Троице-Сергиевого монастыря. Созданный Сергием культ Троицы стал символом национального сплочения. Впервые после распада Киевской Руси сознание единства Русской земли вновь вышло на первый план.

Правда, на пути к объединению страны было еще одно тяжелое испытание — феодалная война 1425—1453 гг. Победу в ней

одержала Москва. Это подготовило завершение централизации Руси, которое произошло при Иване III Васильевиче (1462—1505). Это было время образования основной территории России, окончательного освобождения от монгольской зависимости и формирования политических основ централизованного государства.

Переходя к освещению второго вопроса лекции, следует подчеркнуть, что Иван III был крупнейшим государственным деятелем эпохи средневековья: умным, дальновидным, расчетливым, настойчивым и вместе с тем осторожным и хитрым. Не случайно долгое время его называли Великим. Целесообразно рекомендовать слушателям для ознакомления монографию Ю.Г.Алексеева³, где наиболее полно и в достаточно популярной форме показана деятельность первого государя всея Руси.

Раскрывая фактический материал по данному вопросу, следует обратить внимание на процесс расширения территории государства: присоединение Новгорода, а затем Тверского, Псковского и Рязанского княжеств. Политическое объединение русских земель вокруг Москвы создавало предпосылки для окончательной ликвидации зависимости от Золотой Орды. Решение этой исторической задачи было облегчено тем, что Орда переживала период раздробленности и междоусобиц. От нее отпадали целые территории, где возникали самостоятельные ханства. Это позволило Ивану III одержать верх над ханом Ахматом в знаменитом стоянии на реке Угре в ноябре 1480 г. Поражение Ахмата принято считать окончанием зависимости от татаро-монголов и восстановлением полного суверенитета Русского государства.

Освобождение России сопровождалось параллельным процессом расширения российской экспансии. Причины этого заключались в том, что в основе централизации лежали в первую очередь не экономические, а политические факторы: усиление центральной государственной власти и рост военной мощи провоцировал экспансию, когда к Великому Московскому княжеству стали присоединяться не только русскоязычные территории, но и земли, граничащие с ними, но заселенные нерусскими народами (Вятская, Пермская, Югорская земли и др.).

В результате русско-литовской войны 1500—1503 гг. к России отошла Чернигово-Северская земля — 70 волостей и 25 украинских, белорусских и русских городов.

Таким образом, в начале XVI в. завершился процесс объединения Русской земли. В 1462 г. Иван III унаследовал от отца Московское княжество, территория которого равнялась 400 тыс. кв. км. А своему сыну Василию III он оставил обширную державу, площадь которой выросла более чем в 5 раз и превышала уже 2 млн. кв. км.

В конце XV в. появилось и новое имя централизованного государства — Россия. Название "Россия" долго сосуществовало рядом с прежними именами — Русь, Русская земля. Постепенно оно становилось все более распространенным. "Российский" стало означать принадлежность к государству, а "русский" — к народности.

Переходя к освещению третьего вопроса лекции, необходимо

обратить внимание студентов, что по мере объединения русских земель под властью Московского государства менялся характер власти, ее организация и идеология. В дипломатической переписке Иван III стал именовать себя "Иоанн, божьей милостью государь всея Руси". Вскоре появился и другой, более высокий его титул: "царь всея Руси". После того, как Русское государство освободилось от татаро-монгольской зависимости, к великокняжескому титулу стали прибавлять слово "самодержец": сначала в смысле независимости великого князя от какого-либо другого государства, а затем в смысле неограниченности его власти. Удельными князьями оставались главным образом братья и племянники великого князя, но они уже не имели права чеканить свою монету, устанавливать дипломатические отношения с иностранными государствами и править суд по важным делам.

В целях повышения престижа своей власти Иван III после смерти первой жены сочетался браком с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софьей Палеолог. Сам факт этого бракосочетания был весьма символичен: царевна своим замужеством как бы делала московских государей приемниками византийских императоров. Царевна как наследница павшего византийского дома перенесла его державные права в Москву — новый Царьград, где и разделила их со своим супругом. Так возникла официозная теория "Москва — третий Рим", призванная поднять престиж и авторитет новорожденной державы.

По мере процесса объединения и централизации изменялась организация управления государством. Система удельного княжения сокращалась. Бывшие удельные князья пополняли ряды московского боярства. Самые знатные бояре входили в состав Боярской думы — высшего законосовещательного органа, где вместе с великим князем решали все важнейшие государственные вопросы и вопросы дворцового хозяйства. Постепенно выросла целая система дворцовых учреждений, ведавших великокняжеским хозяйством, дворцовыми землями. В конце XV в. стали зарождаться центральные правительственные учреждения общерусского характера, ведавшие отдельными отраслями управления на всех землях государства (избы, позже — приказы).

В местном управлении также вводилась определенная система. Основная территория Русского государства делилась на уезды, а последние на волости и станы. Ими управляли наместники и волостели, являвшиеся судьями, сборщиками налогов, военными начальниками города и уезда.

В процессе формирования централизованного государства складывалось служебное сословие и шло закрепощение крестьян. Отношения подданства (а не вассалитета, как в Европе) были специфической чертой русского общества. За свою службу бояре и слуги великого князя стали получать поместья. Стала формироваться поместная система, при которой государство всегда могло располагать значительными военными силами без затрат каких-либо средств на их содержание. Условность такого поместного землевладения состояла в том, что оно в принципе не было наследственным

и даже пожизненным и зависело от самого факта несения службы государству. Помещик должен был не только сам служить, но и выводить определенное число своих вооруженных людей. Как система поместное землевладение сложилось в конце XV в., когда Иван III, а затем Василий III ввели в поместную раздачу значительный массив новых земель, включенных в состав Русского государства.

Параллельно шел процесс закрепощения крестьян. Раздача земель за службу производилась вместе с жившими на ней крестьянами. Судебник 1497 г. ввел ограничение срока перехода крестьян от одного землевладельца к другому. Этот закон носил общегосударственный характер и закрепил право феодалов на принудительный труд, имущество и личность крестьян.

Таким образом, ведущая роль политического фактора в процессе объединения русских земель имела далеко идущие последствия: для нового государства была характерна сильная монархическая власть, опиравшаяся на служилое сословие, а последнее экономически существовало за счет эксплуатации подневольного крестьянского труда. Система подданства, службы стала пронизывать все российское общество сверху донизу.

Несомненный интерес у студентов при правильной расстановке акцентов вызовет четвертый вопрос, посвященный культуре и быту средневековой Руси. Чтобы понять социокультурные процессы эпохи средневековья, необходимо учитывать, что решающее влияние на культуру в то время оказывали религия и церковь. Причем следует подчеркнуть, что нормы христианства сыграли положительную роль в преодолении суровых нравов, невежества и некоторых "диких" обычаев древнерусского общества. В частности, нормы христианской морали оказывали большое влияние на семейную жизнь, брак, воспитание детей. Далее в лекции целесообразно кратко рассказать о том, что представляла собой семья в эпоху средневековья. Интерес у студентов, несомненно, вызовет и рассказ о семейном и общественном быте, о церковных обрядах и официальных праздниках⁴. Следует подвести слушателей к выводу, что жизнь человека в эпоху средневековья хотя и была сравнительно замкнутой и однообразной, но далеко не исчерпывалась производственной и социально-политической сферами, а включала многие аспекты повседневного бытия, на которые историки далеко не всегда обращают внимание.

Возрождение русской культуры начинается во второй половине XIV в. Оно было неразрывно связано с освободительной борьбой против татаро-монгольской зависимости и движением за объединение Русских земель. Тема борьбы за независимость стала центральной как в устном народном творчестве, так и в литературных работах. Эта тематика способствовала и возникновению исторической и политической литературы, в частности появлению в начале XV в. летописных сводов общерусского характера. В исторических работах рубежа XV—XVI вв. стали ощутимы рационалистические взгляды на исторические события.

Расширялись географические знания людей эпохи средневековья. Стали появляться первые географические карты ("чертежи"). Русские мореплаватели внесли большой вклад в географические открытия на Севере. Определенный прогресс наблюдался в области технических и естественнонаучных знаний. Русские мастера научились производить довольно сложные математические расчеты при строительстве зданий, используя при их возведении блоки и другие механизмы. В военном деле было освоено литье медных пушек, получили распространение стенобитные и метательные орудия.

В XIV в. в городах России возобновилось каменное строительство. Начал формироваться общерусский стиль архитектуры. Подъем изобразительного искусства был связан с именем выдающегося русского живописца Андрея Рублева (ок. 1360 — ок. 1430). Следует подчеркнуть, что творчество Андрея Рублева оказало большое влияние на дальнейшее развитие художественной культуры России.

Подводя итоги четвертому вопросу лекции, необходимо сделать вывод, что развитие культуры в XIV — XV вв. было обусловлено процессом объединения Русского государства, проходило под влиянием идей возрождения России и формирования создания единства ее народов.

Таким образом, Российское централизованное государство формировалось как авторитарное, высокой была и социальная цена его образования. Однако это был закономерный и прогрессивный процесс. Внутри страны прекратились разорительные феодальные усобицы. Исчезли пограничные рубежи между отдельными землями. На территории всего государства стали вводиться единая денежная система, единые меры веса, длины. Все это способствовало подъему экономики. Образование Российского централизованного государства стало фактом большого международного значения. Россия заняла видное место среди европейских государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.

² См.: Лебедев В.Э. Государство и общество в русской истории. Часть 1. Екатеринбург, 1993. С. 5.

³ См.: Алексеев Ю.Г. Государь вся Руси. Новосибирск, 1991.

⁴ См.: Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 33-75.

КОНФЕРЕНЦИИ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ В ИСТОРИИ РОССИИ

14—15 июля 1993 г. в Екатеринбурге состоялась международная научная конференция, посвященная 380-летию Дома Романовых, 125-летию со дня рождения Николая II и 75-летию расстрела царской семьи. Конференция проводилась в рамках Дней памяти Николая II и императорской семьи. Организатором конференции выступил Институт истории и археологии УрО РАН. Необходимо отметить, что это была первая конференция со времени празднования 300-летия Дома Романовых в 1913 г.

На конференцию были приглашены члены царской династии, представители духовенства, крупнейшие российские и зарубежные ученые. Всего в конференции приняло участие более 250 человек. Конференция проходила под Высочайшим Покровительством Главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны.

На пленарном заседании были заслушаны два доклада. В.В.Алексеев, член-корр. РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН, посвятил свое выступление итогам и задачам изучения екатеринбургской трагедии. Докладчик отметил, что пришло время дать научный анализ 380-летней истории династии Романовых на русском престоле, рассмотреть всесторонне ее роль как консолидирующего стержня развития русской государственности. Особое место в докладе было уделено крушению российской монархии, парадоксам жизни и гибели Николая II. Докладчик проанализировал обширный круг литературы, посвященной екатеринбургской, алапаевской и пермской трагедиям: от работ Р.Вильтана, Н.Соколова, М.Дитерихса, П.Жильяра до трудов А.Саммерса, Т.Менгольда, Э.Радзинского, Г.З.Иоффе, М.Ферро, Ю.А.Буранова. На основании новых источников, отметил докладчик, удалось воссоздать подлинную картину гибели императорской семьи и проследить историю поиска их останков. Результатом кропотливой работы явился выход в свет монографии докладчика "Гибель царской семьи: мифы и реальность" (новые документы о трагедии на Урале). Книга получила высокую оценку участников конференции.

Группа ученых США под руководством профессора У.Р.Мэйплза подвела итоги изучения останков царской семьи. Молекулярные и генетические исследования американских ученых на 98,5% подтверждают принадлежность останков царским особам. Идентифицированы останки Романова Николая Александровича, Романовой Александры Федоровны, Романовой Ольги Николаевны, Романовой Татьяны Николаевны, Романовой Марии Николаевны; Евгения Боткина, Алексея Труппа, Анны Демидовой, Ивана Харитоновича; костных останков Анастасии и Алексея не обнаружено.

На конференции работали две секции: "Династия Романовых: люди и судьбы", "Романовы и российское общество". Наибольший интерес вызвали доклады д.и.н. С.В.Мироненко "Николай I — император и человек", д.и.н. Л.Г.Захаровой

"Император Александр II: политический портрет". Основная дискуссия разгорелась вокруг причин и обстоятельств гибели царской семьи, а также поиска их останков. Н.Н.Авдонин, председатель фонда "Обретение", остановился на ходе исследований, которые проводятся в бюро судмедэкспертизы в Москве и Екатеринбурге. Однако исследователи, отмечали участники конференции, в своей работе получают все больше новых вопросов, чем ответов. Одна из причин — отсутствие тщательной исторической экспертизы.

В.Н.Соловьев — следователь Российской прокуратуры — представил неизвестные ранее материалы следственного дела Соколова, вывезенные в годы войны из Парижа. Новые исторические документы (прежде всего телеграммы Свердлова, Карахана) представила Л.Н.Лыкова — с.н.с. Российского центра хранения и использования документов новейшей истории. Выступление С.Скотта (Швеция) было посвящено истории Романовых за границей, их роли в сохранении преемственности культуры и налаживании связей с русской диаспорой.

Работа второй секции сконцентрировала свое внимание на обсуждении проблем царской власти и народа, власти и политики, власти и культуры. Профессор В.В.Рабцевич (Челябинск) осветила проблему регионализма во внутренней политике царского самодержавия, к.и.н. И.В.Щербакова (Ярославль) — проблему конституции и монархизма, профессор П.В.Долгов (Екатеринбург) — влияние династии Романовых на архитектурные образы культурных сооружений. На конференции с докладами выступило 32 человека, в дискуссиях приняло участие 20 человек.

В принятом резюме участники конференции констатировали, что династия Романовых сыграла значительную конструктивную роль в истории России XVII—XIX вв. Избрание на престол первого царя из династии Романовых — Михаила Федоровича — положило конец глубокому внутреннему кризису — "Смуте" в Российском государстве. В течение правления Романовых Россия превратилась из окраинного "Московского царства" в могущественное евразийское государство — Российскую империю. Романовы выступали инициаторами радикальных реформ — "революций сверху", способствовавших модернизации и либерализации государства, общества, экономики, культуры страны. Немалый конкретный вклад в развитие отечественной культуры, науки, военного дела внесли представители Дома Романовых.

Конференция констатировала, что роль династии Романовых в истории России, судьбы представителей Дома Романовых до сих пор не получили в науке всестороннего, достаточно глубокого и объективного отражения. В связи с этим участники конференции предложили: 1) продолжить исследование проблем: роль Романовых в модернизации государства, общества, экономики, культуры России; царская власть в российской культуре и менталитете; обстоятельства гибели членов семьи Романовых в 1918 г.; Романовы в эмиграции; 2) для координации деятельности исследователей создать в Екатеринбурге Международный центр по изучению темы "Династия Романовых в истории России"; 3) приступить к организации Архива по проблеме гибели членов семьи Романовых на Урале в Екатеринбурге.

М.Н.Денисевич

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "КАЗАЧЕСТВО НА ГОСУДАРОВОЙ СЛУЖБЕ"

1993 год был богат памятными датами. В этом году исполнилось 380 лет восстановления российской государственности (1613—1993), 125 лет со дня рождения последнего российского царя Николая II и 75 лет со времени его трагической гибели. Все эти даты так или иначе связаны с историей Российского государства и Дома Романовых. Между тем огромную роль как в истории России, так и в судьбе российской императорской династии сыграло казачество. Прежде всего необходимо отметить участие казаков в присоединении и военно-политическом, хозяйственно-экономическом, культурно-просветительском освоении периферийных территорий империи: "Дикого поля", Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. Казаки защищали государственные рубежи, обеспечивали внутривосточную стабильность, являлись весомой силой в осуществлении внешней политики государства. В 1613 г. именно казаки сказали решающее слово при выборах на царствование Михаила Федоровича, первого представителя рода Романовых на Российском престоле.

Роль казачества в истории Российского государства обсуждалась 17—19 мая 1993 г. в Екатеринбурге на научной конференции "Казачество на государственной службе", организованной Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. В работе конференции приняло участие более 100 человек, в том числе представители казачьих организаций: Кубанского и Терского казачьего войска, Сибирского казачьего войска, Оренбургского и Уральского казачества. На конференцию прибыли исследователи из Москвы, Екатеринбурга, Омска, Томска, Челябинска, Нижнего Тагила, Кургана, Ижевска и других городов. Были и зарубежные ученые — из Германии и Австрии.

Сегодня тема казачества приобрела не только научное, но и практическое значение. С конца 1980-х годов заметный размах в России приобрело движение за его возрождение. Российское общество в очередной раз продемонстрировало удивительную способность к самовыражению. Прошло более 70 лет со времени отмены традиционных институтов общественного бытия — сословий. Но вот ослабло идеологическое и политическое давление со стороны правящей номенклатуры — и традиционные структуры снова заявили о себе. Но историческое и духовное возрождение казачества, восстановление этнической самобытности, корневой связи с землей, культурой немислимо без опоры на исторический опыт. Это обуславливает потребность в исследованиях исторического прошлого казачества. Такая работа ведется Институтом истории и археологии УрО РАН. В 1989 г. директор Института, член-корреспондент РАН В.В.Алексеев выступил с инициативой разработки проекта изучения истории казачества восточных регионов страны (Урал, Сибирь, Дальний Восток). Был сформирован авторский коллектив (руководитель — д.и.н., проф. Н.А.Миненко), включающий несколько десятков исследователей из Москвы, Екатеринбурга, Оренбурга, Челябинска, Томска, Новосибирска, Барнаула, Кургана, Омска, Херсона, Владивостока и других городов, а также из-за рубежа. В рамках реализации проекта проведены уже три конференции: в Екатеринбурге (1991, 1993) и в Томске (1992) с

участием казачества. Вышли в свет научные сборники "Казачество Урала и Сибири в XVII—XX вв." (Екатеринбург, 1993) и "Казачество на государственной службе" (Екатеринбург, 1993). Сдан в печать 1-й том "Истории казачества восточных регионов России", который охватывает период с XVI по середину XIX в.; завершается работа по подготовке к изданию 2-го и 3-го томов монографии.

Конференцию "Казачество на государственной службе" открыл чл.-корр. РАН В.В.Алексеев, который указал на актуальность изучения взаимоотношений государства и казачества и роли казачества в государственном строительстве России.

Проблемам взаимоотношений монархической власти и казачества были посвящены выступления Н.А.Миненко, А.Т.Топчия, И.В.Побережникова. Н.А.Миненко обратила внимание на представления казаков о государе, принципах монархической власти, собственном месте в структуре монархического государства. Как показал докладчик, к XVIII в. не существовало принципиальных отличий в отношении к монархической власти у казачества Урала (в том числе яицкого) и Сибири. Государь воспринимался как глава всего народа, отец подданных, олицетворение независимости и мощи государства; казачья служба государю отождествлялась со службой Отечеству. По мнению Н.А.Миненко, даже во время открытых выступлений казаки оставались монархистами: например, казаки пошли за Пугачевым, потому что верили в истинность "Петра III". Антимонархические настроения, отметил докладчик, были присущи лишь некоторым радикалам из числа приверженцев "старой веры". Близким по тематике к выступлению Н.А.Миненко был доклад И.В.Побережникова, посвященный отражению образа государя в фольклоре уральского казачества XVIII—XIX вв. Автор, проанализировав фольклорные эпитеты царя, пришел к выводу, что монарх воспринимался казаками как общий отец всех подданных, всех православных, высший покровитель и благодетель. Отношения между казаками и царем в сознании казачества рисовались как патриархальные отношения между "детьми" и "бабушкой". Существенной чертой казачьего мировоззрения являлась сакрализация образа царя — в этом плане казачьи представления совпадали с общенародными. Все же, по мнению И.В.Побережникова, существовали определенные тормоза верноподданнических отношений казаков — это исконные казачьи обычаи, "обыкновение", посягательства на которые правительства вызывали ропот, сопротивление и прямые укоры даже в адрес монарха.

В докладе А.Т.Топчия было обращено внимание на влияние миграционной политики правительства 1860—1880-х гг. на переселения казаков и демографические процессы на территории казачьих войск Сибири и Дальнего Востока. Из числа законодательных актов автор доклада выделил законы от 29 апреля 1868 г. и 29 августа 1869 г., разрешившие переселение на казачьи территории и выход из сословия. Этими актами была сделана попытка со стороны правительства разрядить земельную тесноту в войсковых формированиях юга страны и усилить казачий контингент на восточных ее окраинах. Следствием действия этих указов был рост числа "иностранцев" на территориях европейских казачьих войск. Те же процессы на территории Сибири, однако, шли гораздо медленнее. Казачьи переселения на крайнем Востоке России активизировались в 1880-е гг., когда шел интенсивный процесс

освоения Приамурья, было создано Уссурийское казачье войско (1889 г.).

Доклад И.И.Коваль "Оренбургское казачество и династия Романовых" был посвящен связям казачьего войска с императорским домом. Автор особое внимание уделил посещениям территории Оренбургского казачества государями и другими представителями царской фамилии (Александр I в 1824 г., великий князь Александр Николаевич в 1837 г., цесаревич Николай Александрович в 1891 г. и т.д.). Проанализирована топонимика войска, в которой отложились имена императорской фамилии.

Б.Б.Овчинникова обратилась к проблеме происхождения казачества. Докладчик рассматривает в качестве предшественников казачества XV—XVI вв. бродников — преимущественно славяно-русское население, степное, военно-промысловое, организованное в вольницы, которое в течение XI—XIII вв. обживало Великую Степь. Обращено внимание и на многочисленные — генетические, культурные, лингвистические — связи казачества с народами, проживавшими в Причерноморье и на Северном Кавказе в XI—XIII вв.

Интересная попытка рассмотреть историю казачества в свете современных геополитических концепций была предпринята К.И.Зубковым. Автор выделил два, вытекающих из общих геополитических посылок, подхода в интерпретации казачества: в рамках первого подхода (основа которого — тезис "евразийства" об изначальной "симфонической" целостности России-Евразии) локальные этнографические группы русского народа, в том числе казаки, трактуются как яркие этнические индивидуации, генезис которых отрывается от восточно-славянских корней; в рамках второго подхода (основа — дивергенция единого великорусского этнического массива по мере пространственного расширения Российского государства) прототипами казачества выступают наиболее активные элементы русской вольно-колониационной стихии.

Интерес участников конференции вызвал доклад В.Н.Земцова, В.А.Ляпина, посвященный униформе казачьих войск России в XVIII — начале XX вв. Авторы рассмотрели процесс складывания униформы казачьих войск на фоне унификации и регуляризации казачества, проводимых правительством с начала XVIII в.

В докладе Г.Г.Павлуцких была проанализирована роль казачества в освоении Южного Зауралья во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Проблемам складывания отношений казачества и церкви и оценке уровня религиозности казачества был посвящен доклад М.Ю.Нечаевой. Отдельные служебные функции оренбургских казаков в 1860-е гг. были проанализированы в докладе Д.В.Гаврилова.

На конференции была представлена и биографическая проблематика. Ю.А.Окунь проанализировал "Записки" оренбургского казака И.В.Чернова, а О.П.Вутын остановилась на историографических взглядах известного историка-казаковеда Г.Е.Катанаева.

С интересом прослушали участники конференции доклады А.В.Бакунина, В.А.Шулдякова, И.Е.Дунюшкина, посвященные судьбам казачества в советской и современной России.

И.В.Побережников

РЕЦЕНЗИИ

РОССИЙСКИЕ САМОДЕРЖЦЫ. 1801—1917. М.: "Международные отношения", 1993 (2-е изд. — 1994)

Тройной "романовский" юбилей прошлого года (380 лет династии, 125 лет со дня рождения Николая II, 75 лет со дня гибели царской семьи) породил бурный отклик в нашем обществе, вызвав волну статей, книг, выставок, телепередач и конференций. Этот поток выявил, насколько иррациональный характер носит подчас сегодняшняя тяга к истории. Разочарованная в современности и недавнем прошлом, озлобленная неправдой и умолчанием о многих сторонах минувшего, публика инстинктивно отбрасывает все негативные факты и суждения, касающиеся дореволюционной России и ее излюбленных символов — например, царского дома.

Это показывает, что наше сознание осталось догматичным, идеологизированным. Прежнюю официальную схему ("до 1917 г. — гнет, нищета, невежество"), не прилагая особого труда, просто "вывернули наизнанку". Сам же принцип схематизма сохранился. Нашей публике, видимо, пока недостает мужества принять реальную, "неприглаженную" русскую историю во всей ее сложности, неоднозначности и противоречивости.

Поэтому таким важным и нужным представляется появление книги о русских императорах, написанной историками-профессионалами. Тема сборника говорит о том, что в нашей историографии крепнет осознание огромной, во многом самодовлеющей роли государства в отечественной истории. А.П.Корелин во введении к сборнику замечает, что в России — "отставшей" стране — именно власть, а не общество становилась зачастую двигателем преобразований (С. 7 рецензируемого издания). Хочется видеть здесь симптом определенного возвращения к традициям исторической классики — в частности, "государственной школы" (разумеется, с необходимыми коррективами, с учетом накопленного опыта и знаний). Хотелось бы, чтобы сборник помог возрождению еще одной традиции, так обогащавшей науку о прошлом в былые времена, — практики живого обращения историка к широкой публике.

Выбор хронологических рамок сборника — XIX — начало XX в. — неслучаен. В эти годы правила особая ветвь династии — потомки гольштейн-готторпских герцогов, — имевшая свои правила, традиции и установления. Фактическим родоначальником этой линии был Павел I — отец многочисленного семейства; он же определил ее устройство "Учреждением об императорской фамилии". К Павлу восходил и дух прусского милитаризма, хранимый всеми "Романовыми-Гольштейн-Готторпами". Поэтому представляется, что в сборнике недостает статьи о Павле.

А.П.Корелин во введении указывает, что книга посвящена царям, правившим "в переломную эпоху, когда развитие мирового сообщества властно потребовало глубоких перемен от начинавшей заметно отставать России" (С. 7). Но начало этой эпохе было положено еще в 1789 г., и своеобразная политическая система Павла была первой в длинном ряду попыток русских царей ответить

на вызов времени (утверждение буржуазных порядков в Европе). Все цари XIX в. в той или иной мере реализовывали проглянувший в деятельности Павла "инстинкт порядка, равенства и дисциплины" (В.О.Ключевский) — учреждая министерства, проводя кодификацию законодательства, освобождая крестьян, вводя сословные учреждения.

Статьи сборника заметно различаются по характеру. Открывающий книгу очерк А.Н.Сахарова об Александре I — это обзор-эссе общего характера, тогда как остальные работы основаны на архивных материалах. Первые четыре статьи освещают как государственную деятельность, так и психологию царей, заключительный же очерк (А.Н.Боханова) о Николае II посвящен в основном второму аспекту и рассчитан на читателя, уже знакомого с основными историческими фактами последнего царствования. А.П.Корелин предупреждает читателей о разности "авторских подходов и стиля" (С. 7). Скорее, это все-таки разность жанров, что создает известную "несостыковку" и несколько нарушает целостность восприятия.

Кем был первый из Павловичей — Александр? Современники и историки приложили немало усилий, чтобы разгадать этого "сфинкса", "двуязычного властелина". Для А.Н.Сахарова отправным пунктом стал анализ легенды о "старце Федоре Кузьмиче". Почему в народе так прочно держалась, казалась такой правдоподобной мысль о том, что Александр I добровольно отказался от власти и ушел искупать, замаливать грехи? Автор очерка считает, что воспитанник республиканца Лагарпа до конца жизни не смог расстаться с "просвещенческими" идеалами (гуманизм, равенство, свобода, справедливость), и невозможность осуществить эти принципы стала для него источником тяжелой душевной драмы.

А.Н.Сахаров постарался с участием подойти к Александру, увидел в нем глубоко несчастного человека. Лишенный нормального семейного очага, будущий монарх рос в атмосфере интриг и ненависти. Чувствуя "неправедность" власти, Александр всю жизнь мечтал об отречении, но нес свою ношу, надеясь свершить преобразования, казавшиеся ему необходимыми. Судьба взвалила на Александра страшный груз: в безвыходной ситуации, перед лицом заточения в Шлиссельбург, он вступил в заговор против отца при обязательном условии, что тому будет сохранена жизнь — и стал первым отцеубийцей на русском престоле. "Получив после убийства отца царство реальное, он потерял это царство в своей душе, которая не готова была нести столь тяжкий крест" (С. 54). К комплексу вины постоянно примешивался страх за свою жизнь, страх покушения — то со стороны дворцовых заговорщиков, то со стороны декабристов (С. 54—56).

А.Н.Сахаров показывает, что вплоть до начала 1820-х гг. Александр стремился осуществить свои замыслы — введение самовластия в законные рамки и отмену крепостничества. Цепь событий — от юношеских бесед Александра с наперником А.Чарторыйским до проектов Н.Н.Новосильцева — складывается в единую линию. Царь поручал составление тайных проектов крестьянской реформы А.А.Аракчееву и министру финансов Д.А.Гурьеву — людям, перед которыми ему не было нужды лицемерить или "кокетничать либерализмом". Автор очерка отмечает, что в своих бесчисленных поездках (ставших предметом насмешек) Александр,

терпя порой немалые лишения, стремился увидеть всю страну, "дойти до каждого слоя общества", по возможности помочь отдельным людям — как бы искупая вину перед народом, которому так и не смог дать свободу (С. 81).

Все это не позволяет просто заклеить царя как "лжеца", побуждает оспорить строки известных пушкинских эпиграмм. Поэт называл царя "слабым", "врагом труда", не ведая о всех перипетиях его борьбы с охранителями. "Лукавство" же было неизбежно для монарха, имевшего дело с такими врагами, как Бонапарт, с придворной знатью, из которой вышли убийцы его отца.

При всем том необходимо отметить: государственный деятель не имеет права на непоследируемость, и метания Александра I в конечном счете обернулись большим злом. Широковещательно начатые, но незавершенные реформы во многом спровоцировали революционное движение. Присоединив к империи Польшу (в надежде, что она станет "трамплином" для сближения России с Европой), Александр завязал тугой узел русской и международной политики, который пришлось распутывать Николаю I и Александру II. Но неверно было бы возводить это лишь к нравственным изъянам и ошибкам монарха. Здесь проглядывала трагическая коллизия: насколько необходимы были к началу XIX в. реформы в России с точки зрения общемирового развития, настолько мало было для них почвы в стране. Думається, к Александру приложимы не столько хлесткие пушкинские эпиграммы, сколько другие строки поэта: "Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды..."

Неудачи Александра и зло, причиненное им стране, не должны закрывать позитивных итогов. Александровскому царствованию многим обязаны две важнейшие силы русской истории XIX в. — бюрократия и интеллигенция. Первая (взявшая на себя впоследствии миссию Великих реформ) крепла в рамках введенных Александром министерств; вторая — благодаря либеральному цензурному уставу и университетам, основанным в те же годы. Нельзя забывать, что введенная Александром система высших государственных органов просуществовала почти без изменений до 1917 г.: она, безусловно, повысила упорядоченность и дееспособность управления, упрочила стабильность трона (чего так не хватало бурному XVIII в.).

Антитезой александровской политике стал курс Николая I (очерк С.В.Мироненко). При этом "схема" двух царствований во многом совпадает: начинались они с больших надежд и кончились почти всеобщим порицанием. Характерно, что приветствовал Николая при вступлении на престол Пушкин — друг декабристов-республиканцев, а осудил в конце правления Тютчев — консерватор и монархист.

"Солдатство" Николая, отмечает С.В.Мироненко, не было просто плодом "реакционности" или субъективной ограниченности (С. 98). Милитаризованное воспитание, стиль поведения монарха казались необходимыми и неизбежными после многолетних наполеоновских войн; но перенесенные на гражданскую сферу военные методы стали для нее тяжким грузом.

Следует отметить, что описание в работе С.В.Мироненко коллизий, связанных с назначением Николая наследником, с междоусобицей декабря 1825 г., несколько пересекается с материалами предыдущей статьи, создает впечатление некоторого дублирования (ср. С.83—90 и 102—107). В очерке подробно раскрывается всепоглощающий культ

государственной власти, дисциплины, силы и внешнего принуждения, характерный для Николая. "Он действовал добросовестно по своим убеждениям; за грехи России эти убеждения были ей тяжким бременем" (В.С. Аксакова).

С.В. МIRONENKO прослеживает, как охранительный курс, провозглашавший идеал монолитности, стремился сомкнуться в единую, цельную систему. Все должно было служить проведению в жизнь определенных принципов — государственная практика, идеология, личный "имидж" императора. Закономерным итогом николаевской системы, плодом сверхцентрализации была фактическая дезорганизация управления. Другим последствием режима Николая I стала внешняя экспансия: еще Кюстин подметил, что отсутствие свободы можно было оправдать только внешним могуществом и победами (см. С. 154). Так вызревал крах николаевской политики. Характерно, что исчерпала она себя примерно за тот же срок (30 лет), что и курс Александра I. Схож был и финал августейших братьев: крепкие и нестарые еще люди, они умерли, не вынеся поражения своей политики (и обе смерти были окружены ореолом слухов и легенд). Сказался невеселый "маятник" русской истории XIX в., когда либеральные и охранительные царствования поочередно сменяли друг друга: реформаторский курс, давая известный импульс движению вперед, порождал социально-политическую нестабильность, охрана же "устоев", обеспечивая относительный внутренний мир, вела к стагнации и военному поражению.

Часто упоминается, что в свои последние дни Николай признавался сыну: "Сдаю тебе команду не в полном порядке". Менее известны предсмертные слова царя к наследнику ("держи все — держи все"), сопровождавшиеся энергичным жестом руки, показывающим, что держать надо крепко. Завет оказался символичным: Александр Николаевич воспринял и сохранил многие из принципов отца, хотя действовать ему предстояло совсем в иной обстановке.

Противоречия личности и деятельности Александра II — единственного самодержца с титулом "Освободитель" — раскрываются в очерке Л.Г. Захаровой. Преемника Николая I хотели воспитать "идеальным монархом" — наставник В.А. Жуковский призван был как бы повторить дело Лагарпа. Примечательно, что оба монарха XIX в., которых специально готовили к престолу, (Александр I и Александр II) стали реформаторами, в то время как цари, не получавшие обширного образования, становились охранителями. Знаменательна и иная закономерность: в периоды бурных потрясений (1801—1825, 1855—1881 и 1894—1917) на троне оказывались в целом недостаточно сильные деятели, волевым же натурам (Николаю I и Александру III) царствовать выпадало в относительно спокойные, стабильные эпохи.

Несмотря на усилия Жуковского, Александр Николаевич под влиянием отца вырос "военным в душе". Это наложило печать трагичности на российское реформаторство. Александр II смог осознать необходимость перемен, поддержать наиболее прогрессивных деятелей в своем правительстве. Но, как показывает Л.Г. Захарова, он пошел на преобразования не в силу либеральных убеждений, а из чисто прагматических соображений — чтобы укрепить финансовую, военную, международную мощь империи, "откупиться" от притязаний недовольного общества. Крестьянская реформа стала разорительной и для крестьян, и (в определенной степени) для

помещиков — государство же извлекло выгоду. В дело социального переустройства не было вложено ни рубля казенных денег — в то время, как на армию уходила треть, на покорение Кавказа — одна шестая часть бюджета (С. 187).

Реформы проводились под давлением обстоятельств и застопорились, когда кризис миновал. Между тем такие радикальные начинания никак нельзя было бросать на полпути — они должны были сомкнуться в единую систему (прежде всего, необходимо было ввести представительство). Но Александр II, видимо, не улавливал связи между отменой крепостничества и ограничением самодержавия. Мнительный (как большинство слабых людей), ревнивый к своей власти, царь сознательно удерживал в правительстве политиков противоположного направления, реализацию реформ поручал охранителям. Все это разрушало целостность правительственного курса, усугубляло социально-политическую нестабильность и в конечном счете привело к трагедии 1 марта 1881 г. Даже в последние часы жизни царь повел себя скорее как военный, а не как государственный деятель (это его во многом и погубило): вместо того, чтобы после первого взрыва на Екатерининском канале остаться в карете, он, как подобает офицеру, шагнул вперед — и стал жертвой террориста-смертника.

Гибель царя-реформатора дала начало новому витку исторической спирали, новому охранительному циклу — царствованию Александра III (очерк В.А.Твардовской). Царю-освободителю наследовал царь-миротворец: глубокая трагичность русской истории заключалась в том, что после освобождения наступала необходимость умиротворения.

Если рождение Александра II Жуковский приветствовал призывом быть "на троне человеком", то в годы царствования его сына М.Н.Катков доказывал, что на государственном посту должны умолкнуть "все побуждения и требования человеческой природы" (С. 293). В.А.Твардовская отмечает многочисленные параллели между царствованиями Александра II и его деда: программный манифест 29 апреля 1881 г. был написан по образцу манифеста Николая о восшествии на престол; как и николаевское царствование, правление Александра III началось пятью казнями (С. 236, 242).

Подобно Николаю, его внук стремился дополнить противостояние "духу времени" своеобразной "попечительной" политикой: так, во время Морозовской стачки, забастовки в Юзовке 1892 г. он, карая зачинщиков, следил в то же время за соблюдением интересов рабочих (С. 269—271). Однако уйти от проблем, которые ставила эпоха, не удалось. Развивая буржуазные отношения в экономике, режим подрывал собственную основу. Подавив либералов, правительство Александра III не смогло остановить развития революционной идеологии. Назревали противоречия, которые бурно вышли на поверхность в годы следующего царствования.

Автор очерка отмечает общую черту в жизни двух последних самодержцев: начиная чувствовать неприязнь к политике, они все сильнее уходят в семейную жизнь (С. 295) (можно добавить — и в религию). И над Александром III, и над Николаем II начинает витать тень "бедного Павла" — трагическая и зловещая одновременно. Александр живет в Гатчинском дворце, молится в кабинете Павла, собирает документы, относящиеся к его царствованию

(С. 244—245). Николай мечтает поначалу назвать Павлом сына, испытывает, как и предок, склонность к мистицизму. Здесь как бы "замыкается" столетняя "дуга" — и это еще одна причина, по которой хотелось бы видеть в сборнике очерк о Павле.

В.А.Твардовская отмечает, что Александр III, как ни парадоксально, во многом напоминал своих врагов-народовольцев — так же верил в насилие, так же не испытывал сомнений в своей правоте (с. 240). Хотелось бы, однако, проследить, как формировалось это мировоззрение — в очерке, скорее, дается готовая его картина. Автор указывает на черты сходства между самодержавием Александра III и тоталитаризмом (С. 283). Но это все-таки не одно и то же (иначе в 1917 г. не было бы возможности, да и необходимости уничтожать "старый порядок") и, думается, различия стоит подчеркнуть. Не вполне оправданными представляются многочисленные отвлечения от основного сюжета в очерке, посвященные проблемам общественного движения, описанию взглядов И.С.Аксакова, Каткова, Н.А.Любимова и других, судьбе Н.Г.Чернышевского, характеристике судебных уставов 1864 г. и т.д.

Последний император — одна из самых популярных ныне фигур в общественном сознании. Очерк А.Н.Боханова о Николае II выделяется нетрадиционным подходом: автор постарался увидеть в действиях царя не просто плод личной ограниченности, а определенную, достаточно цельную систему взглядов и ценностей, в которую последний монарх глубоко верил. Вместе с тем некоторые положения очерка хотелось бы оспорить.

Автор отмечает, что Россия к началу XX в. оказалась в сложнейшей ситуации: старая, авторитарная система власти изжила себя, а свернуть на демократический европейский путь стране в силу ряда причин было крайне трудно (С. 313). По мнению А.Н.Боханова, утопией были и взгляды царя — сторонника безусловного самодержавия, и установки его оппонентов-либералов. Но если убеждения царя для автора — искренние, объяснимые заблуждения, то ошибочные построения либералов ставятся им лично в вину, объявляются плодом нравственной ущербности и своекорыстных стремлений. "Лидеры оппозиции обладали удивительной самонадеянностью и постоянно декларировали, что им ведома истина в последней инстанции" (С. 313). "Либералы мечтали оказаться со своими именами, особняками, гонорами и социальным положением в стране, где царили бы английские порядки" (С. 375).

Нельзя не видеть здесь явного упрощения. В очерке А.Н.Боханова присутствует определенная априорная схема: презумпция благонамеренности царя и злонамеренности либералов. Думается, в реальности обе стороны по-своему радели о благе России. Видимо, в статье в какой-то степени отразилось "баррикадное мышление и двухцветное видение мира", против которых справедливо выступает А.Н.Боханов и которые призвано изжить взвешенное выступление историка-профессионала.

Автор сурово корит "общественные круги" за то, что они "своими нападениями... разжигали в стране ненависть и антимонархические настроения" (с. 379). Но могли ли эти круги сохранять абсолютную покорность и некритическое отношение к власти, если в условиях страшной войны назначения на военные и министерские посты зачастую определялись неуравновешенной императрицей и Рас-

путиным, а самые лояльные обращения к царю оканчивались ничем? "Рекомендации "дорогой Аликс" и мнение Григория для Николая имели значение, но их желания и просьбы далеко не всегда становились волей монарха", — полагает автор (С. 363). Но даже если иногда они становились волей монарха — это должно было привести к роковым последствиям в тогдашней раскаленной атмосфере, и царь не мог этого не сознавать. А.Н.Боханов указывает, что публика судила об императоре и его окружении на основе слухов и сплетен, но не отмечает, что в такой ситуации был виновен и сам царь — сторонник авторитарности, отгороженности власти от общества.

Пассивность царя во многих политических вопросах А.Н.Боханов считает неизбежной: "Каким политическим богам он должен был молиться, чтобы все были довольны, и могло ли быть вообще достигнуто всеобщее согласие в стране, полной контрастов и противоречий?" (С. 318). Думается, это обстоятельство все-таки не избавляло правительство от необходимости поиска реформ, которые удовлетворяли хотя бы некоторые потребности страны. Сам А.Н.Боханов пишет, что "шанс на спасение российской монархии" давали проекты П.А.Столыпина, и отмечает, что Николай II поддержал курс перемен. Увы, он пошел на это лишь после революции и стал явно тяготиться премьером, как только кризис миновал.

Как объяснить странный фатализм Николая II, его частую отстраненность от политических забот? А.Н.Боханов считает это итогом глубокой и искренней религиозности и видит трагедию царя в том, что благочестивый христианин не мог стать удачливым правителем в новейшее время (С. 328, 356). Но с христианской точки зрения полный отказ от собственной воли столь же предосудителен, как опора лишь на нее; отрешенность же от мира — вовсе не общехристианский, а монашеский идеал. Думается, если мы признаем за последним монархом и тяжелые ошибки, и черты, заслуживающие прямого порицания, это не сделает его менее трагической фигурой, достойной сочувствия и взвешенного объективного подхода.

Представляется, что в целом рецензируемый сборник способствует утверждению подобного взгляда на жизнь и деятельность русских царей. Разворачивая галерею личностных портретов, он выполняет и важнейшую сверхзадачу: знакомит публику с главными историческими процессами XIX — начала XX вв., раскрывает их в яркой, доступной форме — через персоналии. Книга выигрывает и благодаря прекрасному полиграфическому оформлению (заслуга издательства "Международные отношения"), профессиональной работе редактора Н.М.Масловой. Хочется надеяться на появление в недалеком будущем третьего, переработанного и дополненного издания сборника.

А.Ю.Полунов

В.В. Алексеев. ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ. (НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ТРАГЕДИИ НА УРАЛЕ). ЕКАТЕРИНБУРГ. 1993, 281 С.

История гибели царской семьи все еще таит в себе множество загадок. Она окутана легендами, и потребуются немалые усилия исследователей для того, чтобы восстановить правдивую картину

трагических событий в Екатеринбурге летом 1918 г., а также объяснить мотивы поведения тех, кто в той или иной мере был причастен к расстрелу Николая II, его жены и детей. Об этом еще раз напоминает рецензируемая книга В.В.Алексеева, содержащая значительное количество впервые публикуемых документов о переезде царской семьи из Тобольска в Екатеринбург и ее уничтожении в июле 1918 г.

Книга состоит из пяти разделов. Первый из них ("Крушение монархии") представляет собой пространное исследование В.В.Алексеева. В нем дан анализ публикуемых во втором ("Навстречу гибели"), третьем ("Расстрел в Екатеринбурге") и четвертом ("Романовские ценности") разделах книги документов, а также рассматриваются существующие в литературе версии гибели царской семьи. Заключительный, пятый раздел ("В поисках останков") составляют документы, появившиеся в результате поисков останков царя, царицы и детей.

Опубликованные во втором разделе книги документы проливают новый свет на фигуру чрезвычайного комиссара ВЦИК В.В.Яковлева (он же К.А.Мячин, К.А.Стоянович), сопровождавшего царя, царицу и великую княжну Марию Николаевну при переезде из Тобольска в Екатеринбург, и его взаимоотношения с центром. Чрезвычайно интересны, в частности, и важны для понимания этой личности включенные в книгу документы из архива семьи В.В.Яковлева. Его письмо большевикам-подпольщикам из Соловецкого лагеря 26 июня 1931 г., а также заявление председателю ОГПУ СССР В.Р.Менжинскому и его заместителю И.А.Акулову 1 ноября 1932 г. и, наконец, заявление И.В.Сталину и наркому НКВД Н.И.Ежову 27 июня 1937 г. (док. 25-27). На страницах этих документов их автор предстает как человек фантастической судьбы и неожиданных авантюрных поступков. Нельзя утверждать, что опубликованные документы объясняют решительно все в поведении В.В.Яковлева как уполномоченного ВЦИК сопровождать царя при переезде из Тобольска в Екатеринбург, но они, несомненно, еще раз подтверждают то, что чрезвычайный комиссар действовал в строгом соответствии с инструкциями, полученными от Я.М.Свердлова. "Яковлев выполнял волю Свердлова, — пишет по этому поводу В.В.Алексеев, — а в его лице центрального большевистского руководства. Не ясно, однако, какие цели оно преследовало: действительно ли хотело доставить царя в Москву, исходя из своих, особых на этот счет соображений, или готовило расправу над ним руками уральских большевиков?" (С. 11).

В.В.Алексеев подчеркивает, что судьба Николая II многократно обсуждалась в Москве на заседаниях Президиума ВЦИК и в Совете Народных Комиссаров. В.В.Алексеев ставит под сомнение официальную версию, согласно которой царская семья была расстреляна "в связи с приближением к Екатеринбургу контрреволюционных сил", и замечает, что Екатеринбург был взят колчаковцами десять дней спустя после расстрела в доме Ипатьева, а за это время "царскую семью можно было несколько раз свозить в Москву и обратно" (С. 12). По мнению В.В.Алексеева, не получила документального подтверждения и официальная версия о подготовке заговора с целью освобождения царской семьи и отправки ее за границу. В третьем разделе книги среди других документов публикуется выдержка из беседы с бывшим сотрудником

Уральского ЧК И.И.Родзинским в Радиокomiteте 13 мая 1964 г. (док. 44). В ходе этой беседы И.И.Родзинский рассказал о своем участии вместе с А.Г.Белобородовым и П.Л.Войковым в фабрикации писем на французском языке Николаю II от имени русского офицера, вселявших надежду в царя на освобождение из неволи. И.И. Родзинский признал провокационный характер этих писем. Они передавались царю для того, чтобы создать иллюзию монархического заговора с целью похищения узников Ипатьевского дома, в то время как в действительности "никакого похищения не готовилось". "Для истории по тому времени, на какой-то отрезок, видимо, и нужно было доказательство того, что готовилось похищение", — объяснял смысл провокации И.И.Родзинский (С. 134—135). Действительно 17 июля 1918 г. Президиум Уральского Облсовета сообщил в Москву о "раскрытии Чрезвычайной комиссией большого белогвардейского заговора, имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи...", и о том, что "найлены компрометирующие документы" (С. 12).

Упомянутое письмо и заявления В.В.Яковлева, а также свидетельство И.И.Родзинского были известны исследователям до появления книги В.В.Алексеева. Выдержки из этих документов приводились, в частности, Г.Иоффе, Ю.Бурановым, В.Хрусталевым. Однако публикация этих документов важна не только с точки зрения сообщаемых в них фактах. Это ценные источники, отражающие нравы, царившие в ЧК, а также в центральных и местных органах власти уже в первые годы после революции. Наконец, эти документы, независимо от времени их происхождения, превосходны для характеристики действующих лиц, их интеллектуального уровня, манеры говорить и мыслить. Достаточно в качестве иллюстрации привести еще несколько строчек из рассказа И.И.Родзинского в Радиокomiteте 13 мая 1964 г. "...Вопрос о сокрытии следов, — говорил И.И.Родзинский, — был важнее даже самого выполнения. Подумаешь там перестрелять, не важно даже с какими титулами они там были. А ведь самое ответственное было, чтобы укрыть, чтобы следов не осталось, чтобы никто использовать это не мог в контрреволюционных целях" (С. 135).

В четвертом разделе книги публикуются документы о судьбе фамильных драгоценностей Романовых, сохранившихся после расстрела царской семьи. Эти страницы книги читаются как детектив. Часть драгоценностей была передана комендантом Дома особого назначения Я.М.Юровским коменданту Кремля П.Д.Малькову, часть, оставленная Александрой Федоровной доверенным лицам и спрятанная в тайниках, была обнаружена сотрудниками ОГПУ только в октябре 1933 г., наконец, часть царских вещей была найдена у похитившего их одного из членов команды, охранявшей Дом особого назначения. Опубликованные списки сохранившихся семейных вещей и драгоценностей Романовых представляют несомненный интерес как для историков, так и для искусствоведов, ибо многие из этих вещей представляют уникальную ценность.

В заключительном разделе книги читателю предлагается документальная история поиска места захоронения жертв екатеринбургской трагедии, а также материалы археологических раскопок екатеринбургского археолога Л.Н.Коряковой.

Книгу завершает библиографический обзор. В него включены не только крупные исследования, но и газетные статьи, посвященные

екатеринбургскому заточению и расстрелу Николая II, Александры Федоровны и детей.

Книга В.В.Алексеева — ценное документальное дополнение к тому, что до сих пор было известно о гибели царской семьи. Подавляющая часть содержащихся в ней материалов публикуется впервые, некоторые из них, как это отмечено В.В.Алексеевым, частично публиковались в работах Г.Иоффе, Ю.Буранова, В.Хрусталева, Г.Рябова, Э.Родзинского. К сожалению, В.В.Алексеев сообщает об этом лишь в общей форме без точного указания публиковавшихся прежде документов и в книге нет соответствующих отметок в легендах к ним.

Академик РАН
Б.В.Ананьич

НАШИ АВТОРЫ

- АКИШИН** Михаил Олегович — младший научный сотрудник
Института истории и археологии УрО РАН
- АЛЕКСЕЕВ** Вениамин Васильевич — член-корреспондент РАН,
директор Института истории и археологии УрО РАН
- АЛЬШИЦ** Даниил Натанович — доктор исторических наук,
профессор Санкт-Петербургской государственной Академии
культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
член Союза писателей
- АНАНЬИЧ** Борис Васильевич — академик РАН, главный научный
сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института
русской истории РАН
- БАКУНИН** Александр Васильевич — доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института истории и археологии
УрО РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
- ДЕНИСЕВИЧ** Михаил Николаевич — доктор исторических наук,
зам. директора Института истории и археологии УрО РАН
- ЗАХАРОВА** Лариса Георгиевна — доктор исторических наук,
профессор Московского государственного университета им. М.В.
Ломоносова
- ЗУБКОВ** Константин Иванович — кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института истории и археологии
УрО РАН
- МИНЕНКО** Нина Адамовна — доктор исторических наук,
профессор, зам. директора Института истории и археологии УрО
РАН
- ПОВЕРЕЖНИКОВ** Игорь Васильевич — кандидат исторических
наук, старший научный сотрудник Института истории и археоло-
гии УрО РАН
- ПОЛУНОВ** Александр Юрьевич — кандидат исторических наук.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- ПОСТНИКОВ** Сергей Павлович — доктор исторических наук, ве-
дущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО
РАН
- ЧАГИН** Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, до-
цент Пермского государственного университета

OUR AUTHORS

- Michael O.AKISHIN**, Junior Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
- Veniamin V.ALEXEJEV**, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
- Daniil N.ALSHITS**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the St.Petersburg State Academy of Culture, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Member of Writers' League
- Boris V.ANANICH**, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Associate of the St.Petersburg Branch of the Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences
- Alexander V.BAKUNIN**, Doctor of Historical Sciences, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch), Honoured Science Worker of the Russian Federation
- Georgy N.CHAGIN**, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Perm State University
- Michael N.DENISEVICH**, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
- Nina A.MINENKO**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
- Igor V.POBEREZHNIKOV**, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
- Alexander Yu.POLUNOV**, Candidate of Historical Sciences of the Lomonosov State University of Moscow
- Sergey P.POSTNIKOV**, Doctor of Historical Sciences, Chief Research Associate of the Institute of History and Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
- Larisa G.ZAKHAROVA**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Lomonosov State University of Moscow
- Konstantin I.ZUBKOV**, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Russian Academy of Sciences (Ural Branch)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Статьи и сообщения	
АЛЬШИЦ Д.Н. Люди и нравы эпохи становления российской государственности XVI—XVII вв.	6
ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII — первая половина XIX в.)	21
МИНЕНКО Н.А. Отношение государственных крестьян Урала и Западной Сибири к местной бюрократии в первой половине XIX в.	43
ЗАХАРОВА Л.Г. О "личном факторе" в истории: Роль императора Александра II в проведении Великих реформ 60-х — 70-х годов XIX века в России	53
АЛЕКСЕЕВ В.В. Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя	64
ЧАГИН Г.Н. Праведный верою жив будет	73
ЗУБКОВ К.И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890-е — 1920-е гг.)	76
БАКУНИН А.В. Генезис советского тоталитаризма	93
Публикации	
АКИШИН М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII— XVIII вв.	121
ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Материалы по истории народной политической культуры (XVIII в.)	132
ЗУБКОВ К.И. Как рождалась концепция Русского Хартлэнда	147
МАККИНДЕР Х.Дж. Круглый мир и достижение мира	152
В помощь преподавателю вуза и школы	
ПОСТНИКОВ С.П. Образование Российского централизованного государства (XV — начало XVI вв.)	159
Научная жизнь	
<i>Конференции</i>	
ДЕНИСЕВИЧ М.Н. Международная научная конференция "Династия Романовых в истории России"	165
ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В. Научная конференция "Казачество на государевой службе"	167
<i>Рецензии</i>	
ПОЛУНОВ А.Ю. — Российские самодержцы. 1801—1917	170
АНАНЬИЧ Б.В. — В.В.Алексеев. Гибель царской семьи: мифы и реальность (Новые документы о трагедии на Урале)	176
Наши авторы	180
Содержание	182

CONTENTS

To reader.....	3
Articles and report	
D.N.ALSHITS. People and morals in the times of Russian state system formation (the 16th-17th century)	6
I.V.POBEREZHNIKOV. People's monarchy conception in the Urals (the 18th-the 1st half of the 19th century)	21
N.A.MINENKO. The attitude of state peasants in the Urals and Western Siberia towards local bureaucracy in the 1st half of the 19th century.....	43
L.G.ZAKHAROVA. Factor of personality in history: the role of the Emperor Alexander II in effecting the great reforms of the 60-70s in the 19th century in Russia	53
V.V.ALEXEJEV. The death of Emperor's House: opinion after three quarters of a century.....	64
G.N.CHAGIN. The pious lives by his faith	73
K.I.ZUBKOV. Russia and the Urals at the turning-point of geopolitical epochs (1890s-1920s)	76
A.V.BAKUNIN. Genesis of Soviet totalitarianism.....	93
Publications	
M.O.AKISHIN. New documents on the attitude of aboriginals of the Northern Zauralje towards the Russian authorities (the 17th-18th centuries)	121
I.V.POBEREZHNIKOV. Materials on the history of people's political culture (the 18th century)	132
K.I.ZUBKOV. How the conception of the Russian Heartland was born	147
H.J.MACKINDER. Round world and world achievement	152
For teacher of high and secondary schools	
S. P.POSTNIKOV. The formation of the Russian centralized state (the 15th- early 16th century)	159
Scientific life	
<i>Conferences</i>	
M.N.DENISEVICH. The International Scientific Conference "The Romanovs' Dynasty in the History of Russia"	165
I.V.POBEREZHNIKOV. Scientific Conference "Cossacks at the state service"	167
<i>Reviews</i>	
A.Yu.POLUNOV. Russian autocrats (1801-1917)	170
B.V.ANANICH. V.V.ALEXEJEV. The death of the tsar's family: myths and reality (New documents on the tragedy in the Urals)	176
Our authors	180
Contents	182

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1

Информационное научно-популярное издание

Рекомендовано к изданию ученым
советом Института истории
и археологии и НИСО УрО РАН

Ответственный за выпуск И.В.Побережников

Банк культурной информации
ЛР № 040127 от 16 октября 1991 г.

НИСО УрО РАН № 117(94)
ЛР № 020764

Подписано в печать 18 июля 1994. Формат 70×100/16
Бумага типографская. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,9.
Уч.-изд. л. 18,25. Тираж 1000 экз. Заказ № 1627.

Институт истории и археологии УрО РАН.
620219 Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.

Полиграфическое объединение «Книга»
454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2.